

**ГРАФИНЯ ЩАПОВА
DE CARLI**

**ЭТО Я, ЕЛЕНА
(ИНТЕРВЬЮ С САМОЙ СОБОЙ)**

Под редакцией К.К.Кузьминского

**ПОДВАЛ
1984**

@ Copyright by Elena de Carli, 1984

Photos by: R. Ferrantini

U. Spilny

F. Bernard

M. Chemiakin

All rights reserved.

Printed in the United States of America.

No part of this publication may be reproduced,
stored in a retrieval system, or translated in
any form or by any means, electronic, mechanical,
photocopying, recording, or otherwise,
without the prior written permission
of the author or the publisher.

Proofreading: F. Koss, KKK & EKP

Designed by EKP

Published & distributed by:

Milev General Systems Corporation

Dr. Michael Levin, President

P.O. Box 2351

New York, NY 10116

USA

Цена книги 15 долларов, включая пересылку /17 - авиапочтой/.

Заказы и корреспонденцию направлять по вышеуказанному адресу.

ОТ РЕДАКТОРА, ВЗЯВШЕГО НА СЕБЯ ФУНКЦИИ КОРРЕКТОРА

Запятые, как известно, ставят перед “что” и “который”, а также везде, где возможно. Где невозможно — они не ставятся, что, надобно сказать, характерно. 25 лет — четверть века — редактор ведет борьбу с машинистками и корректоршами, убеждая последних не править, и что “автору виднее”. Примеры из классики можно привести множественные, но — зачем они? И — для кого что — классика! Кому Стерн, а кому — скажем так — учитель чистописания Карамзин. Кому Хлебников, а иным и — Ахматова. Мне вот — Лимонов и Щапова.

Рукопись до меня уже кто-то правил, понатыкав запятых и прочих точек во многих, грамматически достоверных, местах. Без разбору — что в стихах, что в прозе, что в просто потоке сознания. Причесав ее а ля Бабаевский и Максимов. И восстановить рукопись первичную — не удалось. Пришлось пойти на компромисс, оставив кое-где иные знаки препинания.

Меня же — поэтесса Е. Инстатина К. Кузьминского и автора немалых антологий — вполне устраивала и авторская рукопись. Автор сам знает, когда и зачем он ставит ту или иную точку. Зачастую, не соотносясь с правилами грамматики для 6-го класса. Но мы и издаем — не учебник грамматики, а некоторую повесть (роман, узел, поток сознания, поэтопрозу и т.д.), вещь сугубо индивидуальную — и в стиле, в том числе. Поэтому я старался не перегружать повесть запятыми, особенно в кусках поэтических по преимуществу.

То же относится и к орфографии. Редактор-корректор и сам не знает, как пишется там “Банк-гок” — гоноккок, скажем, дело другое, но и в написании русско-американского жаргона — нет еще покамест совершенных правил. “Дормен” — это, отнюдь, не “швейцар” — имеем же мы французское “консьерж”, пользуемся (это шпилька в адрес издателя), “мэйк ап” — не адекватно слову “грим”, “сабвей” (собвей) же и “метро” — вещи, по-просту, разные. Аббревиатура “B.S.”, значащаяся на сумках Аэрофлота (“Березка Сувенир”), в американском имеет иное значение, “bullshit”, и транскрибируется Щаповой, как “большет” — но более правильной транскрипции этого слова, как и его самого, в наиболее авторитетной русской газете Америки, “Новом Русском Слове” Г-на Седыха, я не встречал. Оставим так. Как и иные американские реалии, имеющие хождение только на Западе, где и написан этот роман.

Словом, все претензии к грамматике/орфографии печатаемой вещи — просьба, в первую голову, относить к самозванному корректору (он же редактор) К.К. Кузьминскому, а не к издателю, наборщику или же автору.

5 марта 84
НЙ, подвалъ

К.К. Кузьминский

Это ты, Леночка.

Поэтесса, фитюлька, моделька, дитя.

Бросили девочку, профессорскую дочку, астеничку, астматичку, птичку малую — в водоворот этого бушующего мира — мало вам?

В белом вся она, в белом — и телом бела (а на нем есть веснушки, сердится, что заметил на фото!) — и в мечтах по волнам плыла, и на камушки кинуло.

Что говорить — в кино хотелось, и вина хотелось, и пелось, а потом — терпелось: и телом и темечком думала, морщила лобик, а ее — за лобок.

На Эдичку постирушку — так — постепенно — в старушку, в серую мышку, нет: не хотелось.

Что сказать тебе, девочка: будто я знаю? Самого волокет, плывем, как говно — волны швыряют туда и сюда. Зашвырнуло в подвал, лежу, не высовываюсь: страшно там, волны — а ну, как на камни?

Средь моря житейского — где? Одиночество, щепки. Разнесет и снесет: Вена, Греция, Рим — а Москва, а Париж, Петербург? Нет, Нью-Йорк. Попросохнул на солнце в Техасе — и опять: повело, понесло...

На Бродвей не суюсь: там модельки шагают, спешат. А зачем нам модельки?

Красота — это проклятый дар, подставляет себя под удар, красота — это бремя, пожар.

Красота — это жар, сам себя пожирающий жар. Красота — это дар.

Хорошо ли красоткой по Риму скакать? А по миру — с жиру бесятся, скажешь? Ох, как скважина горем набита — и ничто не забыто, заботы.

В этом мире — безногому лучше, чем такой — длинноногой, убогому лучше: не позарятся ведь, на позор — на обзор, хорошо.

Перетерпелось. И пишет теперь: о порядке потерь — в параллель воплям Эдички, птичка.

И можно до старости петь.

Моделька нью-йоркская, Рим и Париж — ну, а ты говоришь!

А хочется: тихий сад, под запущенной вишней, или яблоней там — в лопухах, паутина, крапива... Снова в детство? А как?

Пишется, пишется детство — а светит: агентство, манекен, маникюр, Маня кормит с ладони черемухой Ваню — я ее не виню, забивает вино.

Вот еще одна исповедь — как у Руссо — об исподнем.

В этом мире Господнем...

24 августа 83

Нью-Йорк,
Подвал.

Константин К.Кузьминский

ИНТЕРВЬЮ С САМОЙ СОБОЙ

Вы более слабы к капризам иль страстям?

Я встретила тебя за праздничным столом. Ты был одет в костюм Украины, и волосы твои кустом пушистым казались мне и пьяные глаза шатались за стеклами отделанных домов. Кто ты?

Я полугений в маске поэтов злобных, времени, событий, я хуй восторженных соитий, я бог войны, ребенок нелюбимый, я спать ложусь, как месяц над крапивой, и мне поют продрогшие сивиллы. — Слова свивают за неумением свить гнезда какая теплая пизда.

Так говорят лишь о погоде.

Но я-то не они, в моей природе растут горячие цветы.

И воздух душного Египта, и роскошь книжного востока.

Архитектурная добыча питает слабые умы.

* * *

Смешанный запах пота и пищи в подъезде, куда хожу во вторник и четверг. Спуститесь вниз, — за первым этажом вас школа ждет балетного искусства. И там увидите меня среди итальянских школьниц с короткими ногами и не по возрасту большими животами, и с темными, наверное от времени, грудями, а некоторые даже в бандаже и корсаже. Так рано лет, я вынимаю гладкий пистолет и убиваю юное уродство, — меня прощает солнце.

* * *

Нет ничего прекраснее Италии моей, я друг камней. Два Я смешались воедино. Вот так всегда. Темнеет. Сейчас зажгу я лампу Алладина, — откроется стена романтика-простолюдина. И гений сумасшедшего войдет, и на алтарь положит свой живот.

* * *

Его фаллос потянулся ко мне, словно растение к солнцу, а я улыбалась китайской улыбкой распутницы и наигрывала на невидимой мандолине виноградную песенку уличного неаполитанца.

Мне доставляет удовольствие вас не любить. Впрочем, помню и другое время, когда любовь к вам доставляла мне огромное удовольствие, но так же, как и тогда, я пью шампанское за удовольствие или за неудовольствие. Чувства меняются, но вкусы остаются.

* * *

За ваше здоровье!

Иду на кухню и ищу тарелочку с маленькими пирожными, потом понимаю, что эту тарелочку я видела не у себя дома, а в кафе, куда хожу каждый день по два, а то и три раза.

Резко брошенные слова остаются в памяти на гораздо более короткое время, чем запах, — так думает моя собака, мой темный пес, охотник он до уток, куплю ей мяса, свежих незабудок и лакированной воды бесплатно.

Пускай в пустыне путник будет осуждать, меня давно уж осудили все, и я лечусь, как массы, аспирином.

Прости — опять хожу я к личности своей, как надоели эти гости. Идем к тебе, мой эгоист Густав, я нежилась с тобою на холмах. Расстегивала длинные ходы и углублялась в нежные труды, и вся Земля казалась нам пушистая кровать. Я с именем твоим привыкла засыпать.

Стихами мы делились и едой, а вечер — молодой ребенок — дразнил нас звездами из облачных пеленок.

* * *

Метаморфозы — это правда?

Под деревом сидели двое женщин и мужчина, — в странной зависимости происходили их слова, движения и предметы. Длинное плетение из кружев менялось в руках ее на кисточку для рисования — кисточкой, вымазанной в десятки разных цветов, она водила по книге и пробовала читать по слогам. Так же внезапно книга исчезала и на месте ее появлялась коробочка с кокаином или осиный шарик опиума. Заканчивалось все это помахиванием веера на уставшие от жары кусты. Или незнакомцем в костюме для верховой езды. Он так же менялся и изменялся, но изменения его были более важными и странными. То он вдруг превращался в мангуста и легким прыжком в горло убивал кобру. Убитая кобра превращалась в двух людей, которые пробовали переспорить друг друга, — тогда, чтобы разрешить их спор, появлялся третий с сочиненной игрой...

Вам шах, а вам мат...

Он расчесывал ее больные волосы, она плакала от счастья.

Раненый муж жаловался на сердце.

* * *

Как вы мне надоели, как вы мне надоели, уже десять лет, как я вас знаю. И вы все беспокоитесь, что я так мало написала о вас, но я вообще мало пишу, я много курю и бездельничаю, когда-то я очень много читала, теперь и к этому занятию охладела, я принимаю сонные таблетки и сплю, я скорее мертва, чем жива, я приучилась молчать и не видеть людей, меня все время мучает холод, поэтому я согреваюсь коньяком и пледом, теперь я завела себе сеттер-гордон, говорят, что порода редкая, в магазине я выбрала его сразу же за его удивительно симпатичную морду. Если не льет дождь, то я с ним бегаю по скверу после ужина, потом, когда возвращаюсь домой, меня непременно рвет, я всегда забываю, что после ужина бегать нельзя.

По паспорту он Барон, я же зову его просто Василий, а то и Васькой. Он живет в гараже и спит в моей машине — воспитание спартанское, двадцатого февраля ему исполнилось четыре месяца.

Сегодня звонила девушка Таня, которую я не знаю, придет в понедельник, голос русский и сразу же на "ты".

Старые граф и графиня дуются, принц Келли уже две недели с ними не разговаривает, мне все эти семейные проблемы так надоели, что еще немного — и сбегу, хотя муж мой ангел, по-детски мечтателен и прожить без меня не может и минуты, дошло до того, что почти не ходит на работу, говорит, что все равно — выгонят или не выгонят.

Вообще, такое предчувствие, что скоро наступит конец света, Земля у нас иногда движется.

На улице продают мимозу, фиалки, тюльпаны, зажигалки, сумки и кожаные ремни. Открылось кошачье кладбище, с собаками вход запрещен.

Вчера исполнилось сто лет со дня смерти Достоевского. В русской библиотеке имени Гоголя в Риме по этому поводу был дан чай с просьбой о пожертвовании на библиотеку. Больше всех, как всегда, напился восьмидесятилетний Дюкин, хозяин библиотеки, в прошлом личный адъютант Врангеля. Кто-то пожертвовал десять тысяч лир. По-русски говоря, трешку.

Я пишу эту историю о том, как я вас ненавижу. Ты мне так действовал на нервы, что я от злости влюбилась в тебя. Боже мой, сколько я вынесла из-за тебя. Вот история для твоих детей, если они у тебя будут, если не будут, то еще лучше.

Москва, март, гололедица, прием в роскошном особняке нашего приятеля, посла Венесуэлы. Я в длинном вечернем платье и золотых туфельках, и ты, напившийся, как свинья, весь вечер следишь, с кем я танцую, и от этого напиваешься еще больше. Выходим из подъезда особняка, и ты тут же падаешь под ноги изумленному милиционеру, кое-как поднимаешься с моей помощью и, уже цепляясь за меня, балансируешь на своих высоких каблуках, которые я же и выписала тебе на свою голову из Парижа. Но не проходит и двух минут, как ты, словно пес, летишь теперь уже мне под ноги, я падаю вместе с тобой. Проклинаю алкоголь, гололедицу и свои тонкие каблукки, и тебя в первую очередь. Но на этом волшебный вечер не заканчивается. Как всем известно, поймать такси в полчетвертого утра на Садовом кольце ранней весной по календарю, и, все же, зимой, в реальной действительности невозможно. Мы стоим и ждем, стоим минут пятнадцать, но все же не настолько холодно, чтобы мои нейлоновые колготки снимать потом вместе с кожей, как это было однажды.

Я голосую и — о, посланник Бога! — добрый дядя, останавливается серая "Волга" и дядя говорит садитесь. Тебя, пьяную свинью, я почти что укладываю сзади, а сама сажусь на переднее сиденье. Минут через десять ты бьешь шофера ногами. Насмерть перепуганный частник резко останавливается, от этого машину заносит и мы чуть не врезаемся в столб. Шофер дрожит и просит нас выйти из машины.

— Девушка, я из-за вас остановился, холодно, зима, знаю ведь, что машину здесь не поймаете, что же это он делает? Мы ведь разбиться могли. — При этом наши лица повернуты в твою сторону, ты же бормочешь, хрюкаешь и подхрапываешь. В этом бульканье мы различаем твой праведный гнев на меня и на шофера, с которым я якобы флиртую.

— Извините, — говорю я шоферу, я вам сто рублей дам, поехали, он теперь смирный будет.

— Да ведь я не из-за денег, — бормочет изумленный шофер, — мне вас жалко стало. — Но все же тут же заводит мотор.

Ты еще два раза падаешь, но теперь перед домом, и мне все равно. Я тащу тебя по лестницам, ты вваливаешься в нашу маленькую чистую квартиру и тут же блюешь на пушистые белые ковры.

Я волоку тебя в ванну, и холодный душ льется тебе на голову, на твой бархатный костюм и батистовую рубашку, на твою безбородую рожу, по которой я хлещу руками, и — опять же на белые, белые, пушистые ковры.

Из ванной ты ползешь уже сам и совершенно голый ложишься на оленью шкуру в углу. Ангел ебанный, ангел ебанный — с этими благословенными словами ты отходишь ко сну.

Здравствуй, русская женщина Марья Васильевна, историю эту я взяла из твоего рассказа и из рассказа "про моего" Натальи Ивановны. Передайте привет Ксении Лукинишне и ее подругам.

* * *

Кем вы мечтали стать в детстве?

Сексуальным маньяком!

Елена по-гречески — факел, я — мрачное факельное шествие. Мне снится подвал с тигрицей и женщина, которая ее кормит и любит. Я знаю, что вот сейчас, если она спустится в подвал, то та начнет ее целовать, а потом растерзает. Я знаю, что это случится, но не скажу, ведь это я та женщина, которую должна растерзать тигрица. Вы знаете, сколько мне лет — до хуя, вы знаете, что я чувствую? ...пятнадцать. Я всегда чувствовала пятнадцать, даже когда мне исполнилось шестнадцать. Позавчера Эди сказал, что мой рай — это реки шампанского, берега кокаина и мальчишки под пятьдесят лет, лысые или седые, курящие трубку. Эди знает все, "мудрый как змея". Если вы меня спросите, о чем мечтают в детстве, то я скажу — в детстве мечтают о любви, еще не познав первого поцелуя, мне снились самые обычные порнографические оргии, как сказал бы чей-нибудь умный еврейский папа.

Я не читала никаких пособий по разврату несовершеннолетних. Поцелуй на экране телевизора мама закрывала от меня газетой. Но...

Сколько мне было лет, когда это все началось, не помню точно. Но что не больше

года, наверняка. Я ничего не знала о жизни, но я уже все знала о смерти. У меня была Астма — пишу Астма с большой буквы, так как это богиня удушья.

На протяжении семнадцати лет я испытывала состояние аквалангиста, у которого в баллонах кончается газ. Я ненавидела здоровых детей, я презирала их деревенские красные щеки после мороза и я завидовала их бронзовым тельцам на пляже. Я всегда оставалась ровно бледной. Я лежала в большой чистой комнате, окна и балкон которой выходили на ледяную холодную Москва-реку.

— Отойди от окна, — кричала, вбегая, мама. — Марш в постель. Проклятая река, из-за нее и болеешь.

Что может делать ребенок, который целые дни проводит в кровати? Он слишком много думает и читает. Если он не умрет, он будет самым знаменитым человеком на свете, и опять это странное расползается, накатывается чем-то белым, вздутым и наконец начинает шевелиться тем приятно-легким, что называется сон после болезни. Который тут черт старец? — закричал бравый солдат и причмокнул шпорой, — а ну вылезай из малого ребенка.

Ребенок был тих и молчалив до ужаса. В более частых мыслях ребенок убивал своего отца со всеми зверскими подробностями детской фантазии. В пять лет я поняла, что дядя, который приходит в наш дом и в кого я с наслаждением бросаю подушками — мамин любовник. Возненавидела, шипела, дико ревновала, но ее не выдала никогда. Подписав смертный приговор, три врача оставили палату немого узника этой жизни, у которого не хватало голоса сказать, что это неправда.

* * *

Ваше первое ощущение от Нью-Йорка?

Я почувствовала, что могу говорить по-английски. Войдя в слишком ярко освещенную гостиную, я обратила на себя внимание величественно чистой толпы с бокалами в руках и пушистенькими белками на коленях. Преимущественно этих зверьков держали женщины, но был среди них и мужчина. Он поразил меня своим близоруким благородством и тем случайно возбуждающим ароматом, который и вас по-деревенски валит в кучу шепелявых листьев в осеннем, но теплом лесу.

Ах нет, это совсем не легко — наконец решить, чего же вам хочется выпить, хотя вы сами были свидетелем того, как похабный Бахус и старая блядь осень пили желтое и красное шампанское. Я прошу голубого шампанского тем единственным шепотом, которого и услышать-то никто не может, за исключением с легкой сединой госпожи, что упрямо держит на непринужденно вытянутых коленях и без того хорошо воспитанную белку. Я смотрю на его длинные ухоженные пальцы, которые всегда спокойно мертвы, за исключением тех нервных минут, о которых и не пишешь-то никогда, так как грубое физическое тело раз и навсегда заявило свое право на воздух и совершенно поработило любопытное легкокрылое дитя, что, увы, залетает только однажды. Мы болтаем о маньеризме и последней восковой фигуре в музее мадам Тюссо. Выясняется, что бабушкой мадам Тюссо была знаменитая мадам Анго, отсюда и любовь к знаменитостям.

— Не могли бы вы поддержать мою белку, мне так срочно нужно позвонить. — И живая душистая муфточка уходит под мои пальцы.

Глупая белка начинает что-то врать про время и пшеничную меру нахальства.

Наконец господин возвращается с недоуменной озабоченностью и с некто, который так похож на морскую свинку.

— Антони, — говорит он в сторону пустого кресла и двух бокалов со следами губной помады.

Антони или морская свинка начинает что-то быстро говорить о национальном кризисе и ирландской революции.

Я себя ловлю на том, что совершенно не слушаю его, как, впрочем, перестала слушать и всех остальных. Какого черта я хожу на парти, я не знаю, впрочем, это не совсем искренне, я знаю, зачем я хожу, и все это ради того белого хлопистого снежка, который иногда идет, как правило, в маленьких, только близким друзьям знакомых комнатах или ванн.

— Парнель, как и я, закончил Кембриджский университет.

Вдруг прорезало мой слух:

— У вас есть телефон?

Я ему ответила, что телефон у меня есть, а также туалет и душ.

Свинка издала иии! Она была в восторге от шутки.

Ко мне подходит мой приятель и, глядя мне в глаза взором все понимающей собаки, говорит, что там на втором этаже меня к телефону. Из-за этой фразы я уже торчу здесь больше полутора часов.

Бабочка, душечка, солнышко, он все-таки очень сексуален.

Я лечу вниз по лестнице, туда, где живет дьявол, но мне он является всегда в виде развращенного блатного ангела.

Направо, а потом налево, в ванную, где растет белая сирень. Где яркий свет и где круглое зеркальное поле с шестью белыми невспаханными бороздами.

Я возвращаюсь в гостиную спокойная и счастливая, сейчас можно с кем-нибудь и поговорить — вообще-то, не так уж и важно, с кем, в каждом человеке можно найти что-то интересное, но хочется увидеть того, с белкой или морской свинкой, в общем неважно. Я нахожу его в обществе двух тридцатилетних девиц и бутылки Шато Марго. Все-таки хорошо, когда симпатичные и неглупые люди могут себе позволить дорогое вино и красивых женщин.

По-видимому, мои глаза слишком горят, так как я ловлю восторг в глазах у девиц, я завоевала себе право быть развязанной и делать то, что хочу, еще очень давно, когда за подписью — смерть — я подписала — жизнь, последнее слово осталось за мной.

— Давайте отойдем вон туда и сядем. — Я не тяну его за руку, от этой привычки мне пришлось отказаться, так как руки мои, за редким исключением, были ледяными.

Он наливает вино, и вековой уют кресел охватывает нас.

Мы садимся и пригубляем такое душистое и знаменитое вино. От этого вина или от чего другого у меня забило второе сердце, и через какую-то секунду я буду за бортом все заполняющей нежности и совершенно животного желания.

Я таю и теку через его пальцы тем особенным, весенним снегом, который превращается не в воду, а в сок кокосового ореха, что приносят по утрам улыбающиеся островитянки и со словами "гуд монинг, леди" выносят весь поднос на веранду.

Ты знаешь, что одна из них в тебя беспощадно влюблена.

Однажды ты застала ее за разглядыванием твоих маленьких трусиков. Она нюхала их

с тем болезненно-больным взглядом, который вдруг и тебя смутит. Застав ее на месте преступления, неизвестно, кто больше смущается.

* * *

Извините, какого черта я все время плаваю в прошлом, я не знаю. Знаете, у вас очень аристократические руки, неужели вы можете ударить. Я скоро вернусь. Спустившись на второй этаж, я увидела высокого роста создание и, кажется, с усами — он посмотрел на меня и сказал "хэлло" с кошачьим оттенком. Я сделала свои две линии и передала ему стодолларовую высокопарную банкноту, свернутую трубочкой. — Давно в Нью-Йорке? — спросил он меня, облизывая при этом палец, который, конечно же, был очень горьким. О Господи, на кой черт такой идиот нюхает кокаин? Но я человек вежливый, когда хочу, поэтому я ответила вежливо: — Давно, почти пять лет. — Вы что здесь делаете? — Мне хотелось ответить ему правду — что я ни черта не делаю, наверное, мой ответ это и подразумевал, так как я сказала, что я поэт. — О чем же вы пишете? — О том, чего никогда не было и не будет.

Зачем же об этом писать? Но у вас есть чувство юмора, вы диссидент? — Я фыркаю, что непростительно, так как, если бы кокаин все еще находился на стеклянной полке, то его бы, как говорится, просто ветром сдуло.

Нет, я не диссидент. Диссидент — это знакомый моей подруги Галки, он живет в Квинсе, где-то недалеко от нее. В Москве он был ее соседом по коммунальной квартире и писал на нее доносы, что к ней ходят иностранцы и что ведет она разгульный образ жизни.

Иностранцем был ее маленький репатриированный армянин, с которым она все еще состоит в законном браке, уже лет двадцать пять состоит. Сосед решил не дожидаться счастливой жизни в долгожданной квартире и, посчитав, что выехать по израильской визе куда удобнее, передумал и получил израильскую визу.

Еще мой трусливый друг Тима Латитский — вообще-то он никогда не был моим другом, он был друг Эдьки в Москве, он так боялся всех и вся, писал натужные стихи — оригинальная смесь Жуковского и Элиота. Готовил вкусно и чисто. Дружил с мексиканским посланником, который впоследствии украдет у меня иконы. Помню, как однажды позвонил насмерть перепуганный Тима и сообщил, что ему только что позвонили из группы СМОГ и предложили самосожжение на Красной площади — также было объявлено, что это большая честь и выбран он путем голосования. Я и сейчас начинаю хохотать, представив себе картину, как Тимочка, у которого всегда под руками градусник, и даже если у него и нет шарфа, то всегда такое представление, что кутается в шарф, идет на смерть, — за идею Тимочка умирает, но не сдается.

Женившись в Москве на Татьяне Отемкиной, которая приехала в Москву из Парижа, он не смог себе представить, что привлекательная сорокалетняя принцесса его даже не встретит в аэропорту, а мужской голос ответит по телефону, что Татьяна замужем и просьба не беспокоить. Положение тяжелое — Тима становится диссидентом, посылает открытое письмо Брежневу вместе с паспортом, которое Брежнев раскрывает и начинает читать каждую ночь перед сном, его мучают угрызения совести, ему снятся кошмары, мальчики кровавые в глазах — и наконец он кончает жизнь самоубийством, как все сто процентов президентов.

— Да, — говорю я человеку, который вдруг достает из кармана свою собственную баночку с кокаином, — я диссидент, — и смотрю на него взглядом порочного младенца. — Когда мне было шесть лет, я убила мальчика. — То есть как? Что вы имеете в виду? — Очень просто. Как все дети, я ходила гулять во двор около нашего дома и, как все дети, обожала строить песочные замки. В этот день под моим руководством было построено чудо природы, я вовлекла в эту игру детей постарше, поэтому дворец был огромный — с подземельями и каналами, со скульптурами и цветами. Вдруг появляется мальчишка не из нашего двора и не из наших домов номенклатуры, и в один миг начинает топтать и разрушать все наше грандиозное сооружение — не задумываясь, я хватаю свою железную лопатку и бью его по голове со страшной силой, он падает, заливаясь кровью и еще чем-то белым. Я в ужасе бегу домой и жду, когда появится милиция, но милиция не появляется — ни на следующий день, ни вообще никогда. Почему? Не знаю, но думаю, потому, что я была дочкой полковника КГБ, а он простым сыном дворничихи или сапожника. Но мне его совсем не жалко, ни тогда, ни теперь — он разрушил мою мечту. — Я думаю, что вы правы. Для богов все справедливо, все прекрасно, все чисто. Только люди думают, что одно справедливо, а другое несправедливо. — Это вы сказали? — Нет. Гераклит.

Вечер подходил к концу, но моя ночь долгая, и я никогда не знаю, что со мной случится. Я могу пойти в студию "фифти фор", захватив с собой мою немецкую подругу, или к моему другу японскому художнику, у которого я могу молчать и нюхать мой любимый "шу-шу" среди белого безмолвия его картин.

* * *

Что вы думаете о секс ченче?

Они бывают очень красивы и очень несчастны.

Что показать вам

И куда вас повести

Увы но большинство вещей банальны

За исключением блудливых травести

Кокетливы по-женски

И по-мужски нахальны

Как странно смотрит эта кошка

Чуть-чуть басит когда поет

В чулок заловленная ножка

И белой лапкой лапку жмет

В основу взят Шекспир и средние века

Когда трагедии игра

Принадлежала полностью мужчинам

Так за стаканом эля или джина

Мы пьяную историю

По мягкой шерстке гладим

До-до Мик-Мяу и Ко-ко

Конечно нужно жить легко

В нос веселящий газ

И разноцветный свет
Пойдите вон
Какой еще совет?..
История опасная игрушка
Прохожий берегись!
Здесь может быть лягушка!

* * *

Флавия и Кори устраивали шоу — это была забавная коллекция вещей, которые сшила Флавия, все они были швами наизнанку, полуголые, очень затянутые и из дешевых материй.

В общем, если хотите, родоначальники панка. Флавия и Кори уже тогда были с сантиметровыми стрижками и с белорозовыми волосами.

Кори был симпатичный гомосексуалист, который всегда делал мне потрясающий мейкап. Мой агент не был доволен, что я согласилась делать шоу для них, так как они не платили, но это твои друзья и делай как знаешь, сказал Золи.

За зал в одном из самых дорогих отелей они могут платить, а на манекенщиц у них, видите ли, нет денег. Впрочем, обещали расплатиться платьями.

Я приехала в отель и легко нашла всю команду. Зал, который был отведен для нас, был небольшой, но очень симпатичный, и конечно же на тридцать втором этаже.

— Зайди в гримерную, Кори там! — крикнула пробежавшая помощница Флавии с бутылкой шампанского. Я стала пробираться сквозь наспех повешенные тряпки, которые превратились в занавески. Войдя в гримерную, я увидела два столика с большими зеркалами и лампочками, контейнер с платьями Флавии и что-то примеряющую Линду, модель из моего агентства, и еще одну экзотическую девушку, которую я не видела никогда. Бутылки шампанского, запах марихуаны — в общем, обычная обстановка, но только с более симпатичными мне людьми, да и девиц было всего три.

— Где Кори?

— Линда, привет!

— Привет! Кори там. — И она махнула рукой в направлении еще одной занавески. — Иди, он ждет тебя. — Кори, как всегда, был в приподнятом настроении.

— Дорогая, садись, сегодня важный день, и мейкап должен быть потрясающим.

Я села в кресло, и Кори легким движением стал протирать мое лицо ваткой с лосьоном.

— Бэби, хочешь шампанского? — Что за вопрос, Кори, конечно хочу. Кори налил мне шампанского. — Смок?

— Да, спасибо. — Глоток, паф, красивые пальцы уже бегали по моему лицу и накладывали душистую основу. Вдруг я услышала странный мужской голос — занавеска скрывала меня от остальных участников шоу, поэтому я никак не могла видеть, кто говорит.

— Слушай, кто это там? — Кори хитро улыбнулся. — Это Мишель Лонг. Ты ее видела, когда вошла. — Мои глаза, по-видимому, округлились, так как Кори хмыкнул и прошептал: — Это секс ченч, она была мальчиком и сделала операцию, но тсс... она может услышать, потом расскажу.

Мишель что-то рассказывала такое, от чего все остальные покатывались со смеху. Я прислушалась.

— Итак, я сказала ему, дорогой, сегодня ночью ты, как всегда, придешь ко мне, мне нужно, чтобы ты меня хорошо выебал, — и знаешь, что он ответил? Дорогая, я устал тебя ебать каждую ночь, я устал, ты понимаешь, я больше не могу. — Послушай, тебе только двадцать пять лет, и ты уже устал, что же будет потом?

В ту же секунду за нашу занавеску просунулась голова и появилась Мишель в одних колготках, высоченная, с очаровательным лицом. Она пробасила: — Кори, что за прелестный ребенок, кто это?

— Елена, Мишель. — Хай! Кори! Но ее мейкап гораздо светлее моего. Боже мой, как она прелестна.

— Бэби, у нее очень светлая кожа, поэтому получается такой эффект.

— Посмотри, я хорошо сделала себе губы?

— Идеально.

— Мой Бог, до чего она худа. Сколько ты вешишь, бэби? — Сорок пять кило. — Мишель смотрела на меня своими дикими русалочьими глазами.

— Тебе она нравится?

— Фантастик! Какой у тебя рост?

— Метр семьдесят четыре.

— Но кто ты? Ты не американка?

— Нет, я русская.

— Сейчас придет мой бой-френд, я обязательно представлю ему тебя. — Мишель взяла сигарету, у нее были руки с ногтями дракулы.

— Мишель! — крикнула Флавия. — Иди сюда, я хочу еще раз примерить на тебя это платье.

Мишель удалилась.

— Тебе она понравилась? — спросил Кори.

— Очень.

Наконец Кори закончил свою прекрасную работу и попросил только, чтоб я сама покрасила губы. В волосы мне была воткнута белая орхидея, и из зеркала на меня смотрело худое мистическое лицо.

— Кори, ты гений! — И я издала губами звук, обозначающий поцелуй.

В маленькой переодевалке были все: нервничающая Флавия, ее помощница, Мишель, Линда, неизвестный мне фотограф, официантка, принесшая новые бутылки шампанского взамен старых, и, наконец, мой друг Сашка, которого я также пригласила как фотографа.

Вдруг раздвинулась дверь-занавеска и появилось нечто. — А это мой бой-френд, — мягко пробасила Мишель. Бой-френд был женщиной, но с таким странным лицом, что, будь Леонардо в наше время, это была бы его современная Монна Лиза. Наступила тишина, даже все видевшая Флавия не нашлась что сказать. Но Мишель уже схватила меня за руку и тянула знакомить со своим любовником.

— Это Елена, нужно быть осторожным. — И она расхохоталась. Все опять засуетились, захлопали пробки от шампанского. Сашка защелкал фотоаппаратом, и уже слышались голоса людей, наполняющих небольшой зал, — нас стали одевать.

Шоу прошло блестяще. Мой костюм с совершенно голым боком и практически од-

ной грудью наружу произвел сенсацию. Каждая из нас имела на палочке маску, которой мы иногда, как веером, прикрывали себе лицо. Маски также сделал Кори, и они походили то ли на японские лица, то ли на наши собственные.

Народу было множество, и после шоу должен был состояться обед, на который идти у меня не было сил. Мишель познакомила меня со своими друзьями — с тяжело беременной женщиной и ее мужем. Их всех я пригласила к себе на парти на следующий день.

В это время я снимала большую студию, Пятьдесят восьмая стрит между Парком и Легсингтон. Получилось так, что снимала я ее у Сашки, но почему-то вместе с ним. Сашка был мой приятель, как я уже сказала, фотограф, верящий в летающие тарелки, остроумный, ужасно оборванный и имеющий в любовницах итальянскую графиню лет на двадцать пять старше его, феноменальную дуру, но все еще красивую, — как-никак, в свое время была на всех обложках "Вога" и, опять же, муж — американский еврей, хирург-пластик. Сашка смеялся и говорил, что переделывать ей нужно ноги, а не лицо. Сашка мне клялся, что будет жить в Бруклине или на Брайтон-бич, но его хватало ровно на две недели, потом он прикатывался опять. Студия состояла из трех огромных залов. Сашка мне не мешал, он был ужасно одинок, так же, как и я со своей белой глухой персидской кошкой. Ни у меня, ни у него не было денег, деньги были у моего бой-френда, который и оплачивал этот этаж и телефон, мою косметику и такси. Но слишком часто мне приходилось идти из даун-тауна пешком. У меня не было денег даже на сабвей. Однажды, прохажив целый день из студии в студию и не найдя работы, я вошла в вечерний сабвей и протянула в кассу последний доллар. Кассирша не успела разменять его, как огромная черная рукахватила доллар из блюдечка кассы. Я даже не успела прокричать "бастард" — он исчез.

К счастью, какой-то джентльмен, видевший всю эту картину, опустил за меня жетон. Темный сабвей видел все.

На следующий день состоялось парти. Наша студия была чем-то вроде дискотеки, так как у Сашки еще до того, как я появилась, была идея устроить из нее русский клуб и таким образом сделать хоть какие-нибудь деньги. По этому поводу был повешен огромный вертящийся шар — точно такие же шары висят в любых дискотеках, серебряные, медленно вертящиеся, они разбрасывают разноцветные блики на прыгающие или извивающиеся пары. Сашка конечно же, потерпел убыток, так как все приходили, пили дешевое калифорнийское вино, танцевали, трепались, но денег не платили. Да и какие деньги у только что приехавших русских иммигрантов. Потом идея приняла более романтический характер и было решено устроить что-то вроде хлыстовского дома. Во времена Петра Великого в России существовала секта под названием "хлысты". Главенствовали в секте избранная Богородица и Христос. Новоприбывшие целовали троекратно Богородицу — во имя Отца в левую грудь, во имя Сына в правую и во имя Духа Святого — где холм пушистый. Потом начинались танцы. Томная медлительность была началом, потом темп убыстрялся все сильнее и сильнее, пока не наступал момент дикого экстаза, и люди начинали раздеваться и бить себя уже заранее приготовленными плетками и хлыстами. Когда момент достигал кульминации, тушился свет и начиналась оргия. Петр четвертовал Христа и Богородицу, казнил главных зачинщиков, но секта была популярна еще долгое время после этого.

Идея была подана Сашке одним из его друзей, но осуществлена никогда не была. Время было около девяти, и начали гуськом идти первые гости. На подобных парти в Нью-Йорке ты никогда не считаешь, сколько у тебя будет гостей, это не буржуазная Европа, где все еще так или иначе, но делают реверанс. Нет, здесь, в подобных лофтах, порой гости так и не узнают хозяев и уж тем более хозяева гостей. Гости гостей и еще раз гости гостей. Я танцевала с одним из друзей моего мало знакомого приятеля, народу уже было человек сто. Наконец я увидела лицо Мишель, она была в окружении не знакомой мне компании, среди которой, впрочем, я разглядела Еву и Тома, тех самых, что были на моем шоу. Я прервала свой танец с юным Аполлоном (он и вправду был необычайно красив) и к тому же писал стихи на древнегреческом языке. Я подошла к экзотической группе, и меня тут же встретили воинственным восторгом.

Ева была на восьмом месяце беременности, Том был тих и благородно торжествен. Мишель элегантно курила джойнт и представляла меня своим друзьям. Разговор, конечно же, вертелся вокруг прошедшего шоу. Я и Мишель были звездами программы. — Елена, это мой друг с Кубы, — сказала Ева. — Я ведь тоже иммигрировала сюда с Кубы — Боже мой, как там было хорошо! Впрочем, я благодарна Фиделю за то, что я сейчас здесь, в Америке, и встретила Тома, у меня уже взрослая дочь от первого брака и вот сейчас будет еще один ребенок. — И все при этом со странной нежностью посмотрели на Тома.

— Ты хочешь девочку или мальчика? — Лучше бы, конечно, девочку, но кто знает. К нам влезла Сашкина графиня и, стрельнув на меня волчьим взглядом, сказала: — Ну что, приятно иметь успех? — Очень, — в свою очередь ехидно ответила я. Сашка был наряжен в мою красную шелковую рубашку и белые мои же джинсы, этому комару везло — у нас с ним были одни размеры. — Вот, — сказал Сашка, — графиня "Гуччи" пояс подарила, — и он торжественно похлопал себя по тому месту, которое могло бы быть животом. — Саша, ты слишком много говоришь, — сказала графиня, — это совсем не остроумно.

— Да, но зато правда.

— Мы говорим, что простота хуже воровства, — сказал тут же рядом стоящий Андрей. — Сашка потянул графиню за палец и как бы попробовал губами стянуть с нее бриллиантовое кольцо. — У вас, у русских очень глупые шутки, пусти меня немедленно.

— Завтра я ее отпизжу, — сказал по-русски Сашка, — обожаю ее пиздить.

Народу было уже так много, что даже орущую на всю громкость музыку не было слышно. Стоял гул, люди сидели на полу, спали первые пьяные. Парти удалась. Из ванной вылезали растрепанные девицы с потекшим мейкапом и юноши с полуудовлетворенными глазами. Мишель обнимала меня за плечи, и я чувствовала на себе слишком сильные для девушки руки... — Бэби, я люблю тебя. — Я тоже. — Приходи завтра на парти в "Хара", придешь? — Конечно.

К нам подошел Сашкин друг Рэнди, он с удовольствием смотрел на Мишель. — Познакомьтесь: Рэнди, Мишель. Мишель — Рэнди.

Они сразу ушли танцевать. Я видела, как Сашка тянул за волосы какую-то девицу, она визжала то ли от боли, то ли от удовольствия. Было пол-четвертого утра и дым веселья стал затихать. Допивались последние остатки вина, последние бродяги удо-

вольствия спрашивали друг у друга джойнт. Не находя больше вина, джойнтов и женщин, они уходили.

На следующее утро, как всегда я проснулась от телефонного звонка.

— Катрин, какого черта, ты же знаешь, что я сплю, сколько времени?

Катрин не была сюрреалисткой, а поэтому не ответила, как официант Сальвадора Дали, что это "время вечерней молитвы", — она рассмеялась и сказала, что у всех нормальных людей ланч. Господи, сколько раз я это слышала в своей жизни, — и в Москве, мне иногда звонили люди, которые не переставали удивляться, что я сплю в час дня.

— Дорогая, у тебя сегодня эпойнтмент в "Мадмуазель", помнишь? Это очень важно.

— Катрин была хорошая американская девочка, влюбленная в меня без памяти, но ее было слишком много. Мне стало действовать на нервы, что она начала являться без звонка, хотя и с цветами и бутылкой вина, и с шарфиками, завернутыми в подарочную бумажку, кокетливо перевязанную бантиками.

— Что ты делаешь вечером?

— Я не знаю, а что?

— Мы могли бы пообедать вместе.

Этот обед будет мне стоить безумных поцелуев от Катрин, неловких объятий. И еще раз умоляющее нытье о последнем поцелуе. Рот Катрин напоминал мне огромную темную пещеру. Пустота пугала меня... Впрочем, за всю мою любовную практику я встретила только одного человека, который умел целоваться. (Да и тот был профессиональный сутенер.)

— Я позвоню тебе, когда вернусь.

Я встала и раздвинула белые тяжелые двери большой мастерской. Сашка лежал в конце комнаты, завернутый в какие-то тряпки, и дрых. Рядом с ним таращилось и виновато улыбалось одно из вчерашних созданий. Я бросилась под спасительный душ. Через десять минут я, как всегда, исчезну до ночи.

Я бегу по студиям фотографов и безропотно жду своей очереди в ряду таких же американских девочек — достать работу необходимо. У меня доллар в кармане, а мне нужно ехать еще в пять мест, правда, я научилась очень быстро бегать на своих двоих. Но иногда концы были совсем разные, и часто я опаздывала. Кто-то позвал меня по имени, и я увидела Мелинду, девочку из моего агентства. Мелинда всегда снималась в итальянских фильмах в образе древнеримских рабынь, у нее была большая грудь и узкие бедра, но ее участь как модели была уже предрешена — ее почти не снимали. — Хай, Мелинда! — Хай! Ты знаешь, о чем идет здесь речь? Кажется, нужны руки, не понимаю, что я здесь делаю, Элена, покажи свои руки, у тебя потрясающие руки (при этом она протянула мне свою — невыразительная рука с короткими ногтями) не понимаю, Элена, что я вообще делаю в этом бизнесе, сниматься я не умею. Сравни твоё портфолио и мое, работы нет, я думаю, что уйду. — При этом она тяжело вздохнула.

— Мелинда, увидимся, мне надо идти, — и я вошла к очередному фотографу. Почти что ко всем фотографам у меня ненависть: почему я должна понравиться этому уроду, почему он должен решать, подхожу я ему или нет, — всю жизнь командовала парадом я. Я никогда не любила фотографироваться, моя философия по этому поводу напоминала философию диких массаев — миф об украденной душе. Я могу кокетни-

чать с кем угодно, но не с фотографиями, это для меня низшая раса, я понимала, что эта глупая ослиность ни к чему хорошему не приведет, но изменить я себя не могла. При современной технике фотограф претендует быть художником. Вершина — всемирно известные открытки Дэвида Хамильтона.

Я понимаю фотографию и люблю ее, иногда я рассматриваю книги так называемых корифеев — Хэльмута Ньютона и Даяны Арбус. Но когда в галерее Мальборо была выставка Ньютона, то для меня это был провал не Мальборо, а Ньютона. Я не хочу сейчас говорить о концептуальных фотографических выставках в галерее Каstellо, это другой объект. И другой зал.

— Как тебя зовут? — Елена. А тебя?.. — Фотограф смотрит на меня как на сумасшедшую, наверное, предполагается, что я должна знать его имя. — Могу я посмотреть твоё портфолио? — Я протягиваю. — Могу я посмотреть твоё? — Он изумлен, но все же дает мне своё, при этом плетет что-то о его неполноте, так как какие-то фотографии в другом месте. Те же самые истории плетут и модели — о потерянных в самолетах портфолио. Узнав, что я русская, удивляется еще больше. Не зная, что спросить, задает дурацкий вопрос: А у вас здесь есть русская еда? Что вы имеете в виду? Икра и водка? — Разве икра и водка — это русская еда?

Господи, говорю я сама себе, как низко я пала, что вынуждена общаться с подобными субъектами. Он смотрит мои руки. — У вас красивые руки, но если у вас есть карта, то оставьте. — Я медленно свирепею и бросаю своё "бай" в воздух, и выхожу вон. Мелинда выпячивает грудь вперед и проходит к нему в комнату. Больше я о ней не думаю.

* * *

В покои раздвинутых ног
Заходит уверенный Бог
И голая скачет вода
И шепчется русское да
Развратница вроде бы вниз
Но то добровольный каприз
Не верит что это игра
Она полутемный раба
И рыба и птица

Банког

Норвегии белой улыбка
Французское эс-улитка
Где вниз виноградная ветка
Седые врачи и кокетка
И космос пронзает АОХ...
Не может здесь быть ошибка
В покоях раздвинутых ног
Лежит неуверенный Бог
И вечная полу-улыбка.

* * *

Вся жизнь моя прошла в мужчинах
Как буд-то в сливах или вишнях
Я расстилалась словно пашня
И умирала где-то выше
Ах дорогой шепчу я тише
Я просто временное наше
По волнам вен бегу как кража
И шепот мой лишь ветер южный
Теплом навеивает сказку
О жизни странной
Жизни чудной
Младенцу в белую коляску.

* * *

Уселась бабочка, на влажный женский орган
Пьет бабочка душистый белый сок
И солнышко целуется в сосок
И хитрая трава щекочет спину
Постой же бабочка
Сейчас тебя я выну
Совсем уж ослабела ты
И пастушок из обожженной глины
Дрожа ложится между ног
И веселей уносится поток
Журчащих рек осьмнадцатого века.

* * *

Когда заходим мы в бордель *Банкока*
Где полутемный бар
И выпивка двояка
Где слышен голос пьяного поляка
Там мы садимся под китайским фонарем
И ряд невест окидываем взглядом
Они встречают нас шумящим садом
И даром дарят тонкие улыбки
Иль красным шариком вдруг дуют губки
И глядя на меня чуть выше поднимают юбки
Смущаюсь
— Я первый раз присутствую в борделе
Шепчу я другу своему
Что первый раз?..

Сегодня первый день недели
Ты не забудь послать открытки...
Ну скажем
Ты выбери себе креветку
И с ней займись массажем...
Мигает лунная гора
А с ней тайландка
И мы уходим в маленькую клеть
Чтобы на тело у друг друга посмотреть
Она меня купает в ванне словно куклу
И чуть ли не несет на берег простыней
Уверенные руки делают пассажи
История о немке
Пиве, муже
И просьба пригласить
В мой дорогой отель
Мне нравится бордель
А пальцы у нее
Обсасывают косточки моей спины...

* * *

Она улыбалась волку и мне
Играла старательно на трубе
Белесые волосы пахли весной
А может то пахли цветы
Что росли у нее на груди?
Белые лилии красные розы
Нарциссы, фиалки и мимозы
Все это высыпалось хором
Мне на руки
Когда молния на ее комбинезоне
Была отдернута мной
Как она растерялась
Моя первая и незабываемая
Весна.

* * *

Мне сегодня исполняется
Двадцать восемь полных лет
Платью белому мечтается
В кружевной большой балет
Все еще живешь с фантазией
О любви которой нет

Поднесли-б ее на ложечке
Как забытый лед шербет
Только дверь вдруг раскрывается
И подносят нам шербет
Северянин улыбается
Принц фиоли и карет
Дорогая моя деточка
Вы конечно заслужили
И любовь как мирты веточку
Мы в подарок засушили
Может все еще услышите
Шелест чувств вами неузнанных
От фантазий необузданных
Излечений уже нет
Вам сегодня исполняется
Двадцать восемь полных лет
Но как глупо вам мечтается
У поэта слова нет.

* * *

Вы предпочитаете странных друзей или морозный вечер?
Я предпочитаю странных друзей в морозный вечер.

Я возвращаюсь к себе в студию после сумасшедшего дня поздно вечером и как всегда застаю народ. На сей раз вся русская команда, Сашка, Андрей, Леня, Света, Гриша и еще японская девочка, которая все время говорит спасибо. Они едят и пьют, они полны энергии и далеко идущих планов. Я — зла и устала. Сашка перехватывает мой недовольный взгляд. — Ленок, садись отдохни, джойнт хочешь? — Я выкуриваю не очень крепкий джойнт и нервная усталость спадает. — Да, — говорит Андрей, — вот обсуждаем здесь, как заработать быстро деньги. Ленька предлагает свинью ебать и показывать это за деньги. — Все довольно хихикают. — Дураки вы, ничего не понимаете (рыжий Леня вполне серьезен), такого еще не было. — Леня, — спрашиваю я, — а кто ебать будет, ты? — Все гогочут. — Конечно он! — кричит Андрей, — он только об этом и думает. — Да, — подтягивает Сашка, — ему бы только до свиньи добраться, а уж там он себя покажет, но все-таки ужасное блядство: за собственное удовольствие он еще хочет брать деньги... — В это время в дверь нашей студии раздается стук. Сашка открывает дверь, и на пороге стоит другой Сашка по прозвищу "инженер". — А-а, инженер, проходи, проходи... — Ребята, а что это вы здесь делаете? Обсуждаем, как заработать деньги, у тебя есть соображения? — Мне Сашку-второго ужасно жалко, он дико худ, и за длинными грустными усами скрывается душа девочки и мечтателя. — А я картину нарисовал. — Наступает молчание. — Покажи. — На картинке Сашка изобразил самого себя в виде шаржа, что-то гоголевское было в его лице. — Саша, есть хочешь? — спрашиваю я. — Спасибо, только маленький кусочек. — А тебе никто большой и не предлагает, — отвечает другой Сашка. — Юсука, хочешь посмотреть,

как Ленька будет свинью ебать? — Сеньку, — улыбается девочка. Хорошенькая японка смотрит на Сашку влюбленными глазами, думаю, что кто-то из самураев был в ее роду. — Лена, ты потом зайди в мою студию, я тебе покажу, какие картинки я сделал, я показывал фотографии с тобой разным людям и всем очень нравится, — говорит гоголевский Сашка. Дело в том что он меня все время фотографирует и нужно сказать неплохо. — Спасибо, Саша, я обязательно зайду завтра.

Его студия над нами, его жизнь это жизнь взаймы, он герой Достоевского, маленький человек в большом мире, и только его мать будет плакать над его судьбой.

— Что, Юсука, нравится тебе Акута? — Что? — вежливо переспрашивает девочка. — Я спрашиваю, тебе нравится Акутагава? — на ломаном английском языке спрашивает Ленька. Ленька зовет Сашку первого Акутагавой или по-простому, Акуттой. Ленька наверняка Акутагаву не читал, но имя ему нравится. Такие люди встречаются везде, обычно на диком западе они говорят Достоевский и Солженицын (часто просто не могут правильно произнести) в дикой Европе Акута, а на востоке они просто улыбаются. — Да, очень, — улыбается японка и кивает лотосовой головой. Все смеются.

Когда вы смотрите на женщину, то на что больше всего обращаете свое внимание?
На ее руки.

Когда неделя подходила к концу и миссис Джексон довязывала последнюю петлю на шарфе мистера Худякова, когда голубые губы моря приветствовали белый с кракелюрами зад заезжей иностранки и камни, что казались ровными и гладкими, все-таки въелись в ее ноги... Тогда неглубокая боль, но все же заставила задуматься о жизни.

Она разложила красное махровое полотенце с белым якорем на Пятой авеню анти-советского города и подумала о таких материалистических вещах, как ее мать, оставленная в большом пространстве с гадкой болезнью в желудке.

Солнце с удовольствием входило в красивое длинное тело и старалось не внушать страха о последствиях обожженной кожи.

Негры в розовых сапогах, в шляпах со страусовыми перьями и беленькими пудельками в бриллиантовых ошейниках предлагали за доллар отойти в мир иной.

Отвергнув предложение нереального счастья, она подумала — в общем-то ведь вся разница жизни заключается только в двух словах: Уже и Еще.

Мне Еще только восемнадцать лет и мне Уже тридцать.

Мысль об Уже и Еще так поразила ее, что она чуть не заплакала от жалости к себе самой, но для этого было слишком жарко.

Она и я лежали на спине только в одних маленьких трусиках цвета водорослей Адриатического моря, и южные итальянские жители могли с удовольствием лицезреть насмешливые, курносые грудки с высоты запущенной набережной и разваливающейся башни, что была вдруг превращена в маленький мечтательный ресторан.

Мы смотрели на солнце, которое казалось почти что черным из-за специальных пластиковых, даже и не очков, а чего-то вроде крабьих наглазников с тонкой металлической проволокой посредине.

Помнишь того вечно злого и никого не любящего, кроме себя, так он сказал, что женщины не могут писать эротические романы это всегда выглядит пошлой порнографией.

В большинстве случаев женщины более откровенны, чем мужчины.

"Ты женщина и этим ты права!" — патетично произношу я.

Говорят, что я цинична — ну значит, не ханжа.

Но что такое циник? Не есть ли это самый большой романтик, который получил столько ран и обид, что был вынужден обратиться к защитной маске цинизма?

Кажется, я где-то это слышала или читала...

Конечно, на земле никто не впервые...

Когда я впервые раскрыла дверь сауны и меня обдало нежно горячим воздухом, я увидела женщину, которая, если бы даже и хотела, не смогла скрыть своего чувственного возбуждения, вытекающего крупными сладкими каплями длинной капризной сосны.

Тогда я очень смутилась и, улегшись на первую сухую деревянную полку, подумала о предстоящем знакомстве с этой чуть постанывающей женщиной. Я была уверена, что что-то должно произойти между нами здесь в сауне, и моя фантазия, откинувшись в "Валентиновском танго", видела жаркую любовь все той же девочки из виноградики и мудрого повелителя, который с сожалением скажет: "И это пройдет".

Она спускалась с горы, и в ее тонких руках были полные ведра воды, на ее лбу блестели легкие капли пота, и дети, вымазанные гранатовым соком, весело кричали: Кровь! кровь!

Ее рука опустилась в голубоглазые ведра, и она почти что пропела: "Любовь — это опасная игра, и кто серьезно играет в эту игру, тот выбирает серьезного партнера". Потом, как бы очнувшись: "А? Для чего я это сказала?" Вдруг выхватила руку из воды и брызнула на меня холодными каплями.

"Знаешь, твои руки прекраснее без колец", — сказала я ей. Разве нашлись бы такие кольца в мире, о которых бы я сказала: "О да, они прекраснее твоих пальцев", и тогда... Тогда вся бы природа с ужасом замерла бы и страшное молчание выжидало. И вдруг человек в красном плаще с лицом, которого потом никогда не вспомнишь, когда проснешься, а не помнишь ты его потому, что его просто и не было, был все тот же серый тенетный мешок, а может быть, не мешок, сачок с двумя прорезями... Невидимый ужас, знакомая смерть, и тогда человек в красном плаще размахнется и... Не мертвых, а полуживых, царь-то их осьмиглавил. "Ах, — крикнешь ты, — возмите ваши кольца назад и верните мне мои пальцы!" Какие у тебя тонкие руки, а пальцы, таких не бывает, можно, я подарю тебе это кольцо, это моя любовь, и просьба помнить до конца дней твоих.

С возрастом память уже не так отчетливо видела их лица, но те, которые были не безразличны, запомнились, а больше всех их запомнилось из детства и юношества.

Запомнилось и то, когда я посмотрела на ее грудь и молоко ее показалось мне ужасно невкусным. Я прекрасно помню тот миг, когда грубо отпихнула ее, а вот как говорила она, что сегодня я от груди отказалась, этого не помню.

Примерно через пятнадцать минут женщина спустилась вниз. Скорее она казалась уродлива, чем красива, ее тяжелые бедра напоминали о земле. Она отдулась попаровозы и вышла почти с деловым выражением.

Вы любите страдать?
Да, я люблю удовольствия.

Так, например, я получаю удовольствие от чтения:

Генрих берет Германию в руки.

Гегель бросает плоды науки, Гимлер и Геббельс танцуют Штраус, ну а в России порвали парус, и умер-то он не каясь.

Все-таки Германия и Россия очень близки, думаю, что России нужно захватить всю Германию, а не Афганистан, конечно, Индия и белые слоны это мечта детства, но чтобы покорить дикий народ нужно быть морально устойчивым, а не курить марихуану и гашиш. Если бы был жив Сталин, то он бы сказал: Расстрел за предательство Родины, а Геббельс велел бы выдавать немного кокаина или спиды.

* * *

После этой речи Жанна д'Арк подняла бокалы за дорогую Францию. Огонь костра таращил языки.

Русская империя пела народные песни.

"А Англия?", только пожимала плечами Индия?!

Впрочем, у них еще осталось серебро.

Значит, вы думаете, что Советы хотят захватить весь мир?

Я думаю, что я хочу доесть этот салат.

Простите, вы сколько получаете?

Я?

Да.

Сто тысяч в год.

А хотели бы получать триста?

Ну конечно, хотя правда за что, Впрочем, я не святой...

Да не ломайтесь, за вашу же работу, которую вы делаете сейчас.

Ну хотел бы...

А, что по-вашему грандиознее Римская империя или Италия?

"Римская империя" — более торжественно, но я Христианин.

Тогда вас бросают на растерзание ко льву.

Фанатизм побеждает.

Да, если идея гениальна, а если нет?

* * *

Вы когда-нибудь чувствовали запах крови?

Я чувствовала запах мяса.

Что больше всего привлекает ваше внимание?

Женщина на балконе, когда она меня не видит.

Вы верите в Бога?

Знаете, этот же вопрос я задала девушке Тане. — Она ответила: Да, если он человек.

Ну а вы?

Когда мне очень плохо я прошу его о помощи.

* * *

Когда вы просыпаетесь с утра
И чувствуете боль
Что вдруг ползет по стенке живота
То вы не скажете: "Ах, это тетя смерть!"
Сейчас не время глупая, не смей"
Вам даже не придет такая мысль
Вы как всегда, войдете в свой халат
Глоточек кофе, булка, шоколад...

Я проснулась утром от ужасной боли в правой стороне живота, но обращать внимание на такие мелочи у меня не было времени. Сегодня предстоял большой показ у одного из самых крупных дизайнеров Нью-Йорка. Пятьсот долларов на дороге не валяются, поэтому быть больной я не имею права. Я встала, как всегда приняла душ, вымыла голову и отправилась на работу. Денег не было даже на автобус, поэтому я потащилась пешком. На мне висела тяжелая сумка с тонной косметики, коробка с электрическими бигудями, несколько пар запасных колготок, легкий халат и маленькие тапочки, щетки, лосьоны и кремы. Все это составляет необходимость любой модели, и все это она всегда таскает с собой. Обычно я очень быстро хожу, но сегодня из-за этой проклятой боли мне пришлось останавливаться несколько раз.

Когда я пришла, как всегда был страшный ажиотаж. Десятки моделей, десятки помощниц, снующие осветители, работники сцены ответственные за показ, дизайнер, его помощник, его бой френд, его секретарь, официантки с кофе и шампанским. В общем жуткий бардак и суeta. Зал был огромный и сотни американских леди и джентльменов ожидали увидеть новое модное чудо сезона. Билл Блас, это не Флавия и Кори. Билл Блас рассчитан на богатого буржуазного американца, на его привычную консервативность и то, что называется хорошим вкусом. Но несмотря ни на что, через все это просвечивают все те же американские клетчатые штаны.

На время всей этой кутерьмы я забыла о боли, ее заглушила музыка и нервное напряжение. На все ушло часа четыре если не пять.

Обратный путь домой напомнил о средневековых пытках. Кое-как я дотащиась до своего респектабельного дома с дорогим подъездом, дорменами и со всегда готовым к услугам черным лимузином и черным шофером. Я въехала в эту квартиру совсем недавно по моему возвращению из Парижа.

Это была маленькая двухкомнатная квартира с окнами, выходившими не на Сент-рал Парк Саус, где и находился дом, а на черный колодец. Впрочем, в Нью-Йорке хороший вид мало кто имеет. Вечное, горящее электричество и совершенно пустая квартира. Вру, мне был оставлен диван-кровать ужасного красного цвета.

Бывшая владелица — леди Кэрол, еще хранила здесь какие-то коробки с ее утварью. Высокая красивая брюнетка тридцати четырех лет была когда-то замужем за английским лордом. Он познакомился с ней на корабле, где Кэрол подрабатывала тем,

что таскала какие-то мешки уж Бог знает с каким товаром. Старый лорд влюбился в романтическую американскую девушку и предложил ей выйти за него замуж. Так странная американская девушка стала леди Кэрол. Но вскоре правда раскрылась. Кэрол предпочитала героин и буддизм старому лорду, а опасная перепродажа наркотиков возбуждала ее гораздо сильнее, чем верховая езда по парку. Лорд ее бросил, отобрав также титул и все привилегии.

Я легла на красный кусок диваньего мяса и стала разговаривать с болью. Я ее умоляла пройти. Я обещала Богу не пить и не курить и не трогать наркотиков, если все пройдет я доказывала, что это глупо и так далее... Мои мольбы были прерваны телефонным звонком.

Вы думаете, что иностранцы понимают русских? — Нет, но они думают, что они понимают русских.

Лиля Мор считалась моим агентом и персональным менеджером. Она была шведка, в прошлом одна из самых крупных моделей Нью-Йорка, а в настоящем — сорокалетняя, довольно милая блондинка, с талией самой худой балерины и с бюстом плейбоевских див. Лиля с моей помощью организовала модельное агентство, где я была примадонной и плюс у меня должен был быть свой пай в этом деле. Она говорила по-английски так, что понять ее было совершенно невозможно, а может быть, это казалось только мне. — Как дела, бэби, как прошел показ? — Нужно заметить, что за все это короткое время Лиля не нашла мне ни одной работы, все я доставала себе сама, и процентов Лилечка от меня никаких не получала. — О.К. Но деньги только через неделю. — Почему у тебя такой больной голос, что-нибудь случилось? — Не знаю, у меня страшная боль внизу живота.

— Я позвоню врачу.

— Не надо умоляю тебя, все пройдет само, это бывает. Думаю, что это просто обострение моего колита.

— Нет, слушай, с этим шутить нельзя, я тебе сейчас перезвоню. Бай. Я повесила трубку. — На хуй подумала я, никуда не пойду. Лиля перезвонила тут же. — О.К., бэби, все в порядке, я договорилась. Тебя сейчас примет мой врач. — Лиля, у меня нет денег! Заплатишь потом. — Но у меня нет денег на такси! — Это пешком от тебя в двух шагах. Вставай и иди, тебя ждут. — Я встала. Лилины два шага оказались черт знает где, я прокляла ее и лишила наследства.

Еврейский доктор на меня внимательно посмотрел, я ему улыбалась дежурной улыбкой модели. — У вас что-нибудь болит? — недоверчиво спросил он. — Да, бодрым голосом ответила я, вот здесь в правом боку.

Он стал меня экзаменовать. При каждом прикосновении я вскрикивала от боли. — Я не могу ответить, что это такое, но, думаю, вас нужно немедленно госпитализировать. — Спасибо. — Когда я уходила, секретарша попросила меня заплатить. — Запишите это на счет Лили Мор.

Дома я стала медленно погружаться в удивительно теплый сон, но мое наслаждение было коротким, — сразу позвонил дормен и объявил, что меня хотят видеть Лиля Мор и Саша. — Пусть поднимутся вверх. Я заранее открыла дверь и опять завалилась на диван. Друзья вошли бодрой походкой. На Лиле были одеты длинные полу-

цыганские тряпки, а на Сашке, как всегда, грязные вельветовые джинсы, рваные кеды и бумажная куртка. Отъебитесь! Не хочу! Никуда не поеду! — Ленок, успокойся, ни в какой госпиталь мы не едем, у Лильки есть еще другие два потрясающие доктора, они сказали, что ничего серьезного и вылечат тебя за две минуты. Поехали! Лиля кивала головой. — О, ес, бэби, не волнуйся, они только посмотрят и дадут тебе лекарство. Вставай, твой черный Джеймс уже ждет у подъезда с лимузином. — Они меня буквально стащили с кровати и впихнули в лифт.

Мы подъехали к фешенебельному подъезду где-то на Парк Авеню и поднялись то ли на третий то ли на четвертый этаж. Это была роскошная приемная с секретаршами, которые могли спокойно сойти за киноактрис. Ко мне немедленно вышли два довольно молодых и симпатичных врача. Обстановка начинала быть очень светской. Я опять вежливо и мягко улыбалась и говорила, что ничего страшного, вот только небольшая боль. — Вы уверены, что у вас есть боль? — насмешливо спросил меня один из них. — О, да.

При осмотре я взревела, и все тот же вопль раненого мамонта доказал, что это не шутки. Лица врачей за секунду постарели и стали вполне серьезными. — Немедленно на операционный стол!

Меня привезли в госпиталь не на скорой помощи, а на такси. В публичном американском госпитале шла неразбериха. Я села в кресло в приемной в ряду остальных посетителей. Десять минут, пятнадцать, двадцать... На меня никто не обращал внимания. Даже боль стала скрываться в какую-то темную комнату, где было очень тихо, но все же с улицы доносились иногда кое-какие голоса. — Помогите же ей, помогите, ей плохо! Разве вы не видите, что ей плохо! — услышала я визг Сашки. — Чего орешь, не ори, здесь всем плохо! — в свою очередь рывкнула здоровая негритянка-медсестра. — А если будешь орать, то я позову полицию. — Полицию!, — заорал Сашка, этого мне только и надо. — Я услышала невероятный грохот, как потом выяснилось, Сашок ебнул большую вазу об пол.

Я очнулась в маленькой комнате уже с массой трубок вокруг меня, с капельницей и нежно улыбающейся медсестрой. — Не волнуйтесь, все будет хорошо. Сейчас сделаем рентген.

Но рентген ровно ничего не показал. — Странно, очень странно, мы будем вас оперировать через полчаса. Вас будет оперировать очень хороший хирург, поэтому шва почти что не будет видно, мы знаем, как вам это важно. Вы ведь модель? Да, — промямлила я.

После операции мне объявили, что такого случая еще не было в практике этого госпиталя. — Это ненормальность, понимаете, — говорил мне очкастый доктор. — У вас в кишке застряла маленькая рыбья косточка, уже почти что начиналось заражение крови, операция была сделана в последний момент, вам очень повезло. — Знаю, я ведь родилась в рубашке.

Вы когда-нибудь видели вещие сны?

Да, один раз мне снились голуби.

Я пролежала в госпитале дней пять и вернулась домой. Я опять легла на свой бархат-

ный диван и заснула. Мне снилась девочка-булавочка, которая предлагала мне чай. Потом странная красивая комната и в ней почему-то находилась пирамида. Я увидела свою маму, красивую и молодую, она сидела в греческой тунике на мраморном полу. И рядом с ней был огонь. Потом я услышала воркотню голубей. Исчезла жрица-мама, и я очутилась в своей квартире. Я встала с красного дивана и открыла дверь в свою другую комнату. На полу сидели цыгане, они перебирали деньги и мои платья. Немедленно вон отсюда! Слышите это моя квартира! Убирайтесь! Сама убирайся, если не хочешь жить с нами, они спокойно курили и улыбались, а некоторые записывали в узлы мои платья... Я проснулась; наверное уже было утро. Небольшой страх погладил меня по еще не совсем проснувшемуся лбу. Я отчетливо слышала громкую воркотню голубей. Голуби были где-то совсем рядом, но где "там"? или "здесь"? Я встала и открыла дверь в другую комнату. Сотни крыльев захлопали и забились над моей головой, весь пол был живым жирным птичьим ковром. Окно было открыто. Я с ужасом захлопнула за собой дверь. Слава Богу, что не нагадили на голову. Все правильно, за мое отсутствие здесь поселились птицы, и я слышала их последнюю недовольную ругань в связи с неожиданным переездом.

Леди Кэрол.

Часов в двенадцать дня пришла Кэрол забрать свои вещи. — Забирай, — безразличным голосом ответила я. Кэрол прошла в пустую комнату, где были ее коробки, а еще раньше голуби.

Я лежала и смотрела в пространство, как вдруг появилась Кэрол с огромным мешком марихуаны. — Вот, — улыбаясь проговорила она, — ты наверное себе даже не представляла, с кем спишь в одной квартире. — Я с изумлением смотрела то на нее, то на мешок. В мешок этот можно было засунуть девятилетнего ребенка, если бы таковой имелся. — О! сказала я. — Вот это да! — А ты здесь спишь, поняла, что проспала? — Я ничего не ответила, но наверное подразумевалось, что мешок этот я должна была украсть, траву продать, а на вырученные деньги улететь на Карибские острова. Я повернулась к стенке. Довольно долго я слышала, как Кэрол чем-то шуршала, потом наступила тишина. Минут через двадцать я встала и увидела Кэрол лежащую с блаженной улыбкой на полу. — Мне надо было, понимаешь очень надо...

На следующее утро ко мне приедут из Эф-би-ай, но Кэрол уже будет перелетать турецкую границу.

Леди Кэрол кончит почти так же, как и леди Гамильтон. Она упадет на улице Истамбула и ее заберут в больницу. Турки ее будут долго лечить от героина и отказывать в выезде. Наконец она вернется в Нью-Йорк, дико худая, но все еще красивая, и месяца через два найдет себе работу как стрип-герл в одном из многочисленных баров Манхэттана.

Кто для вас все люди?

Модели.

Это вы сказали? Нет, Бог.

Лиля Мор позвонила часов в десять утра и справилась о моем самочувствии. — Спасибо, Лилечка, все блестяще, а у тебя-то, что нового, все-таки не виделись всю ночь?

Лиля Мор моих шуток не понимала, мало того, она наверняка была уверена, что я глупа, как девяносто девять процентов моделей. Ох, если бы это было так, то мне было бы гораздо легче жить, и будь я поглупее, то послала бы Лилю Мор к чертовой матери, но дело в том, что у меня удивительная привязанность к сумасшедшим, кем именно и являлась Лилечка.

— Елена, ты свободна в пятницу и вообще на весь уикенд?

— А что случилось?

— Дело в том, что я договорилась снять большой дом в Вест-Хамптоне. Я приглашаю очень нужных людей для нашего бизнеса, — продюссера телевидения, дизайнер Брус будет обязательно. Он сказал, что тоже притащит нужный народ. Ты постарайся, умоляю, еще три девочки из нашего агентства, Билли, ну и, пожалуй, все.

— Ладно, дай подумать.

— Я тебя умоляю, без тебя все рухнет, ты же знаешь, что все построено на тебе, мы за тобой заедем. Я тебе гарантирую, что ты прекрасно отдохнешь и прекрасно проведешь время.

— Лиля, у тебя удивительная способность уговаривать людей.

— Это моя профессия.

— Ладно, я согласна.

Приехав на берег океана, я нашла закрученный дом, построенный в виде гигантской раковины, коя и меня приятно поразила.

Остальные гости, как опавшие листья, живописно разбросили свои вечно любимые и дорогие части тела на траве, а кое-кто и на подушках потягивал свежий воздух и белое калифорнийское вино.

Майкл, Пол, Джени с братом, Билли черная модель-мужчина.

Два господина плотных, в летних пиджаках, курили две больших сигары, так хорошо, вдруг вспомнились гагары, что стаей на скале, когда уедешь в море.

А если вдруг сломается мотор, то ничего, другой всегда в запасе. Похожий на Петра святого сидел дизайнер Пол, он что-то плел из слов. Какие-то рассказы об Индии, о бизнесе, о тканях. Он сам был заткан в легкие одежды, в индийский шелк, а папа был ковбой, а дедушка и брат его бандиты Аризоны, была земля, но проиграли в карты.

О если бы он был француз иль русский, то непременно непременно бы картавил.

Все нравились друг другу и каждый предлагал кусочек сыра, или туну-фишь и девочка, как беленькая мышь, с руки брала хрустящую крокет совсем ручная, и семнадцать лет...

Все так кокетливо оделись и каждый шею подушил, их шелест слов сушил намокший китель капитана, а ветреная Нана шептала об убийстве.

Лиля, тебе все удалось прекрасно, и даже погода хорошая, вот видишь, бэби, я же тебе говорила, поговори поговори с Майклом, иди, он на телевидении первый человек.

Первый человек имел очень симпатичную наружность. Его темные волосы приятно блестели на солнце, глаза были голубые и прелестные смешинки навсегда поселились на их морском дне.

Я села рядом с Майклом. О здравствуй знаменитая Елена! Хочешь вина? Не дождав-

шись ответа, Майкл уже быстро наливал мне вино в маленький пластиковый стакан. — Чем же я знаменита Майкл? Наоборот, я слышала, что ты делаешь очень успешные программы на телевидении. — Я, да, я люблю телевидение и не люблю людей, которые, глядя на чистое голубое небо говорят: какое чистое голубое небо! или если идет дождь, то они непременно скажут: пошел дождь! — Это собственно говоря, ты все к чему говоришь? — Ни к чему, к хорошей погоде. — Он улыбнулся чистыми и ровными зубами, как и он сам. — Ты первая русская модель в Нью-Йорке, и ты не такая, как все, Лиля мне говорила, что ты стихи пишешь? Да пишу, но по-русски, так что ты все равно ничего не поймешь. — Ты пробовала их переводить? — Нет, это бесполезно. Впрочем, один раз пробовала и получилось совершенно другое стихотворение, но это нормально, ничего не поделаешь, с прозой гораздо легче.

— Ты о чем делаешь свои программы на телевидении? — Я не делаю программ, я пишу сценарии для рекламных фильмов. — Да? Знаешь, я придумала один. Представь себе круглый стол, горят свечи, и за столом сидят люди, которые занимаются спиритическим сеансом. Типажи обычные для такой ситуации: здесь может быть и старуха с тяжелыми кольцами, и молоденькая дурочка с открытым ртом, и дама лет сорока в черном кружевном платье, но с совершенно закрытым воротником под горло. — Послушай, перебил Майкл, о модах тебе нужно говорить с Полом. — Ладно, дело не в этом, представь себе еще одного мужчину с безумными глазами, и всех их немного дрожащие руки над столом. Но ничего не происходит, стол не движется, тогда один из них встает и говорит: "Леди и джентльмены! Сегодня спирит не с нами, поэтому предлагаю выпить немного вина". С этими словами он ставит бутылку на стол. И стол начинает шататься, и дует ветер, лица присутствующих в ужасе... Тогда могильный голос за экраном говорит: "Только один спирит, и этот спирит"... На экране появляется надпись вина: "спирит бла-бла-бла", любое название. И опять же голос: "Только спирит белая Калифорния". — Хм, знаешь это совсем не плохо. И много у тебя таких идей? — Да штук пятнадцать, — нахально вру я, но знаешь, не могу же я заниматься всем, я, например, написала сценарий о некрофилии Гоголя, ты знаешь, кто такой был Гоголь? — Да, конечно...

Меня кто-то целомудренно целует в шею. Я оборачиваюсь — Лиля. — Дети у вас приятная беседа, но пора идти на ланч, если, конечно, вы хотите, здесь недалеко есть местный ресторан, где одни лобстеры.

Я обожаю лобстеры, поэтому эта идея мне подходит, плюс я ужасно голодна. — Лилечка мы в твоём распоряжении.

Мы садимся по машинам и едем в ресторан.

После шумного ланча, жары, музыки гибких энтузиастов, которые под там-там пробовали проходить под палкой, мне хочется спать. Из-за ночных кутежей я не досыпаю, но сегодня я на отдыхе и высплюсь, как спит весь рабочий класс в субботу и воскресенье.

Вернувшись в наш постоянный дом, мы застаем Сашку, который только что приехал, и какую-то маленькую грязенькую девочку. На Сашке одета лиловая линючая майка вся в дырках и заколотая булавками на плечах. — Ленок, представляешь, обиженно говорит Сашка, — это козье племя меня не пустило в ресторан. Говорят, что в таком виде нельзя, а? Как тебе это нравится? — О.К. Идем, я тебе дам свою рубашку. У

Сашки поднимается настроение, и он чмокает меня своими мокрыми губами. Мы идем ко мне в комнату и Сашка сворачивает джойнт. — Что за человек? — спрашиваю я Сашку. — Какой человек? — Ну эта мандавошка, с которой ты приехал? — Это Кери, понимаешь мне все равно, что в кулак, что в Кери, я с ней давно познакомился, когда еще только приехал. Между прочим, она театральная актриса. Я же не знаю, кто у вас здесь, нужно всегда иметь про запас. Знаешь, я ее один раз взял на парти, я сам хорошо не знал, куда иду. Меня Люси пригласила. А там Джеки Онассис оказалась. Так Кери, идиотка, после этого вообще молчит, и руку наверняка не мыла неделю. У нее сдвиг по фазе произошел, я ей предлагал запить, но она, по-моему, навсегда перестала соображать. А в голову берет, чмокает правда, но ничего. — Ладно, Саша, иди, я немного поспать хочу, если будет что-то экстраординарное разбуди.

Я проснулась сама, в коридоре хлопали дверьми и слышался хохот. Я встала, одела халат и пошла наполнять ванну. Ванна стала быстро наполняться, когда вдруг дверь распахнулась и на пороге появилась Лиля Мор. — Бэби, ты одна? — Лилия я окружена пространством вселенной, а мое тело скоро уйдет под воду, что случилось? — Лилия закрыла дверь. — Хочешь мескалин? Ты когда-нибудь пробовала? — Честно говоря, нет, но могу попробовать. Только никому не говори, если Брус узнает, будет скандал. — Лилия подошла ко мне и стала разворачивать серебряную бумажку. Было видно, что она очень волновалась, движения ее были неловки. Вдруг какие-то маленькие полосочки взмахнули в воздухе и упали в воду. Это напоминало марганцовку, которая так же медленно растворялась в воде красно-синеватым цветом. — Пей! — заорала Лилия! — Пей воду! Быстро! О! Гад дам ит!

Если бы кто-нибудь в эту минуту открыл дверь нашей ванной, то смог бы увидеть довольно странную картину: две женщины, стоя на коленях, с жадностью захлеб пьют воду из ванной.

Продолжение вечера было каким-то фейерверком, я помню, что мы, как безумные, все время хохотали с Лилей. Я надела Сашкину рубашку-панк, в ресторане все восхищались этой модой. Ко мне подходили какие-то девицы и спрашивали, кто я? Кто-то прислал на наш стол шампанского. Разговаривать со мной и Лилей было бесполезно, мы умирали от смеха, мы были в одном мире, а они в другом. Передо мной проносились удивительно красивые картины, просто живая фантазия Уолта Диснея. Думаю, что перед Лилей Мор тоже. Мы категорически заявили, что идем в дискотеку. Сопровождать нас почему-то пошел только Майкл, но это было довольно глупо с его стороны, так как мы с Лилей совершенно не обращали на него внимания, и в конце-концов устроили такие танцы, что бедные американские жители перестали танцевать и вся дискотека забито смотрела на нас. Зал был захвачен двумя северными варварами, и не было силы такой, которая смогла бы их укротить.

Что такое книга?

Это сочинение на заданную тему.

Что такое поэзия? Пьяница.

Ночь. Англия. Замок. Эдуард.

За замком ухает переваренная птица Сова.

В замке Эдуард примеряет смокинг и собаку.
— Пойди сюда, английский черный дог!
Вот так, конечно цепь и плетку в руку
Пусть сзади женщина несет мои сигары
Вреда в них нет, как нет особой пользы
Я не курящий.

* * *

Плед, грог и голубой халат, случается же вдруг, что волосы болят.
Идем гулять, ведь созданы мы только для прогулок. В глазах уже темнеет переулок.
И острый нож и взвизг собаки гулок.

Ты пристаешь ко мне со своей вечной просьбой взять тебя с собой. Я не соглашаюсь, так как у меня нет желания с тобой развлекаться. Ты устраиваешь мне скандал за скандалом, ты меня пробуешь задушить, за то что мне надоело заниматься с тобой любовью и я предпочитаю тебе кого-то другого, ты кидаешься на меня с ножом на парти, где я тебя случайно встречаю.

Наконец однажды я тебе говорю: "Хорошо, идем в студию Фифти Фор".

Придя в модную дискотеку, которая напоминает оргию Ада, ты оглядываешься и улыбаешься. — Да, хорошо здесь, — говоришь ты. — А знаешь, здесь хорошо кого-нибудь зарезать, например, в том углу, и никто никогда не найдет.

На следующий вечер мы едем в автобусе, какой-то маленький мальчик смотрит на нас и улыбается, люди в автобусе обращают на нас внимание, они понимают, что мы — небесные, они — земные. Нам выходить. Ты встаешь, и вдруг у тебя из кармана падает огромный нож. У всех на лице написан нескрываемый ужас. Ты не оглядываясь, быстро выходишь из автобуса. — Эди! Эди! Ты забыл нож! — кричу я и подбираю оружие, которое, по Фройдю, является сексуальным символом.

* * *

Что побеждает — разумная красота или прекрасное *недарозумение*?
Прекрасное *недарозумение*.

Ночью мне снилось, что меня приговорили к тюремному заключению в один миллион лет. Когда меня выпустили, то я очутилась в странном городе, на улице которого было изобилие роскошных огненных фонтанов.

Представьте себе фонтаны в виде мельниц, павлиньих хвостов и просто струи, с дикой силой бьющие вверх. Огненные колеса, разбрасывающие огненные камни. Люди с воплями разбегались от этих увеселительных развлечений, а зазевавшиеся становились жертвами камней. Я же спокойно, не торопясь, с удовольствием наблюдала эту картину... как вдруг каменный грохот в дверь заставил меня уйти из веселой страны.

Я зажгла свет и спросила: — Кто? — Елена, это Дориан. — Я открыла дверь. Дориан влетел в комнату с искаженным лицом. Сказать про черного, что он побледнел —

трудно, но Дориан не то что побледнел, он просто побелел. — Джизус Крайст! Джизус Крайст! Елена! — выкрикивал Дориан свою любимую присказку.

— Да, что случилось-то?

— Лиля меня чуть не убила! Себе она перерезала вены и шарахнула по голове гантелей, а меня... Джизус Крайст! Понимаешь, я как всегда спал на диване, вдруг просыпаюсь от света и вижу Лилю со шваброй в руке. Я вскочил, она начала меня бить этой палкой и совершенно сумасшедшая орет: "Убью выблядок-негр!" Бежит она за мной по всему нашему агентству, как за курицей, потом швабру бросила и схватила нож, ну, думаю, что делать! Кричу: "Лилия! Лилия! остановись!" Тогда она меня бросила и побежала в ванную. Я хотел удрать сразу же, но потом думаю, что за тишина странная... "Лилия? Лилия? — говорю, — открой дверь, ты что там делаешь?" Молчит.

Открываю дверь, вижу она сидит на полу, и кровь из нее хлещет и гантели на полу валяются. Глаза закрыты и ничего не соображает. Я вызвал скорую помощь. Ну вот, увезли ее, а что теперь будет, не знаю. Джизус Крайст!

— О Джизус Крайст, Дориан! Но почему? Почему? Вроде все шло нормально. Агентство, правда, денег еще не приносило, но, может быть, еще будет (в душе я была уверена, что никогда не будет), и с Брусом вроде бы нормально. Может, какой-нибудь гадости наглоталась?

— Ты попала в самую точку. Она последнее время жрала ужасающе плохой кокаин. Уж с чем он был смешан одному Богу известно, но ей уже было все равно, лишь бы нюхать и нюхать каждые пять минут. Плюс таблетки ап энд даун, ап энд даун.

— В какой она больнице?

— Ничего не знаю. Я совершенно сошел с ума от того, что произошло, даже не спросил. Не беспокойся, утром сама позвонит.

— О.К. Дориан, ложись спать. — Дориан улегся на ковре, в его распоряжении была масса больших напольных подушек. Одежду он никогда не снимал.

Утром я позвонила Сашке, но он ничего не знал. Я стала названивать в Рузвельтовский госпиталь и там я ее нашла, но разговаривать мне с ней не дали. Сказали, что ее увезли на переливание крови. Визитеры допускались после четырех. В два часа мне раздался телефонный звонок.

— Бэби, это я. — Догадываюсь. — Бэби, ты меня заберешь отсюда? Брус кусок говна. Он сказал, что знать меня не хочет и повесил трубку. Я подразумеваю, что у него кто-то есть. Если ты сегодня пойдешь в студию Фифти Фор, посмотри, с кем он придет. Он обязательно сегодня туда придет, у меня предчувствие. — Лилия, что тебе принести? Ничего, только зубную щетку, пасту, щетку для волос. Можешь принести тушь для глаз.

Я, как обещала приехала. Сашка и Дориан были со мной. — Дориан, извини, — сказала Лилия, — но я ничего не помню, что случилось. У меня нашли полное отравление крови.

— Лилия, забудь, как ты здесь? — Ничего, это отделение между прочим для сумасшедших, — с гордостью сказала Лилия. Я здесь познакомилась с очень симпатичными людьми. Идемте я вас представлю знаменитому фотографу, — она назвала немецкое имя и фамилию, которые я не запомнила. Фотограф и впрямь оказался очень милым человеком. Находился он здесь уже почти месяц и, по-моему, не собирался выписываться.

— Лиля, что с ним?

— Ах, смеясь ответила Лилия, — тоже, что у меня, только он серьезно болен, бедняга, но когда выйдет, обещал с нами работать. Елена, ты меня завтра заберешь?

— Лилия, конечно, заберу. В котором часу?

— С утра, после обхода. — Не забудь, если пойдешь в дискотеку, посмотри, с кем придет Брус. Вообще-то мне все равно, но так...

Я обещала.

* * *

И в новый смотрится наряд

Так может быть

Причина в этом

Тогда и шутки не причем

Предпочитает граф раздетым

Столкнуться с шелковым плечом

Ах право все это какао

Что утром пьют они вдвоем

Иль может быть игра в Макао

Сближает их найдя прием

Проходит жизнь

Поэт-кривляка

Злодейски бегают в Париж

Уж там ночами не поспишь

За то ручается малыш

И друг его горы потомок

Кто ж друг его?

Поклонник опер любитель шутки фантазер

Любовник нежный и фразер

С ним выходить приятно в свет

Не так уж плох он и в постели

Есть недостатки у него

Но у кого их друг мой нет?

Все хорошо пока однажды

Поэт себя вдруг не спросил

Кто тот что в зеркале отважный

Стоит и не имеет сил

Кто тот что клятвами увешен

Спустя же месяц холод лед

Неужто этот идиот

Кому-то может быть потешен

Кто презирает всех и вся

Но лживо корчит демократа

И одиночества боясь как темноты боясь когда-то

Умри презренное ничто

Когда приходите к поэту
Его находите раздетым
Живет в отеле денег нет
Вот потому лежит раздет
К нему в отель приходит дядя
Красивый дядя и большой
Он много пьет и ест не мало
Но ни гроша нет за душой
Что делают они в отеле
То знают стены и сосед
Что слышит все и спать не может
От их волнующих бесед
Поэт красив но неизвестен
Тоска живет в его душе
На Сан-Жермене мир прелестен
(отель же душен мрачен тесен хотя и лошадь на стене)
Поэт живет грустя о смерти
На деле обожает жизнь
Поэт увы ужасно лжив
И вы ему ни в чем не верьте
Он тратит деньги как попало
Друзей заводит как собак
Но сексуальное начало увидит каждый в нем дурак
Когда выходит то изыщен
Он шутки любит и вино
А дома молчалив и мрачен
Но там не видим мы его
Бедняга граф его содержит
И так на голову его летят истерики вино
Весь хаос головы безумной
По временам лишь остроумной
Все остальное для чего?
Поэт красив он это знает
Ему об этом говорят
Он этим время убивает
Умри эстет
Любитель славы
И вены бритвой приподняв
Был залит враз горячей лавой.

ГЛАДИАТОРОМ БЕЗ ПОЧЕМУ.

Твои волосы веселились сами по себе
И левая нога вдруг перестала разговаривать с правой

Один глаз ушел в вечную темноту чтобы потом усилить цветочные пятна снов.

Мирель и Жизель две соседские девочки принесли килограмм мандаринов но сами же их и съели не заметив за болтовней. Ты им предлагаешь пойти в музей и показать греческие новинки до нашей эры. — Может быть двадцать тысяч лет до нашей эры неуверенно говоришь ты. У Мирель и Жизель опускаются платья их косы с двумя божьими коровками становятся грустными и они начинают мять мандариновые корки. О.К. девочки говорю я мы пойдем в музей в следующий раз.

Поняв что допустил ошибку и они теперь никогда не придут ты идешь на попятную и предлагаешь выбор между музеем или катанием в парке на чертовом колесе. Их лица добреют ушли. Ты начинаешь бродить по книжным полкам и ловишь себя делающим сравнение "будто-бы" по грибы пошел". Еще при этом ты замечаешь потертого Джека Лондона конечно же "Белый клык". Вспомнив что и у тебя была маленькая хозяйка небольшого дома ты думаешь что она делает сейчас в данный момент. Несмотря на полдень она наверняка с мужчиной уж так она устроена что ни минуты не может прожить одна. Вяло потянув на себя хронологический словарь ты понимаешь что хорошо бы поесть но в холодильнике и в кармане пусто. Ты звонишь другу и заказываешь похоронное танго. Вместе вы сидите в кафе и одобряете свиной бок с тушеной капустой. Твой друг давно подкрашивает волосы но даже тебе он в этом не признается. Он почему-то спрашивает тебя был ли ты когда-нибудь знаком с креолкой? Это большой пропуск тем более если креолка танцовщица. Ты же криво думаешь о своей немой ноге.

Если бы меня давно в детстве спросили кем я хочу быть то я бы ответил гладиатором без почему.

Вам приносят счет и твой друг почему-то расплачиваясь начинает напевать. Эта привычка осталась у него с юности.

Ему не по пути поэтому ты идешь в другую сторону. Ты злишься на плохую погоду и на свою медлительность. Впрочем ты не в плохом настроении и подражая французам говоришь: Бонжур проходящей девице с отличными ногами. Она обернулась и посмотрела на тебя словно ты презренное ничто. Но тебе уж весело и найдя в кармане один франк ты бросаешь в нее презренной монетой.

СУМАСШЕСТВИЕ КАК ОБРАТНАЯ СТОРОНА ГЕНИАЛЬНОСТИ.

Бывало идешь по улице, а кругом мертвые птенцы валяются. Бутылки заплесневевшие, а по углам девушки — глаза мутные в одну точку. Чулочки спущены, руки под юбками белое молоко вяжут. Я то им кричу надрываюсь: Милые мои красавицы да взгляните же на меня! Я вечно живой самоубийца. Как произошло, что я среди вас гуляю с автоматами и дарю вам *шоколадные* праздники моей не состоявшейся любви. Могло ли присниться белокурому Богу заснувшему на темно вишневом бархатном ложе среди *мандалин* и лютен со спокойным предсонным взглядом на темные портреты его папы Бога и мамы-богини и еще на несколько ангелов что держат в руках кокетливый цветок эпохи возрождения.

Так вот снится снится же ему, что он позабыл одеть рубашку, а так и вышел голым на оживленные улицы города и чувствует себя ох как неловко от того что никак все и уж не красота а только стыд на лицо. Скорее-бы скорее-бы проснуться.

Милые мои не в вашем ли городе я прочитал все вывески наоборот от того и произведен я в великие создатели языка нашего торобоан.

И не друг ли мой позабытый в халате за стаканом просветления сказал Каждому действию есть противодействие и он прав так как на каждое мое действие я получал противодействие от того я даже не единица а страшное слово ничто. Так вчера от чрезмерной усталости я навалился на зеленую, волосатую скамейку, не заметив что уже давно на ней в три слоя народ лежит. Одна девочка прелесть какая скользкая была ну а мне ничего так как я существую лишь в мыслях своих, но каково же было изумление мое когда я узнал, что существую и в мыслях ваших, ну так что же сказал я себе ведь и мертвые имена большею частию на губах живых присутствуют, а тот кто ни славы или детей не имел то так и сгниет навеки неупомнутым только в святах имя его. Хорошо если православным был, а тем кто с животным именем? Дорогие мои, ничто так не успокаивает как мурлыкающая кошка или рыбки в аквариуме.

Да еще в грозу спится по детски, но вокруг меня сплошная засуха и выпил я всю мутную воду из аквариума а кошка съела всех рыбок по ночам она пробует играть с последней голубой рыбкой что бьется у меня на шее и ведь не объяснишь глупой зачем же убивать тех кто любит и думает о тебе. А я, А я то скольких убил и замучил начинаю считать удары испуганного сердца а от этого еще какая-то гордость присутствует. Господи! кричу. Господи! отчего же никто не убил меня с какой бы легкой горечью и разочарованием я продолжил оставшиеся дни мои. Меня убили, я несчастная жертва, на мне великолепный мученический венок, и все хорошо и все спокойно — я герой.

Так нет ведь не свершилось, убил я себя сам от этого и непередаваемые мучения мои от этого ни покоя мне ни прощения, от этого мысли мои как гнилушки попыхиывают а в тухлых искорках и сознание шатается.

Кто ты? Я самоубийца сошедший с ума, но ведь сумасшествие, как и гениальность даруется не каждому, а только избранному и не мы ли создаем великолепные несуществующие миры, не нашим ли бредом питаются официально прославленные таланты не наша ли музыка шумела в голове тех кто позднее был *увенчен* таким простым словом "Йнег" А фантазия? Слышали ли вы, что-нибудь о здоровой фантазии? Только в сочетании с вкусной и здоровой пищей. Зато больная фантазия вами любима и понятна. Так вот мои пропорциональные и не пропорциональные люди выведите-ка мне корень из сумасшествия как обратной стороны гениальности.

КАСТАНЕДА И МАТЬ.

Птенец отелился сказала мать

Кастанеда сидевший на кухне нарочно решил жечь

Птенец отелился сказала мать

Кастанеда старательно сосал птицу

Завяжи пупок сказала мать

И карабкаясь по дереву дышала влажно

Женоподобные дыни глупо справляли крест

Тесьменные хмыри и шествие отворяли речь

Хочешь луженого или влекоба к течному
Спросил Кастанеда и вдавленными глазами мешал жить
Тирьмахин то без кожи и жив винта бы ему
Высунь всшествие в окно
Сказал мать и метнулась к кораблю
Не блюй здесь это моя кровать а не корабль
Сказала Кастанеда
И надел дождь
Открыл пирамиду и радуется
А если вас вот так плечами и Чукоткой а?
Горделивые гордении рыдали у нее на
Изумленные изумруды таращились с
Понюхай газ понюхай
Кости жмут
Ты болен со страшной скоростью
Хрестоматийное въехало ему в ногу
Герой без горой
Руки ампутируют и строят из них шалаш
Да ведь и лес гниет
Надеяться надо
Акрилик опять зарезал
В ленючей батарее нашли шмыг
Удод денег не даст
Проси не проси а как в скользское
Зато и лижет
Строительные тянутся и все внутри
Ну и мышца
Танцует гарцует ест
Трилогично оттопырил
И взял в перчатках
Завистливые серьги на морские уши
А сказать нельзя
Заездила она тебя на память
А ты и хвост в салат дал
Гвоздей и лебедей
Вот чего не хватает
Трясется трясется а дурак
Птенец отелился сказала мать
Кастанеда сидевший на кухне и хуем не повел.

* * *

Жил был поэт
Голый был не одет
Писал стихи иль плакал над почвенностью плакал
Клал моль в соль

Ел бифштекс
Говорил что король у друга хуй отъест
По ночам ворчал
А во сне рычал
Снилась ему проказа
В гнойном с цветами тазу
Невеста моя зараза
Замуж ее беру
Я бравый мужик-солдат
Выть перед татью не буду
Накопаю горку песку
И въеду в жопу к верблюду
Там у него хорошо
Не трясет меж костлявых горбов
Грибы то говорю ешь!
Я разных купил гробов
Но невеста моя в шалаш
Вошь в голове поймала
Это отличный знак
Романтичной любви начало
Челядь чайник несет
Выпей отец с перепоя
Все ж королева не черт хотя и рога у ней вдвое
Да говорю дожились
Дописались до самой точки
Смеху давай молись
В веснушках зажарить почки
Костька хамить перестань
Встань говорю и умойся
Эдакая срань
Про ноги мои не пиши
Пиши про белые руки
Очень они хороши
Тоньше любой науки
Я же в шелках бороды
Буду твоей ходить
Холить ее и душить
Ладаном и Шанелью
Духи чтоб эти не пить
Тяжелое после похмелье
Наутро Россия — лубок
Скажет тебе Эх милый
Во мне ты лишь видел лобок
Нежно-убийственной силы
Встань Хам на холм и стой

Смотри если сможешь увидеть
Шпионы одни кругом
Дочку хотят обидеть
Белых ли красных
Умных ли глупых
Всех бы вас вниз головой
Воздух от талого снега не помнишь?
То называлось весной.

* * *

Чего вы боитесь больше всего на свете?
Парикмахеров.

Мои волосы остригли так коротко что я подумала не сбрить ли их совсем и написать на голой голове жирным фламастером: "Волосы". Я жду каких-то людей, которые должны заехать за мной на машине потом посадить в свой частный маленький самолет и улететь в Саус Хамптон к моим друзьям.

Всем правит широко загримированная женщина при ней находится ее подруга потом дочка девочка лет тринадцати и небольшой, но крепкий младенец. Разговор явно не клеится они мне назвали свои имена которые я тут же и забыла, впрочем как и мое короткое вылетело у них в окно с пустой пачкой от сигарет.

Наконец "подруга" с радостно булькающим младенцем не выдерживает и спрашивает меня кто я и чем занимаюсь?

В который раз я повторяю что я русская и модель.

Она смотрит на меня с небольшим презрением и начинает рассказывать мне про другую русскую модель потрясающую девочку с которой они познакомились несколько месяцев назад на одном очень интересном шоу и которая пригласила их потом к себе на грандиозное парти.

Этого не может быть отвечаю я ей так как я первая русская модель в Нью-Йорке и никакой здесь другой русской модели быть не может.

Женщина и подруга от такой самоуверенности начинают злиться.

— Что значит не может быть?

Она есть и мы были у нее в гостях ее студия находилась на пятьдесят восьмой авеню между Легсингтон и Парк-авеню.

Тут уж начинаю злиться я и говорю что именно в этом месте находится моя студия и никаких русских моделей кроме меня там нет.

— Нет есть, настаивает подруга, у нее целый этаж она очень худая (при этом она смотрит на меня с явной неприязнью) волосы ее были очень пушисты и вообще она большая оригиналка.

Тут вдруг до меня доходит что разговор идет обо мне.

— Послушайте вас зовут Ева?

Она смотрит на меня и как будто тоже начинает о чем то догадываться.

— Да меня зовут Ева.

— Вы были на шоу у Флавии и Кори, ваша подруга Мишель Лонг?!

— Бабетта, Бабетта! Воскликает Ева так это же она и есть. Мы все радостно хохочем, мы старые друзья которые не узнали друг друга только из-за того что у меня короткие волосы я немного поправилась и вообще без мейкапа.

Я делаю симпатичному младенцу тики-тики и он тоже доволен.

— Ева? Но где же Том? Как он? Надеюсь что вы еще вместе? Все хорошо?

Ева улыбается счастливой улыбкой матери. Мы всегда вместе и у нас всегда все будет хорошо. Разве ты не узнаешь посмотри внимательно кто правит самолетом?

Широко заgrimированная женщина улыбается. Я продолжаю оставаться с явным ничего не понимающим выражением.

— Елена, но ведь это и есть Том только теперь его зовут Баби или Бабетта.

— Ты что сделал секс ченч? Том или Баби кивает головой, самолет попадает в небольшую воздушную яму и Ева прижимая зарывавшего младенца кричит: Осторожно!

Через минуту все спокойно и Бабетта просит дать ей сигарету.

Мы приземлились с женской мягкостью думаю что самолетик тоже был женского пола иначе не могло и быть.

Я расцеловалась со своими подругами и мы договорились увидеться в пять часов на коктейле у Кити.

Белоснежная вилла Кити стоит на берегу океана, меня приветствует барское благополучие и уверенный запах денег.

У Кити как и полагается полно приживалок и приживальщиков все они ходят в черешневых платьях летают чайками и нюхают кокаин.

Мы сидим за длиннотелым столом, как всегда моя роль надоедлива и жалка.

Я пришелец с чужой планеты и поэтому должна ответить за все.

Елена? Спрашивает Кити, в коммунистическом обществе бывают вот такие ланчи?

Или вы едите только икру? Все подобострастно хихикают.

— Кити предлагаю вам открыть ресторан "Архипелаг Гулаг".

Около дверей поставьте двух советских солдат с овчарками.

Каждый входящий должен накалывать на штык не меньше ста долларов.

Все официанты в костюмах заключенных. Перед гостями в металлических мисках швыряют на стол черную икру и водка плещется в поржавелые кружки. Клиентов должны оскорблять, но без рукоприкладства. Во время обеда мюзикл, Франк Синатра поет *Stalin in the Night* или *Beria's Time*. Успех гарантирован, это будет самое модное снобское место, комплекс икры у вас исчезнет, но к сожалению у вас не хватит фантазии и вы так и будете продолжать ходить из одного дорогого бара в другой и думать что это и есть.

— О да у тебя есть чувство юмора и ты злая налить еще вина?

— Налить, Кити я совсем не злая, разве вам не нравится идея?

Все начинают кричать, что идея гениальная и с осени ее нужно будет осуществить.

— Как ты долетела? Спрашивает старенькая лисичка Джейс заедая свой вопрос куском непрожаренного стейка.

— Прекрасно. Они придут к нам чегонибудь выпить в пять часов, оказывается мы знакомы давно, но не узнали друг друга.

— Еще бы вы должны были узнать друг друга, этот фрик...

Ты конечно знаешь что на Wall Street он занимал довольно хорошее положение с его мнением считались его уважали теперь никто не знает как себя вести как смотреть на эту рожу...

Кити! Кити! Ты слышишь? Она может сюда прийти я имею в виду черт как ее зовут ну эту кубинку, да Ева, но этого или эту я отказываюсь принимать и чтобы не было неприятностей пойдя и предупреди ее...

Все это произнес с явным возмущением корректный чистый господин — муж Кити.

* * *

Кубинская Ева пришла одна. Она старалась улыбаться через силу, светские привычки ее не подвели и она болтала так как будто ничего не произошло, но ее серьезные глаза с маленькими точками грусти были слишком далеки от "прекрасной погоды" или от "новой восходящей звезды Голливуда". Незаметно для окружающих мы перекинули друг другу невидимый мостик теплоты и побежали по нему медленными глотками холодного напитка бокалы которого мы то поднимали, то опускали на террасный стол. Тик-так, тик-так говорили плетеные кресла-качалки и похрустывали словно кусок засахаренного печенья. Человека не поняли человека не поняли, тик-так тик-так...

* * *

Надо быть слишком подло влюбленным в себя, чтобы писать без стыда о самом себе. Тем только себя извиняю, что не для того пишу, для чего все пишут, т.е. не для похвал читателя.

Достоевский ("Подросток")

Влюблялись ли вы в женщин?
Только однажды. Ее звали Пат.
Когда-то давно я написала стихи:
Собака лает на снег
А мне розы и смех.
Ты женат на женщине по имени Пат
Ты и сам патриций из плебеев
Ты — у кого-то большое горе
Нечаянная радость
Прошедшая юность
Несбыточная глупость...
Собака лает на снег
А мне розы и смех...

Я сидела одна в четырехэтажном особняке моего агента, который пригласил меня пожить у него то ли из-за любви к славянам (он был венгр), то ли, думая заработать на мне деньги (второе более вероятно). Багаж не обременял меня. Я вырвалась на свободу. Попутный ветер благоприятствовал. Мои матросы пили водку, ругались, но во время шторма не теряли присутствия духа. Мы шли по курсу и, молчаливые в своей уверенности, знали, что золотое руно достанется нам. И все же капитану было

тоскливо. Его худое тело, завернутое в капустный лист, слезливо косилось по сторонам. Его рубашка из крапивы была несвежей. Он не ел почти трое суток, но голод, как бы чья его горе, заткнулся и обещал заснуть до истеричного выкрика "Земля!".
Земля...

Успокоенный джином и штилем, капитан задремал. Капитан! Капитан! Вы — куколка в белом коконе. Ваши мама и бабушка были бабочками, а вы убежали из дома от своего мужа. Неправда, я вывелся из своего мужа, он хотел убить меня своей землей, он изобрел аппарат реальности, назвав его правдой. И тогда кто-то подарил мне равнодушную шапку.

Равнодушную шапку, капитан?

И пальто.

Василий Петрович, вы ведь знаете, как они жили, расскажите. У нее был муж, дом... Ничего не понимаю... Почему, почему они расстались, она же любила его?..

Называть эту клеть, кишашую тараканами, домом было бы слишком пышно. Скорее это походило на разгороженный вольер для индийских курочек. Называть женоподобного поэта мужем тоже странно. Его образ с этим словом никогда не вязался. В шутку она ему говорила, что он напоминает ей ее кузину Аду. Надо признаться, что подобное сравнение ему не льстило. Слово "муж" она ненавидела. Да и вообще, представления о замужестве у нее были слабые. Она относится к числу тех женщин, которые всегда остаются любовницами. Он и был ее любовник, друг, единомышленник, если хотите, брат, но не муж. Пожалуй, он не смог бы защитить ее даже от гуся, если бы последнему вдруг захотелось на нее напасть.

Она сбежала от него потому, что... Наверное ей и самой было бы тяжело сказать правду. Что может быть тяжелее, чем сказать правду. Она просто вдруг не смогла его больше видеть и все. Всем своим существом он являл ее прошлое. Но ее прошлое было убито в ностальгии о будущем, его место исчезло. Струсил, струсил впервые в жизни, и он был свидетелем ее трусости. Она сбежала от него, как бегут от ужаса. Так, во сне испытавший страх, понимает, что ног ему от земли не оторвать. Лес ужаса мчится на него... а ног от земли не оторвать...

Его соревнования с ней, до сих пор веселившие и лишь иногда раздражавшие ее, теперь выплескивались злобой. В спортивные состязания уже входила не одна литература, а также красота рук, ног и задницы. Его ревность, что она вдруг стала работать моделью, доходила до абсурда. Впрочем, она сама была виновата. Думаю, что ее презрение к нему стало настолько явным, что скрывать не могла, да и не хотела. Женщина-ребенок, такой она и останется до конца дней своих.

Кажется, она кому-то жаловалась на него. Богу или кому-то еще, я не знаю. Она была типичная язычница, попавшая в христианство, и, поверь, для нее что Христу молиться, что Диане, было одно и то же. Думаю, что где-то Диана была ей ближе и понятнее, плюс в глубине души своей она есть и будет девственница. Что такое грех, она не знает, поэтому грешит как воду пьет...

Одну из ее молитв в то время я могу себе хорошо представить:

— О! Ты! Некий! Насыть честолюбие сына своего! Опубликуй все его книги, пусть его уязвленное ЭГО будет на всех обложках книг и журналов! Пусть он станет миллионером, миллиардером, эрой, верой, землей, воздухом, солнцем, героем, богом и, наконец, просто мужчиной.

Он обвинит ее в предательстве (так зима и лето обвиняют в предательстве вечно-зеленое растение). Она его — в отсутствии мудрости, совершеннейшем непонимании ее и ее каких-то женских глупостей и претензий, которые явно достались ей от луны. Я отомщу тебе — скажет он — я напишу о тебе ужасную книгу (и напишет) ...

* * *

Вспоминая ночь, когда он хотел меня убить, или ночь у Саши, где он так жестоко, с тонкой грубостью оскорблял меня, я не могла удержаться от слез. Во мне накопилось столько горечи и обиды на весь этот мир, который почему-то мне был должен и должен!

— Умоляю тебя, оставь меня, уйди! Уйди!

Но он, глядя на мои слезы, распухшее лицо и звериный страх, исходивший от меня, улыбался бледной холодной дырой разрушенного монастыря.

— Посмотри на себя, посмотри на себя сейчас, как ты хороша! Нет, я не убью тебя, а изнасилую, я наслаждаюсь твоим страхом, твоими слезами. Плачь! Моли! Никто и ничто тебе не поможет! Я сдохну, но и ты сдохнешь со мной! Свободы захотела?! Ты ее получишь, сейчас получишь...

Весь кошмар этих ночей вставал передо мной с такой ясностью, как будто все произошло пять минут назад. Случилось это не со мной и не с ним, а с какими-то героями, до которых ни ему, ни мне и дела нет. Все эти пещерные страсти, каменные топоры, саблезубые тигры, борьба за существование, за самку, все это вдруг обрушилось на нас как реальность Бредбери.

"Рассудок что ж, рассудок уж молчал". Вековая цивилизация оказалась простым пшиком. Щелчок пальцев.

Без друзей, без родителей, с очень легким знанием, а скорее и вовсе без этого знания, я должна была выжить.

Из Советского Союза я уезжать не собиралась, нас просто выгнали или, как говорится, предложили уехать.

Самиздат, встречи с послами, обеды и ужины у них или у нас дома, не прощаются никому. Работать на КГБ поэт отказался. — Тогда вали отсюда! Начались обыски, допросы, телефонные звонки, угрозы высылки или тюрьмы и, наконец, предложение эмигрировать по израильской визе.

Ни он, ни я не были евреями, но тем не менее был сделан вызов то ли от бабушки, то ли от дядюшки. Сочинили и легенду.

Когда в Вене израильская организация Хиас узнала, что мы не евреи, начался дикий скандал. Представители Хиаса орали и пузырились слюнями, слова вытекали из них гнилой зеленой лапшой, и из всего этого праведного гнева мы поняли одно: эмиграция еврейская, русским здесь делать нечего, и помогать они нам не собираются.

Мы хлопнули дверью и ушли.

Честно говоря, и он, и я, да и остальные наши друзья поэты и художники оказались в простых дураках. Мы рассчитывали на то, что нас будут встречать бравурными мар-

шами и, как миссионеров, завалят островитянскими цветами. В Москве мы часто слушали Голоса Свободы и Америки. Они наперебой говорили о нашей несвободе, о непонимании, о невозможности проявить себя и о неминуемой смерти наших произведений. Нам говорили, что выход из этого безвыходного положения может быть найден только на Западе.

Все оказалось простым блефом и трепотней. Когда я и он говорили, что мы поэты, люди смотрели на нас, как на тяжело больных и смущенно улыбались. Наши поэзия и искусство оказались глупенькими провинциальными детьми, которые попали в высшее общество и не знали, как правильно вести себя за столом. На вопрос рады ли они, что у них вырезали аппендицит, они отвечали, что рады, так как теперь могут есть арбуз с косточками.

И вот я сижу и смотрю на окна, которые начинаются от пола и как я плачут от дождя. Я решила перестать красить ресницы, так как только грязные страницы краски были на моем лице. Когда-то, когда мне было шестнадцать лет, я задорно взмахнула опасной бритвой и разрежала себе вены. Почему? Все очень просто, очень просто: не нашла ответа на банальный вопрос, для чего я живу. Никакого ответа. Но, проведя два дня в сумасшедшем доме, я решила себе вены никогда больше не резать, хотя в этом и был выход дурной крови.

Глядя на свою черную слякоть, я невольно улыбнулась, так как вспомнила ужас молоденькой медсестры, увидевшей, что вместе со слезами я теряю свои ресницы. Тогда в Москве еще мало кто знал о существовании искусственной красоты. Она побежала за врачом, но и та так же была изумлена: такой болезни она еще не встречала.

Кто-то подошел ко мне сзади и обнял за плечи.

— Елена, успокойся, перестань плакать, все будет хорошо. — Около меня стоял Золи и улыбался.

— Пойди умойся. Нельзя же все время плакать. Скоро придет Пат, и ты с ней познакомишься. Иди, иди умойся.

Золи сочувствовал моей судьбе и наобещал большое паблисити и карьеру примадонны. У него был напарник, скорее напарница, в этом бизнесе.

Золи нашел Бетти или Бетти нашла его. Ей было лет сорок. С гладко зачесанными черными волосами, с правильными чертами лица и холодным взглядом, она напоминала о существовании породистых лошадей. Когда-то участь модели не обошла и Бетти, но удачной моделью она не стала. Удачу ей принесли мужчины. Бетти умела ловко вытаскивать из них деньги. Любовники ее всегда были богаты. В одного из них она даже была когда-то влюблена. Его миллионы и спортивная наружность импонировали ей, но мать миллионера устроила скандал. О женитьбе на Бетти не могло быть и речи. У нее была индийская кровь и притом половина. Бетти потерпела фиаско. Вскоре она решила открыть свой бизнес, и для этого Золи подходил как нельзя лучше. У него был необходимый шарм, он знал весь фешен мир Нью-Йорка и обладал хорошим вкусом. У Бетти были деньги. Альянс состоялся. Бетти купила особняк — Золи открыл агентство.

Когда я спустилась вниз, начинало темнеть. Я налила себе огромный бокал джина с тоником: еще одно преимущество этого дома — пей, сколько хочешь. Зная свою

привычку никогда не выглядеть пьяной, я с удовольствием утоляла жажду и голод. Вдруг я услышала чьи-то шаги. По лестнице с неба спускался мираж прекрасной убийственной лжи. Длинноногая, худая, очень-очень молодая, в колыбели красного платья... С черной могилой волос, взгляд мой меня перерос. Я упала в музыкальную темную незнакомку, в шкатулку с маленьким ртом.

Кукла-кошка. Кукла-кошка все мои фантазии развесила в спешке на спинки кресел, на тельца стульев на длинных лыжах на пчелиных ульях...

Она не пила и не курила. Она ожидала какую-то учительницу, которая должна была обучать ее актерскому ремеслу.

Учительница не заставила себя долго ждать и с веселым "Привет, Пат!" появилась на пороге. Учительнице было двадцать пять. Темноволосая, в черном, слегка декольтированном платье, с огромным искусственным маком на груди, она заявляла о своем существовании рядом прекрасных белых зубов. Она была мила, но как ей было далеко до Пат! Они сразу же защебетали и, может быть, залетали по комнате, я уже хорошо не помню этого, так как глаза мои наполнились слезами: есть же веселые легкие птицы, беззаботные и красивые, у которых голубое небо в голове, их память не больна прошлым, их настоящее красиво как они сами, а о будущем...

Их будущее будет — успешная карьера и замужество. Во всяком случае так объявил астролог.

Пат приготовила чай. Они уселись в противоположном конце гостиной, и их занятия начались.

— Вы хотите чашечку чая? — хорошо поставленным голосом спрашивал "жирный мак".

— Нет, я не хочу чашечку чая, — улыбаясь отвечала Пат.

— Вы не хотите чашечку чая? — в свою очередь спрашивала Пат.

— Нет, я не хочу чашечку чая, — отвечал "мак".

Вы хотите чашечку чая?..

Так продолжалось с час. Это у них называлось "постановкой голоса". Такого ярко выраженного абсурда и глупости я еще не видела. Будь я в своем нормальном состоянии, я бы непременно поучаствовала в их "интеллектуальной беседе" и повеселила бы себе душу. Но Пат нравилась мне, да и ее подруга была вполне безобидна, уничтожать их своей злобной иронией я не хотела. Да и по опыту знала, что в большинстве случаев женщины не имеют чувства юмора. По отношению к другим иногда, по отношению же к себе почти никогда.

Я поднялась к себе наверх и легла на кровать. Я чувствовала как душа моя спокойно вышла из тела и смотрит на меня сверху, одобряя отдых уставшего тела. Я мечтала заснуть, но в то же самое время меня как магнитом тянуло вниз, чтобы еще раз увидеть Пат.

Я спустилась и уже с лестницы услышала знакомую фразу: "Вы хотите чашечку чая? Нет, я не хочу чашечку чая".

— Елена, — крикнула Пат, — ты хочешь чашечку чая?

Я ответила ей, что не хочу чашечку чая: с их помощью я напилась им настолько, чтобы возненавидеть его навсегда. Они расхохотались — Елена, подожди еще пятнадцать минут, пока мы кончим, и тогда пойдем в Рашен Ти Рум обедать, конечно, если ты хочешь.

Я отказалась, сославшись на головную боль. На самом деле мне просто не хотелось, чтобы они за меня платили. У меня в кармане не было даже доллара. Пат сочувственно посмотрела на меня и сказала, что увидимся позже. Я пожелала ей хорошего вечера.

На следующий день я проснулась в восемь часов. Накрасилась, причесалась и при полном параде спустилась вниз, в агентство. Золи был уже там, но из букеров пришла только Лин. Букерами назывались девушки, которые работали для Золи и делали апойнтменты для моделей. Их работа была исключительно на телефонах. Велись переговоры с крупными и мелкими клиентами, с фотографами, иногда с режиссерами и продюсерами. Девушки сидели за большим круглым столом, и у каждой был свой телефон, у каждой была своя картотека и, как я позже выяснила, даже своя личная личинная жизнь.

Лин протянула мне листок с адресами фотографов, которых я должна была обойти за сегодня (их было по меньшей мере двадцать).

— Все понятно, что написано? — вежливо спросила Лин. Из-за своей застенчивости и нежелания показаться идиотом, я старалась не переспрашивать. Утвердительно кивнув головой, я бросилась в лавину мондриановских улиц. За отсутствием денег я не ездила на автобусе или в метро, а просто бегала из одного конца Манхэттена в другой. Мне то назначали съемку, то нет. Я нравилась или не нравилась. Если в начале дня мой вид был уверенный и самовлюбленный, то к концу, я думаю, он был усталый и испуганный. Я путала имена, я не понимала быстрой нью-йоркской речи и чувствовала себя младенцем, которого швырнули в море и приказали не только плыть, но и добыть по ходу дела пару жемчужин.

В один из таких дней, вернувшись домой, я бросилась в горячий аквариум, который также называется ванной. Только вода никогда не отказывает в помощи, она успокаивает или прибодряет, это уже зависит от того, что вы у нее попросите, в любом случае это скорая помощь.

Поднявшись к себе в комнату, я увидела красивого юношу, который с озабоченным видом рассматривал ее и с явной злобой поглядывал на мои вещи.

— Хай! — сказала я. Его "хай" почти не прозвучало. — Я Елена...

— Очень приятно, очень приятно, — зашипел он, и сразу же четыре змеи подняли свои холодные головы и поползли в мою сторону.

— Что ты здесь делаешь? (одна из змей была уже совсем близко).

— Я? Я здесь живу. Золи на время пригласил меня пожить — неуверенно тянула я.

— Золи всегда отдает мою комнату кому-нибудь, пока меня нет, — заорал юноша. — Я работаю, приезжаю усталый и нахожу свою комнату занятой, приятно, да?!

— Я здесь ни при чем. Золи пригласил меня сам, и я комнату не выбирала.

Как ни странно, аргумент подействовал. — Я его бойфренд — устало проговорил он.

— Меня зовут Лаген. Он протянул мне руку, и даже что-то вроде улыбки промелькнуло на его лице. — Извини, я психанул, ты здесь и правда ни при чем, но все же это хамство всегда отдавать мою комнату.

Бедняга Лаген, подумала я, то ли ты скажешь, когда узнаешь, что не только твоя комната занята, но и комната Золи. Занят его прик и его ас, заняты почти все ночи. У него новый душераздирающий роман, и кто из вас двоих останется победителем,

неизвестно. Его новый любовник, фотограф, выглядит крепким парнем, хотя и не так красив, как ты.

Известно, что в Нью-Йорке моден гомосексуализм. Если раньше говорили об этом шепотом, как о привилегии избранных утонченных эстетов (матросы были не в счет), которые ходили под крыльями Оскара Уайлда и Верлена, то теперь каждый шофер грузовика одевается в кожу и ходит в гей клуб и дискотеку. Половина из них с удовольствием спит с женщинами. Это называется двойная сексуальность. Простая гомосексуальность к пятидесяти годам имеет большое седалище и крашенные рыжие волосы.

Комнатный вопрос уладился просто. Лаген поселился в комнате Пат. Лаген победил, фотографу в слезах было отказано в доме. Пат переехала ко мне. Не могу сказать, чтобы мне это очень понравилось. С ее приходом в комнате возник беспорядок. Невероятное количество платьев, туфель и косметики въезжало в мою комнату. Пат, как всегда, сияла, мне же было совершенно не весело, и я отправилась к своему другу, чтобы выкурить джойнт и поделиться своими неприятностями.

Я вернулась домой около двух часов ночи. Дверь нашего особняка, как всегда, была приоткрытой, горел свет. Неизвестно, по какой причине, но Золи считал, что воры в этот дом никогда не придут. Они пришли. Но позже.

В моей комнате, или если вам угодно, уже в нашей, горел свет. Пат живописно раскинулась на кровати. Душистые волосы распущены. В руках у нее были тетрадь и ручка, и что-то неторопливо записывалось "для истории". На лампу она набросила красный платок, сексуальное тепло мурлыкало об уюте.

Я поздоровалась и пошла в ванну, где полоскалась около часа. В душе я надеялась, что она не выдержит и заснет. Однако, вернувшись, я застала Пат за тем же занятием. Я сняла халат и в одних трусиках, которые решительно надела на себя после ванны, хотя это было совершенно ни к чему, ушла в одеяло.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи — ответила Пат, хитро улыбаясь. Я рассматривала ее, несколько не стесняясь, и видела по ее лицу, что это доставляет ей удовольствие. Без грима она была так же хороша, или еще лучше. Чистая и прохладная, почти невинная, она напоминала мне какую-то лесную историю из жизни нимфотелых.

— Что ты пишешь? — По-видимому, она давно ждала этого вопроса, поэтому ответ прозвучал слишком поспешно: Дневник. Я его давно начала. В данную минуту я пишу о тебе.

— Ты думаешь, тебе достаточно для этого света? Я не думаю, что при таком свете можно что-либо написать или прочитать.

Злодейская кошка посмотрела на меня томным призывающим взглядом и вздохнув спросила: А ты всегда спишь в трусиках?

С молниеносной быстротой я сняла с себя кружевной лоскут и прыгнула к ней в постель. Ее длинное худое смуглое тело было великолепно. Она целовала мои губы, и поцелуй ее был одновременно холоден и горяч. Щекой она терлась о мои руки, грудь и ноги.

— Как ты прекрасна. Твоя кожа, как мех, как шелк. Ты маленький белокурый бог, ты идеальна — шептала она.

— Пат, я влюбилась в тебя с того момента, как только увидела впервые.

- Правда?
- Правда, конечно, правда. Ты совершенство.
- Да, да, мы обе очень красивы, очень. Посмотри, посмотри — и она далеко отбросила простыню...

Проснувшись, я ее не застала, она уже ушла. Было полдесятого утра. Черт с ними, с деловыми встречами, работа подождет до завтра. Мне было легко и весело. Целый день я не ходила, а летала. Днем встретила Сашку, и мы пошли выпить кофе.

- Ленок, ты сегодня какая-то торжественная, влюбилась что ли?
- Влюбилась.
- В кого?
- Поклянись, что никому не скажешь.
- Клянусь.
- В Пат Ивленд.
- Ну, ну — он смотрел на меня насмешливо и скептически — что, серьезно влюбилась?
- Отстань.
- Ну ладно, позвони, расскажешь, как развиваются события.
- Ничего я тебе рассказывать не буду. Пока.
- Ну, пока.

- О чем ты думаешь? Ты все время молчишь, — спрашивает Пат.
- О тебе.
- А что?

— Что ты ужасно красива. Пат жмурится и скалит зубы. — Ты тоже, — говорит она в ответ мне. — Скажи, то что случилось, это уже было с кем-то до меня?

Я ничего не хочу ей рассказывать о Катрин, которая была мне навязана из-за моего хулиганства. Мое тайное и явное презрение к ней было не в мою пользу, поэтому я отвечаю: Нет, никогда.

- Тебе никогда не нравились женщины?
- Никогда?

— Но почему никогда, нравились, конечно. И особенно запомнилась одна. Я шла с мамой в метро. Мне было лет семь или восемь. Я вдруг увидела женщину, от чьей красоты меня бросило в жар. — Что с тобой? — мама испуганно смотрела на меня. — Тебе плохо? Ты вся красная, хочешь, выйдем на улицу? — Нет, — ответила я — сейчас пройдет.

Между прочим, такие же взгляды маленьких девочек я сейчас ловлю на себе. И их изумленные глаза и раскрытые рты всегда приводят меня в отличное настроение. Как правило, это очень хорошенькие девочки, с глазами романтиков. Я им всегда улыбаюсь в ответ, и мы понимаем, что будущее выиграно.

- Ты ревнивая?
- Не знаю, но думаю, что могу быть очень ревливой. Впрочем, такого случая мне еще не представилось.
- Значит, когда ты увидела меня, тебя тоже бросило в жар?
- Да, второй раз в жизни.

Она смотрит на меня с улыбкой полководца, выигравшего битву: Расскажи мне что-нибудь. Золи сказал мне, что ты поэт, это правда? Прочти какие-нибудь свои стихи.

— Они не переведены на английский, а по-русски читать тебе нет смысла.

— Ну расскажи какую-нибудь историю...

В крепостной России дочка одного помещика ранним утром брала коляску, и в нее, вместо лошадей, запрягали тридцать молодых крепостных девиц. Садилась на козлы вместе с кучером и, погоняя лошадок кнутом, отправлялась на прогулку. А вернувшись, кричала-кричала: "Мама, овса лошадям". В ясли для лошадей сыпались конфеты и печенье...

Пат смотрит на меня с открытым от удивления кругленьким ртом.

Знаешь, говорю я ей, с тобой я чувствую себя хорошо, но не спокойно. Вот такого спокойствия, как в детстве, или после того, как нанюхаешься героя, нет.

— Ты что, нюхаешь героин? — с ужасом спрашивает она.

— Нет, но один раз пробовала и признаюсь, было ощущение полной свободы.

— Не нюхай, это очень опасно.

— Да, я знаю и обещаю тебе, что больше не буду. Я смотрю на Пат, на ее мулатскую кошачью фигуру, на ее полуоткрытый маленький рот. На ее прекрасные руки, ноги, волосы... Волшебное изделие порока, я люблю тебя. Но этого я ей не говорю, а на ее вопрос, что такое любовь, пересказываю глупую сказку провинциальной Катрин.

Любовь — это как ладони и песок. Если ты, не сжимая ладоней, хранишь горсть песка, то он почти не высыпается. А чем сильнее ты сжимаешь свои ладони, чтобы удержать полюбившийся песок, тем быстрее уйдет он сквозь твои пальцы.

Эта азиатская мудрость сухого Акына так нравится Пат, что она широко раскрывает глаза и говорит: О да, ты настоящий поэт. Расскажи мне что-нибудь еще.

Я смотрю на нее и молчу. Легкими пальцами она начинает делать мне массаж шеи. Я закрываю глаза и вижу свою дачу и сад, заросший и таинственный, как парк в "Спящей красавице".

Вы знаете?

Конечно знаем.

Какой позор руками вышивать узор.

Как это называется у вас там?

Срам.

Делай, Пат, делай мне массаж шеи. Я обожаю массаж. Руки у тебя длинные и сильные. Я обожаю массаж, Пат.

Что ты чувствуешь?

Я чувствую сад, заросший и таинственный.

Венки деревьев грезят на ветру и знаки подаю

То солнцу, то дождю.

Я каждый день живу и вижу чудо

И греческий герой приходит наяву.

Он ждет меня.

Я, раздвигая куст, бегу.
Геракл убил свою змею
И землю приподнял Антей.
Герои, боги...
Что же до людей,
То слушай...

Листики огромных деревьев так трогательно дрожат на ветру. Вековые сосны, от старости давно сошедшие с ума, но не могущие умереть. Страшная непробиваемая паутина жирного, кривоногого паука-крестовика. Красные лесные клопы и заросшие мхом дорожки... Таким же мхом и заросла моя бабушка, ужасно морщинистая и старая, которая сегодня ночью пойдет в церковь и принесет бледненькие, но очень вкусные просвирки, нежно запеленутые в белый узелок платка. Утром она будет с криком выгонять жеребенка, одолженного мной у молочницы. Жеребенок будет носиться по клумбам с розами и совсем затопчет белую лужайку с маргаритками. Знаешь, — говорит бабушка, — тебя за это надо наказать. Но ей и самой весело, и, не сумев остаться строгой, она смеется. Завтра придет Наташа, — говорит она, — так что тебе не будет так скучно.

Когда-то три подмосковные дачи принадлежали моему деду. Две стояли рядом, а самая большая находилась на другой стороне улицы, но тоже недалеко. Последняя была отдана под детский сад. Другая тоже была отобрана и долго пустовала, пока в ней, наконец, не поселилась семья Наташи. Ее отец быстро делал карьеру и скоро стал министром. Дед же Наташин был очень красиво стар. Он был в свое время каким-то партийным работником, не в пример моему, который не дождался расстрела и умер сам. Двадцативосьмилетний офицер царской охраны: кровь хлынула горлом, замерз на улице.

Бабушка говорила, что и нашу дачу приходили отбирать. Советский солдат объявил, что она пойдет под приют для беспризорных детей. Бабушка попросила подождать минутку и вывела четверых маленьких детей. Пятый, грудной был у нее на руках. Эти тоже будут в этом же приюте или пойдут в другой? — спросила она. Бабушка была горда собой: и дачу-то она отстояла, и с губернатором балы открывала, и отец Сергея Михайловича, то есть мой прадед, хоть и пьяница был и игрок, но все же московского дворянства. Ей затыкали рот, так как говорить о таких вещах строго настрого запрещалось. Мой отец к этому времени уже занимал ответственный пост, и вся его биография официальная была другой: из потомственной рабочей семьи и точка.

Тогда ни я, ни Наташа ничего в этом не понимали. Мы знали одно, что очень любим друг друга. Мы перелезали друг к другу через забор в конце сада, и у нас всегда находилось о чем говорить и во что играть.

Наши игры были невинны и безмятежны, пока я не поняла, что что-то мучает Наташу. — Поклянись, что никому не скажешь?

Я поклялась.

— Ты знаешь, что значит ебаться?

Я не знала. Доверительным шепотом она поведала мне тайну. Я слушала ее с нескрываемым ужасом и страхом. В эту же ночь у меня поднялась высокая температура.

Когда я узнала, что бредила, то в ужасе спросила, какое слово произносила. Бледнея и замирая ждала, сейчас мне повторяют его как приговор. Но ничего такого не произошло. Мама тревожно улыбалась и гладила меня по голове. А папа сказал: кажется, "маяться".

Я облегченно вздохнула.

События разворачивались с необыкновенной быстротой. Наташа пришла ко мне, и мы удалились в любимый конец сада.

— Хочешь, я тебе что-то покажу, снимай трусики.

Я сняла.

— Садись на корточки. Она послунявила палец, раздвинула, как она ласково говорила, "пипочку" и начала осторожно делать движения вверх и вниз. А потом палец ее дрожал. Потом опять движения вверх и вниз.

Мне начинало нравиться.

Теперь у нас была такая огромная тайна, которая уже не умещалась в кукольной кровати. Только деревья, мягкий ветерок и мои собаки знали об этом. Любимым занятием стало лежать в гамаке, утопая среди белых пуховых подушек и рассказывая друг другу "неприличные истории". Рассказывала, как правило, я, она слушала. Перед нашими глазами возникали какие-то оргии в гаремах и в каких-то царствах и тридесятих государствах. По очереди мы играли роли то принца, то принцессы. Принцессой всегда хотела быть я. Она сердилась. Ей тоже нравилось и хотелось быть девочкой. Надо вспомнить, что перед игрой мы очень тщательно мыли руки. — Руки вымыла? Конечно. — И мы протягивали друг другу руки. Пахло душистым мылом...

Так продолжалось несколько лет. Именно лет, потому что виделись мы только летом, когда приезжали на дачу. Мне было восемь лет, когда Наташа рассказала мне о совокуплении. Руки у нее были в цыпках. Она была на год меня старше, выше на два сантиметра, с коротко подстриженными, волнисто вьющимися каштановыми волосами. В нелепых сарафанах, перешитых из старых *материниных*, и в рыжих босоножках или тапочках. У нее были мелкие зубки, широко стоящие друг от друга. Зеленые с каринкой глаза, длинная шея, большой рот и приятный овал лица.

Ее держали в ужасной строгости. Позже, когда мы уже встречались не только летом, но и зимой, я узнала, что моя подруга содержится чуть ли не под домашним арестом. Ей не позволялось никуда ездить одной ни в автобусе, ни на метро. Приходила всегда я в их огромную полупустую правительственную квартиру. От всего почему-то пахло бедностью. Что ее мать делала с деньгами, было загадкой. В первый мой приезд Наташа почему-то была дико смущена. Я ей по дурусти предложила сыграть, она залилась румянцем и отрицательно замахала головой.

Детство кончилось. Теперь она иногда помогала мне по математике, или я у нее списывала какое-нибудь сочинение. Я школу ненавидела — она же была отличницей. Не помню, чтобы мы рассказывали друг другу о своих школах. (Ее старшую сестру Лену заставляли учиться с мужицкой силой. При сдаче экзаменов в экономический институт она сошла с ума.) Потеряла ли она свою девственность? Я не знаю. Девственность да. Когда ей был уже двадцать один год, она могла выходить из дому только к подруге и на два часа. Она выглядела как измученная женщина — девственность отнюдь не оживляла ее лица.

— Послушай, — перебила меня Пат, — это очень интересно. но мне нужно бежать на съемку. Встретимся вечером, что ты делаешь вечером? Хочешь пойти вместе обедать, там будет один французский продюсер.

— Хочу, но у меня нет туфель.

— Выбери мои, какие хочешь. — И она убежала, оставив меня все с тем же прохладным поцелуем на губах.

Вечером я надела шелковое лиловое платье. Выбрала у Пат лакированные туфли. Посмотрев на себя в зеркало, осталась очень довольна.

— Елена, тебя к телефону, — прокричала снизу Бетти.

Звонила Катрин.

— Нет, сегодня я не могу, я занята.

— Ты теперь все время занята, у тебя что, новый роман?

— Да.

— О! О-очень интересно. Могу спросить, с кем?

— Не твое дело. — И я повесила трубку.

По лестнице поднималась Бетти:

— Елена, ты потрясающе выглядишь. Мой Бог, куда ты идешь?

Я не любила Бетти, но все-таки я жила в ее доме, и приходилось быть вежливой:

— С Пат на обед. Будет также какой-то французский режиссер.

— О, это Жан-Клод. Обязательно постарайся ему понравиться. В кинобизнесе он многое может и знает всех.

Я обещала. Вообще я чувствовала себя здесь как бедная родственница, взятая из милости, но с той лишь разницей, что ничьей родственницей я не была.

Пат играла примадонну. Возможно, кто-то однажды сказал, что она похожа на Josephine Baker. С тех пор она вошла в роль, и ей это удавалось с непринужденной легкостью. Она жаловалась, почему ее сейчас никто не снимает в ресторане. Где эти дураки фотографы и журналисты? Когда надо, их никогда нет. Она пробовала петь слабым голосом, но с хорошим слухом и, наконец, шлепнула белым куском торта в гомосексуальную рожу молоденького французика, "важного" продюсера. Он ей ответил тем же, и началась кремовая потасовка.

Я сидела рядом с англичанкой, тоже моделью, которая долго косилась на меня и, наконец, начала говорить, что самая белая кожа — у англичанок.

Все запротестовали и сказали, что у меня — белее. Она схватила мою руку и сравнила кожу не внешней, а внутренней стороной. Моя оказалась значительно белее (еще бы, я не была на море почти полтора года).

После обеда все поехали в дом к англичанке, где она жила со своим красивым молодым любовником и сыном.

Сын был белокурое божество. Квартира на Парк авеню, обставленная с хорошим вкусом. Пили шампанское и курили марихуану. Был предложен кокаин, но все отказались. Может быть, из-за меня. Я была здесь новенькой, и вид у меня был слишком невинный. Жан-Клод тихо злился.

— Какие хорошенькие туфельки, — с явной издевкой сказал он мне и слегка припод-

нял мою ногу. — Да, очень милые, — ответила я, — они принадлежат Пат.

Он это прекрасно знал, но не думал, что я это скажу.

Было около четырех часов утра, и все полудремали на огромных подушках, но почему-то никто не расходился. Наконец я не выдержала и сказала, что хочу ехать домой. Пат сразу же вскочила, от ее искусственной дремоты не осталось и духа. В такси я понимала, что, если я смогу добраться до постели, то это будет самый прекрасный сон в моей жизни. Как сквозь туман я слышала перебранку между Пат и Жан-Клодом: он заставлял ее ехать к нему, она отказывалась. Когда мы подъехали к нашему дому, я попыталась быстро захлопнуть за собой дверь машины. Но не тут-то было, Пат последовала за мной, а Жан-Клод кинулся вслед за ней:

— Проклятый дайк! — и еще какие-то проклятья, которых я не поняла.

Пат была свежа и весела, как будто не было четырех часов утра и как будто она не работала весь день и не курила марихуану. Может быть, она втихаря от меня нюхала кокаин. Не знаю. Знаю только, что эту ночь я с позором проиграла.

Пат прыгнула ко мне в постель. Я же бормотала, что умираю, как хочу спать. Энергии на сей раз у меня не было никакой. После долгих усилий она получила мой оргазм. Я же ничего не могла ей дать, кроме потустороннего "спокойной ночи". Это была наша последняя ночь. Пат никогда мне этого не простила. Мне было ужасно стыдно, я чувствовала комплекс неполноценности. Я знала стихи Пушкина, но не-гритянской крови во мне не было.

Пат соблазнила меня и бросила. Я переживала и страдала. Я была здорово влюблена. Мы продолжали спать вместе, в одной комнате, но теперь Пат уже приходила, когда я спала. Или вовсе не приходила.

Из гордости я не лезла к ней с любовью, но, когда на очередном показе мод мы стояли голые в одних трусиках, и я попробовала легко поцеловать ее в плечо, она отшатнулась. Она сказала, что теперь мы только друзья. На показе я перепутала все фигуры и чувствовала себя уничтоженной. Ночью я писала ей стихи и ждала, но она не пришла.

Розовый нежный грецкий орех. Красная ямка, куриное филе. Что она знает, кроме журнальных поз и имен фотографов?! Ничего.

Год спустя, когда я приехала из Парижа и случайно встретила ее в приемной одного дизайнера, она проявила внешнюю радость. Я показала ей свой портфолио, весь заполненный журнальными публикациями. Она не могла скрыть неудовольствия.

— Ты все еще пишешь стихи?

— Да, иногда.

— Пиши, ты прекрасный поэт. Я помню, что ты мне рассказывала о песке. — И она с театральной нежностью Дездемоны сложила свои ладони.

Василий Васильевич Чулков был придворным истопником у цесаревны Елизаветы. По восшествии этой государыни на престол, он стал камергером и получил от нее большие земли в России. Своим возвышением он был обязан не красоте, как другие. Он был мал ростом и безобразен. Но у него был чуткий сон, какой только можно себе представить, и это составило его счастье. Елизавета была, как все узурпаторы, труслива. Она боялась каких-то переворотов, на которые могли решиться ночью, так как сама произвела революцию ночью. Чтобы не быть пораженной по недостатку бдительности, Чулков каждую ночь должен был оставаться при императрице. Можно сказать, что она не провела без него ни одной ночи. Каждую ночь он был обязан дремать в кресле, в ее комнате. Много лет Чулков вовсе не ложился в постель. Сон для него был гораздо меньшей потребностью, чем для других. Легкая дремота на стуле была для него достаточным отдыхом, так что он никогда и днем не чувствовал потребности лечь в постель. Так как у Чулкова была оригинальная должность проводить все ночи у императрицы, то легко понять, что государыня должна была к нему иметь полное доверие. Он знал все тайны ее частной жизни.

Из исторических справочников

- Между вами и вашими друзьями существует стена?
- Стена — нет, но дверь существует.

У человека два полушария мозга. Левое готовится к жизни, правое — к смерти. Пиши стихи и не философствуй, скажет художник. И писатель с ним согласится. Один мой любовник — в настоящем, другой — в прошлом. Может быть, в душе они не очень любят друг друга, но особой самцовой ненависти между ними нет. Они симпатизируют друг другу и с уверенностью сходятся в одном мнении: женщина не должна философствовать.

У Золи парти. При этом хочется прибавить: у Медведевых драка, у Семеновых пьянка. Никаких, конечно, Медведевых и Семеновых нет, из русских я одна. И чешский режиссер Милош, и чешский сценарист Иван, по которому умирает Бетти. Но умирает только она, а он отнюдь нет и даже, напротив, относится к ней прохладно. Впрочем, спит с ней. Как-то раз я с ним столкнулась, и был он в полосатой пижаме. Принц да и только.

У Золи парти. Все самые красивые и знаменитые модели приглашены. Из знаменитостей — Джек Никольсон, который сидит рядом со мной за столом. Но я этого не знаю, поэтому говорю какой-то старой накрашенной блондинке:

— Этот парень точно выглядит, как Джек Никольсон.

— Деточка, — восклицает она, — это же и есть Джек Никольсон.

Все смеются, кроме Джека Никольсона. Такие ошибки в обществе недопустимы. Хотя я и взяла себе за правило, что мне на все плевать, но все же настроение портится. Народ все прибывает и прибывает. Толстые богатые дяди, худые дяди, все они собрались в который раз, чтобы заключить сделки и подышать сексом высокого класса.

Мне они все физически противны, и я, забившись в конец гостиной, с презрением курю джойнт. Говорить здесь совершенно не с кем, лучше уж сидеть и наблюдать, как весь этот красивый салат пьет, искусственно смеется и флиртует.

— Елена, — возникает затянута в шелк задница Бетти, — почему ты сидишь одна? Все девочки уже кого-то нашли, а ты сидишь и куришь джойнт.

Я чуть не расхохоталась Бетти в лицо, но нельзя, подумает, что *стонд*.

— Бетти, ваши девочки очаровательны. И сама вы, милая хозяйка. За сколько же и кому вы хотите меня продать, интересно узнать? — Но об этом я только думаю, а вслух говорю, что я не знаю. Бетти отходит, и я вижу, как чешский режиссер что-то говорит чешскому сценаристу и показывает на меня пальцем.

— Например, вот эта девочка, а? — долетает до меня, как стук колес уходящего поезда. За сим последовал отрыв жопы от дивана, и человек стал пересекать красную площадь ковра.

— Могу сесть рядом с вами?

— Садитесь.

— Я знаю от Бетти, что вы русская, — сказал он мне по-русски с чешским акцентом.

— Бетти не наврала.

Человек старался быть милым, но меня он почему-то злил, как, впрочем, и все в этот вечер.

— Вы из России, откуда?

— Из Москвы. А вы?

— Я чех, Милош. Продюсер и режиссер. Вы не слышали обо мне?

— Нет.

— Это я поставил фильм "Одно гнездо кукушки".

— О, да? Поздравляю.

Самое ужасное во мне то, что, если уж я настроена быть светской, то тут уж как заупрямившегося осла меня с места не сдвинешь. Я ненавидела себя за эту особенность, но это и была та самая непрошибаемая стена.

— Вы очень красивая.

После этих слов мне вообще стало тошно, поэтому я поднялась, извинилась и ушла.

Я поднялась к себе наверх. Майкл, черный пес Золи, как всегда, проявил бурную радость. С тех пор, как я здесь поселилась, Майкл спит в моей комнате и на моей кровати. Вообще это запрещено, так как Майкл по идее должен охранять дом, но...

Я умылась, разделась, загородила дверь своей комнаты столом на случай прихода неожиданных гостей. Я оказалась права: через несколько минут кто-то попытался залезть в мою комнату. Но поскольку было темно, а я не издала ни звука (между прочим, Майкл тоже — умная сторожевая собачка), то человек исчез. Через несколько минут он вернулся, по-видимому, узнав, где точно находится моя дверь, и не ошибся ли он. Я включила свет и увидела Милоша, который продирался через мои баррикады.

— Милош, я сплю, иди отсюда, — приказала я. Но чешский режиссер так просто не сдается. Нисколько не слушая меня, он уселся на моей кровати.

— Послушай, ты что, уже спишь? Давай поговорим. Ты и я славяне. Нас они не понимают и не поймут. — При этом он попытался меня поцеловать. От него дико разило алкоголем.

— Послушай, я не настроена разговаривать.

— Да, но я хочу.

И тут на меня понесся пьяный бред, бог знает, на каком языке. Меня мутило от запаха его алкоголя и от всей ахинеи про Россию и Чехословакию, которую он нес. Я перестала вслушиваться в этот пьяный и глупый поток и повторяла только одно:

— Если ты не уйдешь из моей комнаты, я буду орать.

По-видимому, он понял, так как нежно потрепал меня по голове и, пожелав спокойной ночи, выкатился вон. Черт, стать звездой Голливуда было близко. Бетти права, пока все девочки уже ебутся с кем надо, я курю джойнт.

Часов в пять утра я проснулась от того, что захотела пить. Мягко похрапывал Майкл, в доме жила тишина. Нужно было встать и спуститься этажом ниже, туда, где спала кухня. Не знаю, почему, наверное, все от той же лени, но на кухню я не спустилась. Я прошла в ванную и напилась воды из-под крана.

Не сладкая музыка, не пение птиц разбудили меня, а рыдания, истерика и вопль, донесшиеся до моей спальни. Я встала. Черт знает что происходит в доме. В гостиной — три полицейских, Золи и Бетти. По возгласам и обвинениям Бетти я поняла, что дом был ограблен. Когда полицейские ушли, в мою комнату вбежал Золи.

— Где был Майкл прошлой ночью? А? — симпатичное личико моего агента выражало гнев.

— Откуда я знаю. А что случилось?

— Ты знаешь! Майкл спал с тобой, а дом был ограблен.

— Золи, я сожалею. А что украли-то?

— Ковер! Беттин ковер и китайские вазы!

— Ковер?

— Ковер!

— Но ковер по меньшей мере длины метров в сто и ширины черт знает какой.

— Сделано, ковер исчез. Тебя же еще раз настоятельно прошу, чтобы Майкл никогда не был в твоей комнате. Если бы Майкл был внизу, то воры бы не вошли...

Бедный Золи, он был очень расстроен, и еще долгое время я слышала, как Бетти грызет его, и как хрустят его хрупкие венгерские кости.

— Чтобы женщина работала, она не должна получать сексуального удовлетворения, — лежа на диване, рассуждал Сашка, — посмотри на женщин, которые чего-то добились в бизнесе и карьере, они все недообанные. Неудовлетворенный секс толкает на то, чтобы делать карьеру. У тебя ничего не получится, ты все время думаешь о сексе...

— Думать, это еще не значит иметь удовольствие. Ты что же, думаешь, все твои преуспевающие женщины не думают о сексе?

— Правильно, они о нем думают, но они его не получают. Потом говорят, что большинство женщин фригидно...

— А меньшинство?

— Ну, а меньшинство бляди.

— А если они очень сексуальны, но воспитание не дает им становиться блядьми, как ты говоришь?

— Тогда они несчастные дуры. Вот ты, например, не дура, но, конечно, не нормальная.

Если ты не переменишь свою точку зрения на жизнь, то сойдешь с ума. Взять, к примеру, твою сексуальную жизнь. Во-первых, ты все принимаешь близко к сердцу, этого делать нельзя. Ты спишь не с кем нужно для дела, а исключительно из своего удовольствия или из любопытства. Я думаю, что ты перенюхалась *поперс*, а это уже самое дешевое удовольствие для негров и *фагетс*... Ты могла бы сделать себе прекрасную карьеру как модель, но ты ленива, и, честно признайся, тебе это совершенно не интересно.

Лена, ну что молчишь-то? Я прав или нет? Сегодня где была целый день?

— Снималась.

— Покажи портфолио.

— Саша, ты смотришь мой портфолио каждый день, не надоело?

— Нет, давай, давай, показывай.

Я приношу коричневый дом, в котором живут мои лица.

— Так, фотография первая. — Сашка долго смотрит на то, как от моего раскрашенного лица расходятся во все стороны розовые, голубые, зеленые, желтые лучи. — Кто снимал?

— Линда.

— Какая Линда?

— Саша, какая разница, ты все равно не знаешь. Она совсем не известный фотограф.

— А грим?

— Шанта.

— Какая Шанта?

— Французская гримерша. Блеск, да? Я с ней сделала одну съемку, можно только мечтать, но фотограф загубил всю мою идею, снял совсем не то, что я от него требовала.

На-днях я познакомилась с одним армянским художником (приятель Шанты), который живет в отеле "Челси" и рисует довольно красивые картины. На них — только цветы, цветы, масса цветов, весь холст заполнен цветами. Наверное, его душа и сердце заполнены цветами. От того, что он хотел заполнить цветами весь мир, он мне понравился, и я пообещала ему сняться для его работ.

Идея заключалась в следующем: я должна была быть выкрашена с головы до ног в серебряную краску. Он проецирует на мне свои слайды. Я двигаюсь очень медленно и пластично. Ну, а фотограф, конечно, должен не валять дурака, а снимать то, что он видит. Съемка длилась часов шесть. За все это время я не присела, так как боялась, что серебро может полететь. Когда все было закончено, я вдруг почувствовала, что теряю сознание. Шанта подхватила меня на руки и быстро бросила в ванну. Она не на шутку испугалась. Мы все забыли, что человеческое тело не кусок дерева. Каждая пора моего тела была зашпаклевана, и дышать было нечем.

Меня привели в порядок. Хотя я и чувствовала ужасную слабость, но, как видишь, осталась жива.

Через два дня фотограф принес фотографии. Я чуть не разрыдалась: никаких цветов, черно-белые фотографии. Я на них выглядела то ли как Тутанхамон, то ли как модель Джакометти.

— Покажи.

Я достала желтый пакет с фотографиями и протянула Сашке.

— Да, Леноч, это неплохо, но в портфолио ты их вставить не можешь. Ну и страшна же ты здесь. Как так можно было снимать, чтобы получились такие огромные ступни ног. Нет, это надо уметь. Он что, начинающий, да?

— Нет, не начинающий. Он даже где-то получил премии, но моделей снимать не любит. Он сказал Катрин, что есть только одна модель, с которой он может работать, это я, так как я — артист, а не красивая дверная ручка. Говорит, что переснимал всех баб у Золи и у "Вулемины", и ни одна из них не могла ответить его требованиям. Я ответила. Наверное, именно поэтому он подбросил мне эту подлость. Не знаю, что ты думаешь, а я считаю это просто хамством.

Он оправдывался и говорил, что зарубил все цветные пленки, но я-то здесь при чем. И Шанту бедняжку жалко, она тоже работала во французском поте лица своего. И за все это мы получили дурацкие фотографии. Я с ним больше не разговариваю и видеть его не хочу. Он меня просил прийти посниматься, но черта с два он у меня что-нибудь теперь получит.

Сашка продолжал переворачивать пластиковые страницы. Иногда он молчал, но лишь для того, чтобы заворчать на следующей.

— Все равно лучше, чем я, тебя никто не снимает, — серьезно заявил он. — Здесь свет поставлен неправильно, здесь кусок руки отрезан...

— Ладно, не все фотографии плохи. А если слушать тебя, то выходит, что снимать умеешь ты один, а все остальное нью-йоркское население зря переводит пленку.

— Правильно, никто из них снимать не умеет...

Я затянулась сигаретой: — Знаешь, я сегодня обошла большое количество каких-то офисов в надежде получить работу.

— Ну и что?

— Ничего.

Все смотрят как на диковинку, говорят, что все, что я делаю, интересно, но слишком sophisticated.

Катрин говорит, что мне надо отказаться от желания делать искусство и пора начать делать коммерческие вещи. Вся беда заключается в том, что, когда я начинаю работать с фотографом, я подаю ему свои идеи, а он как дурак их и подхватывает. Мне нужно заткнуться и молчать, как делают все остальные, я же начинаю в воздухе рисовать картины. А за эти картины никто и копейки не заплатит. Как и за мои стихи. Красиво. Красиво, но бесполезно.

— Твоя Катрин — Спиноза. Что ты вечно связываешься со всякими идиотками и неудачниками.

— Ладно, это к делу не относится. Она где-то права. Вчера прихожу к одному. У него в приемной полно народу. Все явились, зная, что есть работа. Когда же вошла я, он воскликнул: — Елена, приходи на следующей неделе, давай снимем что-нибудь сумасшедшее. — Я рассвирепела и ответила, что самое сумасшедшее, что я могу сделать с ним, это деньги. Он посмотрел на меня, как и впрямь на ненормальную. Рожа у него вытянулась. Он ничего не ответил.

— Так что, есть какие-нибудь предложения и соображения по этому поводу?

— Я считаю, что тебе нужно выйти замуж.

— Ты что же, думаешь, что я совсем конченный человек? Женись сам, а я у тебя буду занимать деньги (без отдачи, конечно).

— Я могу жениться, но только на молодой и на миллионерше. Вопрос, где найти.

— Позвони по телефону, сейчас придет. Ты, Сашка, сам настолько ленив, что не можешь набрать номер телефона. Красавицы с миллионами тоскуют по твоей физиономии и атлетической фигуре. Ты же металл, гранитная глыба. А какой-то хуй на колесах раз, и составит ее и свое счастье. Посмотри на себя: красный платочек на шею повязан. Ничего, что не очень свежий, зато оттеняет бледность лица и хорошо идет в контрасте с черными волосами.

Сашка поправляет платок: — Не нравится?

— Почему не нравится, сказала же, что нравится. Ты напоминаешь мне моего старшего пионервожатого Лешку...

— Как-то раз родители отправили меня в пионерский лагерь. Это на их языке называлось "сжиться с коллективом". Я приехала в этот дурацкий лагерь с клетчатым американским чемоданом, в котором было невероятное количество кружевных ночных рубашек, пластинки с твистом и шейком, жевательная резинка и сигареты "Мальборо".

Ужинать я отказалась, так как была подана какая-то гадость в виде каши и синего цыпленка, умершего от рака. Я отправилась спать, а утром меня разбудила труба или, как это у них называлось, горн. Все коклюшные стали вставать и с недоумением смотрели на меня, лежащую. Чтобы не слышать проклятого шума, я еще и подушку положила на голову.

— Ты что не встаешь? — спросила одна из коклюшных. — Вставай, мы должны идти на линейку и на зарядку.

Я посмотрела на каждую из них по отдельности и заявила, что я сюда приехала отдыхать. В семь часов утра я никогда не вставала и вставать не собираюсь. Это не похороны бабушки, ради которой однажды я пошла на жертву в столь ранний час. Я посоветовала и им лечь и поспать до десяти, как все нормальные люди. Они последовали моему совету.

Через пять минут влетел вожатый нашего отряда и приказал всем встать. Никто не шевелился. Не зная, как быть, он закричал, что пришлет старшего пионервожатого и что тогда нам придется отвечать.

Старший пионервожатый не заставил себя долго ждать. Это был плотный молодец с таким свирепым выражением на лице, что коклюшные стали выскакивать из своих постелей без единого "ме" и "бе".

— Кто зачинщик подобного безобразия? — вопрошал он громко и четко.

Такая интонация не могла остаться без ответа, поэтому немедленно чья-то худая лапка показала в мою сторону. И еще кто-то добавил: — Это она.

— Встать! Когда старший пионервожатый с тобой разговаривает! Встать, я сказал!

Я взглянула на него из кружев моей ночной рубашки и с холодной уверенностью сказала: — Не кричи, я сплю. Мне еще нужно самое маленькое поспать три часа, и после этого я смогу с тобой разговаривать.

— Да ты понимаешь, где ты находишься?!

Он начинал меня злить.

— Послушай, — вдруг спросила я его — у тебя по Т.О.Э. что стоит?

От изумления его рот приоткрылся: — Ты откуда такое слово знаешь?

— Слово я знаю. Обозначает оно "Теоретические Основы Электротехники", на нем за-

сыпаются все студенты, и преподает его в твоём институте мой отец — профессор, чьё имя выковырено у тебя в сердце. Поэтому, если ты сейчас же не уберёшься и не дашь мне поспать, знай, что на следующем экзамене ты провалишься. Уж я для этого сделаю все, ещё и сама на экзамен приду, и там посмотрим, как ты будешь орать и махать кулаками.

— Поверь мне, друг Саша, что сквозь весь его здоровый загар я увидела мышиную бледность.

Он приказал всем коклюшным идти на линейку и остался со мной в комнате один. Его самоуверенность ушла вместе с ними. Пушисто-наивные черты лица деревенского парня вдруг спокойно улеглись на его лице. Он присел на край моей постели и, посмотрев на меня взглядом теленка, приговоренного к электрическому стулу, спросил, сколько мне лет. Я ответила, что три дня тому назад исполнилось четырнадцать. Вдруг он заплакал. Я увидела его простые чистые слезы, которые, не стесняясь, побежали по его круглому лицу, и глаза, которым было все равно, что о них подумают.

Мне стало жаль его. Я подняла мягкий кошелек его ладони и сказала, обращаясь скорее к его слезам, чем к нему самому: — Хочешь быть моим другом? — Его "хочу" прозвучало торжественно и почти неслышно.

— Хочу.

— Как тебя зовут?

— Леша.

— Леша, это почти, как лапша.

— Зови меня наедине как хочешь, только не в присутствии других. То, что может быть позволено тебе, не позволено остальным.

— Надеюсь, это не потому, что мой отец — профессор по самому трудному экзамену? Извини, я не хотела шантажировать тебя, ты сам меня вынудил своим офицерским поведением, к которому у меня идеосинкрзия с детства. Ненавижу солдафонства.

Леша смотрел на меня, как на маковое поле, вдруг выросшее в столовой.

— Ты русская?

— Я?! Конечно, русская. Русская, но не советская.

— Что ты имеешь в виду? — Его изумленный взгляд смешил. Мне хотелось подергать его за несуществующую косичку. Я дернула за красный колокольчик на его шее и сказала: — Я думаю, что ты обрусевший китаец, который согласится вырыть для меня кровать и даст мне поспать ещё час. Это не каприз, я не умею вставать рано и даже в школу хожу во вторую смену.

— Послушай, что зависит от меня, то спи, сколько хочешь. Но есть проблема: это — пионерский лагерь, ты подаешь плохой пример, и мне влетит из-за тебя от начальства. Я не могу делать исключения для тебя одной. Мы должны что-то придумать.

— Лешенька, я посплю только полчаса, а потом приду в твою комнату "старшего пионервожатого", и мы обсудим вопрос.

— А разговаривать так ты научилась у своего отца?

— Никогда не думала. Может быть. Впрочем, я с ним почти не разговариваю. Или он со мной почти не разговаривает. Думаю, мстит мне за то, что я родилась девочкой, а не мальчиком, как он ме-че-че-че-тал.

Через час я пришла в Лешину комнату "старшего пионервожатого".

Леша занимался делом: ставил классические пластинки и по рупору запуская на весь лагерь.

— Леша?

— Да.

Он старался на меня не смотреть.

— Леша, тебе самому нравится эта музыка?

— Конечно. Прокофьев, "Петя и волк". Прекрасная музыка.

Он продолжал на меня не смотреть.

— Леша, у меня с собой пластинки. Джонни Холидей и Битлс. Из классики "твист эгейн" и "рок-ен-ролл". Почему бы нам не запустить их?

— Ты что, хочешь, чтобы тебя выгнали и меня вместе с тобой?

— Ничего не известно. Разве начальник лагеря тебе когда-нибудь говорил, чтобы ты не ставил по радио твисты и рок-ен-роллы?

— Нет, никогда. Это и в голову ему не могло прийти.

— Вот видишь, значит, все в порядке. — И я протянула Леше только что распечатанную пачку сигарет "Мальборо" и довольно заезженную пластинку Rock to-night.

Все остальное произошло с быстротой рождающегося кролика. Через десять минут на подмостках пионерского театра я показывала коклюшным, как танцевать твист и шейк. Через двадцать минут прибежала партийная начальница лагеря, сделала из Алешки лапшу и съела, выплевывая вместе с ним остатки праведных слов: Подобное безобразие не должно никогда повториться...

— Ну, а тебя-то из лагеря выгнали или нет? — пробуя отковырнуть пуговицу на диване, спросил Сашка.

— Меня — нет, так как я срочно заболела и легла в лагерный изолятор. Там началась нормальная жизнь: своя комната с ванной, в лесу, завтрак, обед и ужин подавались в постель. От меня требовалось лишь иметь температуру, которую я исправно набивала два раза в день. Лешка приносил мне книги, впрочем, там была и своя библиотека. Обо мне вспоминали лишь в случаях самодеятельных выступлений, когда, скажем, к нашему лагерю приезжал в гости другой. Тогда посылали за мной. Первым моим номером было что-то вроде адажио из "Лебединого озера". Вторым — Евтушенко "Письмо к Франсуазе Саган". Иногда на "бис" я читала "Лорелею" Гейне. Думаю, больше всего им нравилось то, что они ничего не понимали. Я была кем-то вроде шамана, и мои физические и словесные заклинания приводили их в восторг.

— Вообще, Саша, я родилась поэтом, а не моделью, их суеты из-за внешней красоты я не понимаю.

— Оставь этот *болшет* для своего бывшего мужа. Он тоже поэт, а теперь работает официантом в ресторане.

— Ну и что из этого? Элиот работал в банке, а Набоков был гувернером и тренером по теннису. Пока не написал "Лолиту", знать его никто не знал.

— Ой, только, пожалуйста, не перечисляй мне жизнь замечательных людей. Мы здесь и на хуй никому не нужны с нашими талантами. Они здесь родились и выросли. А писать стихи каждый дурак может. Думаешь, я не могу? Могу, как никак учился в МГУ на журналистском.

Сашка меня начинал злить.

О.К., вот тебе бумага, ручка и мне тоже — бумага, естественно, ручка, двадцать минут времени и, давай, напишем стихи на одну и ту же тему.

Тему я даю очень простую — "Комната".

Мы отметили время и разошлись по комнатам. Я расположилась на диване цвета молодой менструации. Сашка остался в спальне.

В этой комнате ноете

Вы на жизнь и ненужность

Белый угол как голод

Вас притянет за уши

Вы чужой и ненужный

Шкаф напротив он ужас

С него смотрят поэты пересекающие Лету... и так далее.

Стихи мне не нравились в конце концов это не тараканы бега, а поэзия.

Сашка пытался долго. Наконец сказал, что это хуйня, у него ничего не получается, но это лишь дело практики.

— Давай я лучше тебе свой роман прочту, — сказал он. — Я его еще в Израиле начал писать. Сашка достал истерзанную тетрадку...

Разговор шел о Москве и его друзьях, детях высокопоставленных родителей. Здесь был даже внук Сталина, который умер от овер дозы. Потом рассказывалось о "Даунах" — монголоидных людях с огромными головами и фантастическим миром как от грибов паети. Сашка восхищался ими страниц на десять.

— Ну вот, а дальше еще нужно писать. Я хочу это опубликовать, но, конечно, не под своим именем, а то в Москву никогда не пустят. Что ты думаешь?

— Я думаю, что твоих "Даунов" можно есть. Это будет новый наркотик. А настоящие джанки, конечно, будут пускать по вене.

— Нет, ну ты серьезно скажи, тебе понравилось?

— Да вообще-то ничего, нужно, конечно, еще поработать.

Сашка остался доволен собой:

— Да, Леноч, вот так-то садится человек и пишет роман века. А ты — стихи. Замуж тебе нужно выйти за миллионера и не морочить себе голову. Работать — это не для тебя. В Москве всю жизнь жила в роскоши, ездила на белом мерседесе и в огромных шляпах являлась в Дом кино. А теперь что? Ну, пускают тебя в студию Фифти Фор.

— Между прочим, даже с тобой и с твоей обглоданной командой, — ехидно заметила я. — Саш, я тебе давно хотела сказать, если ты не будешь стирать свои носки, то я выгоню тебя на улицу.

— Я стираю.

— Тогда мойся.

— Ты же знаешь, что я каждый день принимаю душ.

— Но от тебя воняет.

— Перестань меня травить! Ты меня травишь каждый день, ты жуткий человек. Узурпаторша, которая разрушает не только себя, но и других. Вся твоя жизнь состоит в том, чтобы строить и создавать годами, а потом все взять и разрушить в один день. Друзей у тебя нет, кроме меня. Ты никого не любишь и живешь идеалами девятнадцатого века. Ты старомодна, как моя мама.

— Все русские живут идеалами девятнадцатого века, потому что нас кормили только классической литературой. Между прочим, какого черта ты рассказываешь советским таксистам, которые стоят около Плаза отель, что это твоя квартира на Сентрал Парк Саус?

— Но я же в ней живу.

— Живу я, а ты в ней гостишь, и я мечтаю, когда ты, наконец, уберешься вон. Ты ни разу не вымыл за собой ни одного стакана, не подмел ковер и не вычистил туалет. Я не твоя мамочка и не домработница...

— Лена, пошла ты на хуй!

Становится весело, но я понимаю, что через минуту мы с Сашкой подеремся. Я в него запущу подушкой и при этом сделаю самую злую рожу и ненавидящий взгляд.. Он тоже ударит меня подушкой, но разозлится и обидится на самом деле.

Подражаться нам мешает звонок в дверь. Как в пьесе, входят Дориан и Майкл. Майкл — семнадцатилетний счастливчик, выигравший по лотерейному билету миллион. Во всяком случае, так все говорят. Но деньги до его совершеннолетия находятся под контролем родителей и банка, а ему что-то выдается каждый месяц. Майкл хочет быть драгдилером или, как здесь говорят, пушером. Но ему мешают друзья: мы все нюхаем, курим и, конечно, ничего не платим.

Дориан выглядит, как всегда, на негритянских пружинах. Откуда он берет свою энергию? Наверное, оттуда же, откуда и Пат.

Они полуложатся на ковер и огромные голубые подушки на полу. К этому времени моя квартира уже выглядит довольно сносно. В гостиной во всю стену — балетный станок (единственное, что осталось от Кэрл). Моя спальня затянута в лиловый шелк. Старинная кровать под белым легким балдахином. В квартире полно дорогих книг по искусству, которые большей частью ворует для меня мой друг, другой Сашка, работающий сейчас кассиром в книжном магазине на Пятой авеню.

У меня висят работы Леонор Фини. Холодильник пуст и кое-где покрыт плесенью: дома я никогда не ем, но, когда мне лень выходить на улицу, то я все заказываю по телефону. Американский сервис работает двадцать четыре часа.

— Леноч, поставь музыку, — говорит Сашка.

Я ставлю пластинку Вивальди. Наступает тишина. Мальчишки переглядываются.

— Поставь David Bowie. Ты совершенно сошла с ума — орет Сашка.

— Мне надоел твой David Bowie, послушайте хотя бы раз прекрасную музыку.

— Она права, — говорит Майкл и достает белый пакетик.

Я ставлю David Bowie...

— Что будем делать? — спрашивает Дориан. — Сегодня парти в "Инфинити", может, пойдем. Все глаза устремляются на меня.

— О.К., пойдем, мне нужен час, чтобы принять ванну и собраться.

Из ванной я слышу, как тут же грохнула не известная мне рок-группа. Каким-то дарлингам приказывали явиться в "Инфинити". Я слышу смех и дориановское "Джизус Крайст". С моим уходом обстановка явно приняла свободный характер.

Через час я была готова, и, взглянув на меня, Дориан сказал: — Джезус Крайст, Лена! — Вивальди и моя сварливость простились мне за мой внешний вид.

”Инфинити” — это огромный длинный сарай в Даун Тауне. Как и во все модные места туда пускают не всех. Преобладать должны *фешен пипл*, тем более, когда специальное парти. Тогда мальчики и девочки из Бруклина могут стоять часами, и их туда не пустят. Перед нашей группой дверь всегда распахивалась.

В ”Инфинити” царило обычное веселье. По стенам висели неоновые фалосы и жопы. Кто-то, как говорит Сашка, ”исполнялся” на полу, но это скорее была хорошая имитация акта, чем сам акт. Фотографы вовсю щелкали своими камерами со вспышками. От некоторых лошадей уже воняло потом. Все были выряжены кто во что горазд, но дешево. Появился человек, весь в черном. Он вел за собой совершенно голую девицу с не очень хорошей попкой. Это было неплохо, но игра не была выдержана до конца: уж тогда он должен был вести ее на ошейнике и на цепи. Впрочем, я не театральный критик, а такой же ряженный, и если у них не хватило вкуса, то меня это совершенно не касается.

Марихуану можно было и не курить, такой стоял дым.

Ребята обещали познакомить меня с Харвардом. Кто такой Харвард, я не знала, да и не хотела знать, но меня упорно тащили. Мы в который раз стали протанцовывать сквозь толпу. Наконец, очутились у маленькой двери, в которую моя команда вошла очень почтительно. Харвардом оказался невысокий еврей, хозяин дискотеки. Он насыпал нам хорошую горку кокаина, и на этом знакомство закончилось.

— Ленок, — пристал Сашка, — тут девочка одна есть, я умираю, она модель. Если ты пойдешь в туалет, она пойдет за тобой. Я видел, как она на тебя смотрела. Пойди, умоляю, возьми телефон, а потом познакомь нас.

— Отстань, никуда я не пойду.

— Ну что тебе, жалко что ли?

— Возьми, да и сам познакомься.

— Со мной не познакомится, я же вижу, она гей.

Тут же рядом очутился еще один стареющий дурак, фотограф, с которым я когда-то сделала несколько проб. Меня к нему, конечно же, послала Лилечка. Снимать он не умел совершенно и занялся этим побочным занятием только ради того, чтобы легче было знакомиться с криветками. Его настоящее занятие состояло в собирании старых автомобилей, и в этом он был виртуоз. Сразу же после первой съемки я наговорила ему гадостей в вежливой форме и дала понять, что со мной у него номер не пройдет. Но тем не менее мы остались в отношениях, когда при встрече говорят ”привет” и даже перекидываются несколькими фразами.

— Послушай, тут есть девочка, вон та, видишь. Она все время смотрит на тебя. — И он мне указал на ту же высокую блондинку, о которой просил и Сашка.

— Почему бы тебе не пойти в туалет, она обязательно пойдет за тобой, а потом ты нас познакомишь.

— Вы что, с ума все посходили? У тебя есть конкурент. — Я показала на Сашку, который стоял и жевал банан (они терпеть не могли друг друга).

— Кто? Этот банана? У меня банан больше. — И он извлек из кармана здоровенный, еще не начатый банан.

— О.К., разбирайтесь со своими бананами сами. — И я пошла в туалет, или, как принято говорить в Нью-Йорке, ледис рум.

То ли мои сорок четыре килограмма при росте метр семьдесят четыре, то ли мой си-

ний атласный комбинезон, который был дико узок, с невероятным количеством молний и от дорогого французского дизайнера, или мое неамериканское лицо, не знаю, но результат был один: в меня влюблялись модели. Я прошла и краем глаза успела заметить, что красивая блондинка прошла за мной. Не оборачиваясь, я вошла в кабинку и ударила металлической задвижкой. Когда я вышла, то около моей кабинки стояло три очень молоденьких леди. Становилось забавно. Блондинки не было. Я пустила воду из умывальника и дала воде с журчанием литься вниз. Меня кто-то осторожно обнял сзади. Я обернулась. Мои глаза встретились с испуганными глазами очень хорошенькой девочки лет семнадцати. Она вся была в черной коже, в цепях и браслетах С.Н.М. — садомазохизм. Я взяла ее за подбородок. Хай! — сказала она. — Хай, бэби! — Она явно была перепугана своей смелостью, и ее руки, лежащие на моих бедрах дрожали.

— Ты очень красивая, — сказала я ей. — Ты тоже — выдохнула она.

Я почувствовала, как кто-то потянул молнии моих задних карманов. В полуобороте я увидела еще одну, смеющуюся шаловливую брюнетку. Становилось совсем весело. Вдруг распахнулась дверь одной из кабин, и из нее вылетела Элизабет. На секунду она растерялась, но в следующий момент бросилась мне на шею, и по ее лицу потекли крупные слезы: — Элена, я так ждала тебя, я искала тебя повсюду, — с искренностью актрисы стала лепетать она. "Мои новые приключения" тем временем отошли от меня с явным сожалением на лицах. Элизабет тащила меня куда-то в угол.

— Ты могла позвонить мне. Мой телефон все тот же.

— Я тебе звонила, но тебя никогда не бывает дома. Я думала, что ты переехала.

— Я никуда не переезжала, и ты это прекрасно знаешь.

— Я встретила как-то Сашу, и он сказал, что ты уехала, — продолжала она беззащитно врать.

— Элизабет, я никуда не уезжала, а не появляешься ты потому, что присвоила себе мой ангорский жакет и такую же кофту. На тряпки мне наплевать, носи на здоровье. Надеюсь, тебе тепло в них. А вот что ты врешь так нахально, это вызывает во мне отвращение и презрение. Извини за высоко поставленный стиль, а теперь я должна идти. Я пыталась вырвать мою руку, но она крепко ухватилась за рукав.

— Элена, нет, это неправда, я тебе принесу твои вещи. Я все время думала о тебе. Я знаю, что ты единственная женщина, которая может доставить мне удовольствие.

Такая самоуверенность меня разозлила.

— Слушай, я уверена, что могу "доставить тебе удовольствие", но в том, что ты не доставишь мне ничего, я уверена еще больше. Прощай!

Она растерялась. — Я тебе позвоню, — неуверенно донеслось мне вслед.

На выходе стояла она, высокая белокурая красавица с грустно-голубыми глазами. Мы понимали друг друга без слов...

Она оказалась из "Алин Форд". Ее звали Дези. Мы вышли. Говорить в туалете не хотелось, снаружи же стоял такой грохот, что приходилось кричать. Она протянула мне заранее приготовленный телефон. Мне она нравилась. И тут я сглупила, я встретила с умоляющими глазами Сашки. Он тут же подлетел, сказал "хай". В следующий момент рядом оказался и эта старая дылда фотограф. Она все поняла, и уголки ее губ презрительно опустились вниз. Она ушла. Исчезла навсегда. Я ей никогда не позвонила.

— Ну что, получили, что хотели?
— Да, — протянул Сашка, — она, конечно, стопроцентный дайк. Ну ничего, Ленок, извини, если помешали.
— Между прочим, уж кто действительно помешал, так это твоя маленькая блядь Элизабет.
— Она здесь?
— Здесь, но теперь, наверное, уйдет после встречи со мной. Она никак не ожидала увидеть меня здесь. Потаскушка, врушка и неблагодарная тварь.
— Элизабет? Это кто? — спросил Майкл.
— О, Джизус Крайст, ты не знаешь Элизабет? В Японии ее всегда гримируют и снимают как Мэрилин Монро. Ты ничего не знаешь, Майкл.
И Дориан стал тянуть шею во все стороны в надежде увидеть Элизабет.
— Надоели вы мне. Впредь устраивайте свои дела сами. Я ухожу танцевать.
И беснующаяся масса поглотила меня на час.

Когда вам грустно, что вы делаете?

Я грущу.

Я иду гулять по городам и странам.

Я меняю знакомых и завожу новых друзей.

Я живу в Париже и почти каждый вечер встречаюсь со своим другом художником.

— Юра, — спрашиваю я своего друга, — знаешь ли ты, кто такой Питер Брук? Он звонит мне постоянно, хочет встретиться. Мой телефон дала ему моя подруга из Нью-Йорка. Хамство давать телефон неизвестным людям.

— Питер Брук? — переспрашивает Юра и лениво почесывается. — Конечно, это известный американский шпион, которого поймали в России, а потом обменяли на русского. Он просидел пять лет в советском концлагере и в Америке написал об этом книгу. А зачем ты это спрашиваешь?

— Я же тебе только что сказала, что он мне постоянно звонит и хочет встретиться. Было Рождество, и я уезжала, как ты знаешь. А потом я была занята, но теперь, если позвонит, я с ним обязательно встречу. Я еще никогда не была знакома с настоящим американским шпионом. Может быть, они хотят меня завербовать? Но у меня же плохая память. Потом, кто же сейчас работает на одну разведку? Минимум на три.
— Давай, как всегда флегматично, сказал Юра, — может, заплатят аванс, тогда пойдем в Клозери де Лила или в ля Куполь. У меня в данный момент десять франков, галерейщик лишнего не платит.

Вечером зашла я к Юрке. Он уныло бродил по своей маленькой мастерской. Немытые тарелки, полотна, краски, кое-как застеленная постель. В бутылке на донышке высматривались виски. Стены затянуты коричневой мешковиной. И от всей этой тоски и бедности выть хочется. Да еще на улице, как полагается, моросит отвратительный дождь.

— Юра, так жить нельзя, пошли куда-нибудь.

— Куда?

— У тебя сколько денег?

— У меня — тридцать, а у тебя?

— У меня тоже тридцать.
— Ты же работаешь, снимаешься, куда деньги-то тратишь?
— Старик, живу не по средствам, покупаю дорогие тряпки и езжу на такси. Между прочим, иногда сама себя приглашаю в ресторан и преподношу себе цветы.
— А... Ну тогда конечно (он зевнул).
— Ну, что делать-то будем? На улице дождь?
— Дождь. Я еще сегодня никуда не выходил, не знаю, как там. Посмотри, сегодня нарисовал...

Юрка рисовал затуманенные, как во сне, двери и окна. Рисовал он их мастерски. От них веяло темными голландцами. Успех был ему обеспечен, но в искусстве, как и на военной службе, все дают за выслугу лет.

— Нравится?
— Очень.
— Нет, серьезно?
— Да.
— А здесь не темновато?
— Ну, если бы осветлил чуть-чуть, было бы лучше.
— Да? Я тоже так думал. Слишком темно, почти ничего не видно.

Мы замолчали.

— Леня заходил, сказал, что в ля Куполе богатые бабы мужиков покупают. Может попробуем.

Я эту мысль поддерживаю, и мы едем в ля Куполь. Мы садимся на террасе и заказываем кофе. Юрочка скучающе оглядывает террасу. Народу мало, а сексуально озабоченных дам не видно вообще.

За окном моросит дождь. Вышагивает хромая проститутка. Проститутка стара и некрасива, как эта погода. Над ней раскрыт старенький китайский зонтик. — Юрка, твой коллега, — шучу я. Юрка хмыкает.

— Тебе понравилось то, что я сейчас делаю?
— Очень.
— Выставка в ноябре. Вишельман гарантирует успех.
— Знаешь, здорово! Так это еще никто никогда не делал. Красиво...

Проститутка теперь больше не маячила. Она встала.

— Юра, я думаю, она молодец, что решила стать проституткой. Бесплатно ее бы никто не выебал, а так она сразу двух зайцев убивает.
— Ты что, на меня что ли намекаешь?

В этот момент на пороге появилась шикарно одетая дама с живым произведением искусства — юношей лет восемнадцати. Дама что-то рассказывала. Юноша улыбался по-майски. Юрка как-то крикнул и сказал, что Леня дурак, если не понимает разницы между тридцатью шестью и восемнадцатью. Мы расплатились за кофе и пошли к выходу. Юрка на ходу заворачивал шарф и слова вокруг шеи: куда же он меня, дурак, позвал? Не видно что ли, я и этот мальчик...

Да, Юрка, мальчик был очень красив и молод. Я еще раз посмотрела на них, теперь уже через окно, им принесли шампанское. Хромая проститутка исчезла.

В герое этом увидел вдруг себя
Вся жизнь, как лето
Для чего ж зима?..

Вы часто отвечаете на телефонные звонки?
Всегда, если не в постели с любимым человеком.
С кем бы вам хотелось познакомиться?
Со шпионом.

Питер Брук звонил каждый вечер, но никакого желания видеть незнакомого человека не было. И вот однажды...

Я лежала в черной ванной и думала, что совсем неплохо ловить на себе взгляд чистых зеркал, совсем неплохо жить и являть собою некий фантазм. Сейчас же из мыльных пузырей и вздулась фраза, которую я приподняла большим пальцем ноги: замашки балетного романтика и рисунок австрийского императора привели его к болезненной чувственности трех текущих свеч в ночном канделябре...

Фантазм сидел в двенадцать часов ночи в саду за столом, под деревом, которое в русской литературе называется размашистым и, кажется, орех. Впрочем, над названием он себе голову долго не ломал, а лишь вкушал эту дачную французскую романтику, где был совершенно один.

Как и полагается фантазму, он был в белом, его ничто не раздражало, за исключением пьяных голосов, доносившихся иногда с соседской дачи. Хорошо ли ему было? Ох, хорошо. Стояла, лежала, сидела или, может, висела душная июльская ночь. Черная бабочка приятно раскрывала большие нешумные глаза и спрашивала, зачем?.. Мотыльки упорно обжигали себе крылья, пробуя обнюхать поплывшие свечи. Зеленобокая саранча проползла по садовому столу и, поняв, что в чужом пиру похмелье, поспешно скрылась в красноглазом будуаре смородины...

Его "нечто", как и "ничто" были прерваны телефонным звонком. Говорить о том, что это был Питер Брук, нет смысла. То ли из хулиганства, то ли вспоминая слова Юрки, но я спросила его на языке диких северных племен, как он поживает. Его ответ оказался горошиной, которая из меткой рогатки восьмилетнего негодяя попала мне в ногу. Он говорил по-русски с акцентом сгнившего персика.

На вопрос, когда я окажу ему честь быть принятым, я ответила, что моя благосклонность распространяется на него с сегодняшнего вечера.

— Тогда я буду сейчас же — и он с расторопностью хозяйки, которая боится обвариться кипятком, поспешно бросил трубку. — Ха, испугался, что я могу передумать или назначить время.

Разочарованию моему не было границ: Питер Брук оказался известным английским режиссером и всего лишь однофамильцем американского шпиона. Когда я поняла, что он не собирается делать из меня Мату Хари, было поздно. Молния блеснула в моей маленькой студии. С громом, градом и дымом неумолимое чудовище хотело в жертву фантазм. — Мария не ошиблась, когда рассказывала о тебе. Наконец-то, наконец я нашел то, что искал...

Ты веришь ли, веришь, что существуют вампиры?

Ты веришь в наслаждение жертвы и мучителя?

Я верила во все, но не могла поверить, что этот маленький, крепкий, коротконогий

садист и есть потомок маркиза де Сада, который напал на меня в моем собственном доме. Его образ никак не вязался с образом высоких, худых, широкоплечих садистов из "Истории О..."...

* * *

Вы шпион? Нет я артист.

Вы артист? Нет я садист.

Вы садист!?

Да.

ПЕСНЯ САДИСТА

Я терзаю кусаю душу дев прозрачных решаю я жизни
Горло нежное я прокушу и не будешь ты больше как прежде...

— Думаю, что вы подлец, больной человек, посмотрите на эти кровавые пятна полосы и пятна, мне больно я умираю, плачет.

Садист: Ты мой фантазм нет ты не понимаешь что значит вдруг невинным телом овладеть, не только изнутри заставить покраснеть, но и снаружи, нежные поля раскрыть...

Не знаю как сказать и с чем сравнить. Так может быть лишь ешь ты персик, но без кожи, кожа портит, а между тем привычка сравнивать портреты, мол "кожа у нее как персик"

Под кожей персика лишь после как очистишь...

Да, вспухшая роза — попка боже мой ты чудо и вспаханные борозды и кровь твоя застыла в синих лужах ты сливовое варенье, я ем тебя и ты мое творенье. Дитя не плачь и не ругайся со временем поймешь, что в боли правда а в приятном ложь. Люби меня и ты себя найдешь как я нашел тебя. Не уходи молю останься сейчас пойдем мы в ресторан потом в кино куда захочешь, про съемки, что то ты бормочешь

Ты умница и вдруг сошла с ума...

Дай поцелую здесь у рта, не бойся же подвинься ближе

Что Лондон?

Да

Но лучше жить в Париже. Идем же в ресторан на шею повяжи платок

Смотри уж верхний потянулся вдруг зубок, Бессмертна ты теперь

Что я? Конечно без стыда злодей? Злодей.

Но боль твою веду я под венец, ты порождение ты музы ты творец.

Предпочту вам старого французского писателя он давно зовет меня с ним обедать так что может быть сегодня вечером я наконец спокойно поем.

* * *

Вы верите в переселение душ?

Да.

Был пост и не было дождя. Земля ждала когда же разговляться.

Я в вас любила детку — новобранца и наслаждалась потом темноты.

Вы так боялись и стеснялись, прекрасным страхом обливались, что ангел снизошел и прошептал, ну вот твоя душа, теперь уж разреши на время удалиться и чернопальцевый возница его поднял на облака.

Однажды на улице, ко мне подошел человек-бродяга. Далеко ли до леса? Далеко. А до Бога? Это смотря кому. Да вот он Бог-то и человек указал пальцем в сторону моста.

Дуэль была назначена на осеннюю среду. Лил дождь, я приехала первой, заранее предупредив секундантов о моем странном намерении побыть перед смертью или ранением одной.

Я приехала ночью и, оставив машину на шоссе, быстро зашагала по направлению только что упавшей звезды. При этом я подумала, что я — павшая звезда и отчего-то вдруг торопливо поцеловала у себя руку как будто в благодарность за то, что я с ней прощаюсь навсегда. Если я выживу, то брошу все к черту, украду козу и поселюсь с ней на горе. Ее молоко сохранит мне жизнь и уж клянусь, что больше никогда не вернусь в город.

О человеке, с которым у меня должна быть дуэль, я не думала, вызвала я его только из-за того, что он снился мне во сне каждую ночь. Чтобы отделаться от навязчивого сна, я и решила его убить. Впрочем, был шанс и быть убитой самой, в любом случае меня это устраивало, так или иначе, но я освобождалась. Постояв и посмотрев по сторонам, я прошла в глубь моей свободы и растянувшись на сырой траве, заснула за долгие годы со спокойной улыбкой без снов.

Будильник-солнце разбудил меня теплым поцелуем в глаза.

По привычке я смахнула рукой и попробовала натянуть на себя не существующее одеяло, но тотчас вспомнив, где я и что со мной произошло, лишь блаженно потянулась и глубоко затянулась свежим воздухом, как когда-то утренней сигаретой.

Ни секундантов, ни врага моего еще не было. Я встала, на туалетном столе вместо спичек сидели птички и пели. Ветерок деревьев — поэма пастушек, и как я могла все эти годы жить в городах и словно утюг питаться их электричеством, их дурацкой цивилизацией, жить среди их раковых, венерических болезней и, зевая, посматривать на природу из окна автомобиля. Не отряхивая хвойные иголки со своей одежды, я шла там, где только ходят деревья, я сидела, там где только сидят ежи и зайцы, я посылала воздушные поцелуи воздуху и раздвигая тоненьким, длинным прутиком траву, пела песню: Когда вы любите, все так легко и просто...

Вдруг! Луг! На лугу стояла доярка одетая жарко, молодая корова — новая обнова. Монологи и диалоги, надутые губы травы и многообещающее подслушивание с моей стороны.

Знаешь, что такое поминки по словам? Спрашивала доярка. Трава отвечала без запинки. Знаю это запонки твоего мужа. А знаешь ли ты, что разница между мужем и любовником, только в том, что с любовником можно говорить муже, а с мужем о любовнике нельзя. Доярка задумалась, отошла в сторону и как бы стала стирать лицо свое в мокрых листьях деревьев. Вернувшись, она села на траву. О корове было

забыто, корову такое невнимание устраивало вполне.

— Гадина, скотина не мни мне кожу ногами и не ходи по моему лицу, перестань есть мои зеленые волосы.

— Она ушла, ответила доярка и в знак благожелательности к траве выпустила половину ее из-под своей юбки.

— Уф, ну и душно же у тебя под юбкой, между ногами и вообще дышать нечем.

Доярка кокетливо поправила косынку и, помахав кому-то красной жесткой ступней, сказала: Кто пишет о прекрасном, тот редко красив.

Трава пожившись от легкого ветра, надулась и произнесла свою фразу:

— Вставала лошадь на дыбы чтоб обойти грибы.

Что такое красота? — Спрашивала доярка и, найдя взглядом далеко ушедшую корову, сама же и ответила. Красота? — Это чистое причесанное чудовище в красивом интерьере.

Вдруг глаза ее встретились с моими, шпионка, прошипела доярка.

Шпионка, подтвердила трава и даже корова не совсем поняв почему, но все же сказала му-у...

Я не шпионка, я банка, пробовала солгать я.

— Если ты банка, отвечала доярка, то в шесть часов я буду доить в тебя молоко и тогда посмотрим какая ты банка.

— Я дырявая банка и лицо мое стало капризно-больным.

Дырявую банку мы выбросим, нам не нужна дырявая банка...

Я было уже пошла, как более ласковый голос тронул меня за ухо.

Странно, пока стояла была чужая, а как стала уходить, родная, да ты кто такая?

Я? Фразер и позер.

Почему ушла? Потому — что когда я писала и вставала из-за стола, то за мной бежали листки бумаги, бежали они не из-за меня, из-за сквозняка, но все же это меня раздражало и вот теперь я убежала, за мной бумага бежала и я убежала потому — что бежала, бежала бумага...

Не бойся сумасшедшая, сказала доярка видишь, как по сумасшедшему повторяет одно и то же слово. На ша, подтвердила трава и подмигнула корове...

Оставьте ее, ей снятся сны с багровым подбородком, промычала корова и прислушалась.

Вдалеке слышались голоса. Доярка ловко сплюнула через зубы и со словами: Нигде жизни нет, ударила корову по спине и пошла туда где бабушкин Макар загонял своих телят.

Секунданты, как и полагается, пытались нас примирить, мой противник был согласен, но я наотрез отказалась. Стали сходитьсь. Он выстрелил в воздух, я тяжело ранила его в грудь. Присутствующий врач объявил, что жить ему осталось пятнадцать минут.

Оставьте нас одних, попросил умирающий враг. Я подошла и села рядом с ним. Знаешь пока я тебя здесь ждала, то увидела лесную сказку и я рассказала ему о доярке,

корове и траве. Он плакал держа меня за руку, не выдержав, я разрыдалась так как будто умирал самый близкий мне человек. Не плачь, не плачь, — успокаивал он меня, — все будет хорошо, лишь бы тебе удалось украсть козу.

Я вернулась в город через четыре дня. Коз я нашла много, но ни одна из них мне не понравилась, вернее, не понравилась настолько, чтобы я смогла сказать, вот это моя коза и ее молоко я буду пить до конца ее или моей жизни. Мой враг больше не снился мне никогда.

Розы в грязи
Грязь на розах
Я никогда не слышала чтобы кто-нибудь сказал, что розы в грязи,
А вот грязный человек или грязная рожа так это часто.

В Нью-Йорке первый вопрос это где вы живете? А второй вопрос чем вы занимаетесь?

Прихожу к поэту лежит на кровати в маленьком дешевом отеле и говорит:

Где ты работаешь?

В мертвом саду

Что ты растишь там?

Мертвым еду

Души оранжевых фруктов медленно дышат на грудь кабаду...

Ты это о Лорке что ли? Да жаль ее, рак груди и одну грудь уже отрезали.

Но он только поморщился, махнул рукой и стал декламировать дальше.

Яблоком зимним пропах потолок

Ландыш душистый в постель уволок

Смех земляники на влажных губах

Друг поцелуем закроет мой страх...

Это тебе наверное Генка Шмаков сказал что ты гомосексуалист, но ты об этом не знаешь, точно, да? Он это всем урожденным мужского пола говорит.

Друг мой морщится еще больше и через голову тянется к бутылке с пивом. Пива хочешь? Хочу. Но теплое, будешь? Теплое? Гадость, ну ладно, уж наливай.

Тогда пойдешь в ванную и вымой себе стакан.

Я иду в ванную и возвращаюсь с чистым стаканом.

Кто такой Генка Шмаков? Ну и фамилия, ох понаехало сюда всяких подонков недоделанных, а ты всеядная со всеми общаешься и дружишь.

Ну почему, не со всеми...

Не со всеми только потому что к сожалению в сутках двадцать четыре часа, а так бы уж со всей гадостью побеседовала.

Ну, что смотришь, пей пиво, а то я выпью...

Были ли вы когда-нибудь знакомы с людьми, у которых следующие имена:

Бонифатий, Евстегней, Иннокентий, Пантелеймон, Сидор, Митрофан, Капитон, Исидор, Софроний, Ферапонт, Эсфирь, Поликарп, Порфирий, Потап?

Нет никогда зато я знаю фамилию Печени и в их почтовом ящике уже два года как лежит деревянная палочка от эскимо.

Я сижу со своим знакомым и ем. Он ест низко по собачьи. Подбородок его блестит от масла. Я стараюсь не смотреть. Пробую быть демократом. Доев, он берет салфетку и жеманно кончиком ее дотрагивается до углов рта, мизинец его оттопырен, масло на подбородке блестит еще ярче. Он улыбается и тянет да-ааа вместе со спичками. Внезапно его осеняет, он смотрит на меня не моргая и с демонической безукоризненностью произносит речь.

Разум должен победить красоту. Разум смеется над глупостью красоты.

Красота смеется над уродством разума. Какое странное сочетание слов.

Мы легко как бы напевая произносим: О эта глупость красоты!

И вдруг сразу что-то гамлетовское: Уродство разума...

Да если хотите, божественный разум побежден глупой красотой.

Я смотрю на него, так как будто вижу впервые. Именно этого эффекта он и добивался...

Иногда кто-то невидимый ясно зовет меня по имени, я откликаюсь, никого нет, ну значит кто-то упоминает мое имя в другой стране, надо же какой у меня хороший слух.

Как некоторых клонит ко сну так меня клонит к самоубийству. Я стою на пустыре с собакой, оглядываюсь вокруг и говорю, что это моя душа. Собака побегав в поиске несуществующего кустика, мочится на чей-то старый, выброшенный матрас. От нечего делать я вздыхаю и думаю, что вот ничего у меня в этой жизни не осталось, кроме самолюбия которое, как сломанная ключица ноет от предчувствия плохой погоды. Пошатавшись по пустырю и не найдя ни денег ни случайно потерянного кольца я ухожу. Собака радостно улыбается и с удовольствием бежит прочь. Наконец-то.

Что такое писатель?

Человек, обрекший себя на вечное одиночество.

Все, что угодно, все что угодно — только не участь писателя.

Нет ничего более жалкого и самоуничтожающего чем писатель.

Понимая что он долго может бегать со своими жалобами то к одному, то к другому, он жалуется всему миру. Страх живет в его душе, беспомощность, страх и неуверенность. От этого он хочет дать по круглым щекам всего мира, исхлестать его, избить как однажды ветки деревьев леса исхлестали его самого, когда рыжая *кабыла* с белым пятном на лбу понесла, понесла и не хватило умения и сил, чтобы остановить ее, так и носились.

”Что сидишь как собака на заборе”? — говорил тренер верховой езды, дядя Петя. Носки-то не тяни вниз, не балерина и удар длинного хлыста приходился по крупу вспотевшей лошади, а так как я-она-были одно целое, то значит, и по моей спине.

От неожиданности вставали на дыбы, за что? От страха мы обе прижимали уши и бешеная скачка, в хаос.

Ты, порождение хаоса, говорил мне тот, чье имя мне не забыть никогда. Я довольна древнегреческому комплименту, в нем заключался источник жизни.

В вашей книге вы часто пишете о собаках и лошадях. Это книга что?.. посвящена собакам и лошадям?

Нет, только собакам.

Иногда я не знаю о чем писать и тогда перебирая клавиши пишущей машинки я говорю Афшк ШФз...

Вы думаете, что женщины решительнее, чем мужчины?

Мужчины считают, что о женщинах писать интереснее всего.

Я тоже придерживаюсь этого мнения, ну что писать о мужчинах, если они питаются женской фантазией и женским телом, входят и выходят из женского живота.

Впрочем, охотники заслуживают внимания и если он под вечер принесет убитую лань, то его можно даже поцеловать.

Что же до женской решительности, то у меня есть подруга, которая написала пьесу. Пьеса интересная, а сексуальный акт в пьесе так просто замечателен, но уввы написала она ее по-французски и если по-французски это звучит эротично, то по-русски — порнографично и вульгарно, хотя именно это-то и возбуждает.

К в вечеру он стал говорить так, не думая так бессмысленно и бесполезно, что я все записала дословно.

Увидя тебя в нежно-розовом животе

Я подумал...

Я сказал вам лежите там где я вас нашел

В вашем нежно-розовом животе

Я яяя....

В нежно-розовом животе

Все концерты и все сонаты ваши

И мы не солдаты

Но все же солдаты и я оккупирую вас в один час

Дайте мне время и вы полюбите меня

Дайте мне время

Вы и я иногда или если хотите часто

Будем в космосе праздновать

Что? Счастье

В нежно-розовом космосе счастье

В нежной музыке счастье

В старинной музыке

В самой прекрасной музыке

Почему?

Потому что вы музыка

Я дотрагиваюсь пальцами до клавишей вашего тела
Мы оба пьяные и я вешаю ваши розовые трусики
На розовый куст
Смотрите роза одела ваши розовые трусики
Я целую розу в ваших кружевных... Ах ароматная ночь
Сталактит спермы слезы спермы как результат планеты
Почему?
Потому что вы моя последняя любовь
И я праздную нашу любовь
Моя белая кровь остается в вас
В тот же час когда я в вас пришел увидел победил...

Вы думаете о смерти?
Только если мимо проезжает покойник.

Меня заводят в рай. Поразила дверь самая простая, открыли, и я увидела раздевалку, вешалки с женскими кофточками и юбками, один мужской пиджак. Я была не одна, со мной был Эд. Эд сразу же открыл другую дверь и скрылся за ней. Я хотела позвать его обратно, но меня удержала женская рука. Куда ты? Я хочу позвать его назад, он там в той комнате. Бесполезно, в той комнате уже никого нет. Ты не сможешь увидеть его. Он исчез. Но разве не возможно его вернуть? Нет. У каждого своя дверь. Если ты откроешь эту дверь, то очутишься совсем в другой комнате, ты будешь открывать дверь за дверью и это будет только твой мир.
Я подняла штору, за окном утро, Италия, Рим...

Эд а Эд?
Что?
Хуй тебе на обед.
Это он мне сам рассказывал, как его в Харькове звали и он всегда отзывался. Впрочем, и сейчас на имя свое откликается и попадаетея все в ту же словесную ловушку.

Сегодня позвонила в библиотеку поговорила с Лосевым, договорилась, что зайду в среду. Приготовь что-нибудь почитать.
Почитать, милая, родителей надо, ответил он.
Когда же я пришла в среду в библиотеку, то пошел разговор о религии, как всегда, все сказали, что Бог для всех один. Лосев поднял мерзавчик с водкой и добавил, Бог для всех один, но в трех лицах, перекрестился и осушил мерзавчик.

Знаете, вы мне первый раз совсем не понравились. Да, а где же вы меня видели? — спрашиваю я молоденького поэта Женю.
В библиотеке, вы собачку били по голове. Я?! Не может этого быть. У меня чудесный гордон-сеттер приравнивается к священным животным. Да и вообще я не только чтобы собак бить, но даже и на людей орать не умею.

Как сеттер? Как черный?

Да нет, беленькая была собачка — карликовый пудель.

Мне один человек показал и сказала, вот это бывшая жена Лимонова, видишь, как бьет собачку.

АВТОБИОГРАФИЯ

Моя машина времени

Забегала вперед

И вот хороводят хоровод

Все болезни старости

Наружу картавой лужей

Вылезли мои пороки

Рок судьбы плевался

Моим будущим

а я сжатая до зародыша

Обливалась потом страха

Орел или решка?

Решетка

Суд

Исправительные работы

Попала под амнистию

Вот оно счастье то

То-то

Дыши свободным воздухом...

В подарок

Подагра

Как вычислит ее из моего организма?

Аргон сажает на свой корабль

Еду за золотым руном

Путаюсь со всеми аргонавтами подряд

В драке выкалывают глаз

Открываю газ

Отравляю всех

Сваливаю на птицу Феникс.

Смех

Смех

До коликов в боку

Кукушка накуковала аппендицит

Цирроз печени

Язву желудка

Анкета поэта

О моей мудрости ходят легенды

Мои нервы-шупальцы спрута

Все поглощают

Умею ходить по воде
Не горю в огне
Немного летаю
Кидали в клетку ко львам
Но они выкинули обратно
Экая абракадабра
У машины времени истерика
Машина времени поломалась
А я осталась девятнадцатилетней девочкой
С личиной мертвого яблочка.

* * *

Мной забеременели в Афганистане в тысяча девятьсот...
Черт всегда путаюсь с цифрами словно я не дочь физика и электроника, но знайте, математика а не что-либо другое было моим слабым местом.
Моя мать пробовала родить меня три дня.
— Если не родишь через десять минут, — сказал доктор, — то все будет кончено.
Я родилась мертвой, но в рубашке.
У нас была дача еще оставленная моим дедом и на даче был луковый луг. Гости из города делали массу комплиментов по этому поводу моей маме.
Мой прадед хотя и был алкоголик, но предводитель московского дворянства.
У меня было две бабки, когда они ругались, то одна (высоченная староверка) называла другую кривоногой полячкой. Тогда кривоногая полячка поднимала юбку чуть выше приличия и говорила, что с этими ногами она с губернатором открывала балы.
Меня же больше интересовали рассказы отца о Сталине и особенно запомнилось кресло в его кабинете, с десятками маленьких ящичков. Огромное кожаное с тысячью ящичков из-под локотников оно мне снилось ночами.
В тысяча девятьсот... опять точно не помню, но по фотографиям у нас была странная елка сплошь увешанная свежее-убитыми фазанами и голубями, жареными цыплятами в серебряной фольге, корзиночками с салатами, пирожками с капустой и с мясом, мандаринами, грушами, бананами, пикой была конечно головка свежего лука, а под елкой лежали два молодых зажаренных поросенка, три бадейки с черной и красной икрой и я голенькая, но веселая.

Счастливое детство дочери заядлого охотника и дочери фабриканта Громова. Это была наша фабрика с тихой грустью сообщила моя сестра, когда мы проходили мимо "Красного треугольника".
С детства страдала бронхиальной астмой. Врачи говорили, что немного коньяку не повредит, чтобы предотвратить приступ. Так, я начала пить. В церкви куда меня приводила бабушка я причащалась *когором* по три раза за что однажды священник похристиански меня пожурил.
Стихи начала писать с семи лет с горя и спьяну, ко всему прочему во время приступов меня всегда кололи какими-то уколами от которых становилось так хорошо, что я раз и навсегда поняла удовольствие можно получить только через страдание.

Обожаю писать о детстве, кисти рук у меня до сих пор остались, как у ребенка. При-знаю я инфантильна, злодейски сентиментальна и люблю часами лежать в ванной.

Авантюрна ли я? Да!

Романтична ли я?

Думаю, что я последний романтик нашего времени.

Есть ли у меня душа?

Критик Лимонов сказал, что души у меня нет, как впрочем нет и сердца.

Я разрыдалась и пошла к врачу. Врач подтвердил, что у меня нет души и сердца. Вы-писал таблетки, попросил зайти через неделю. Через неделю выяснилось, что у меня также нет печени, почек, есть одно легкое, но в таком состоянии, что лучше и его удалить. Анализ крови ничего не показал, так как ее у меня тоже не оказалось. За-то нашлось какое-то яйцо. После всего я выписала чек на шестьсот долларов, зная наверняка, что денег на моем банковском счету нет.

Есть ли в моих стихах пошлость?

Немного пошлости в русских стихах необходимо.

Я люблю слово декадент. Революция тоже ничего, но в ней всегда выигрывают мер-завцы.

Я не плагиатор, не авиатор, не гладиатор. Я жила в Москве, потом в Нью-Йорке, в Париже, теперь я живу в Риме. Я говорю на шести языках: на языке кошек, на язы-ке коз, на языке мух, на языке паети, на языке сумасшедших и на английском языке.

У меня есть сестра с пышной грудью, питон Алеша, игуана Таня и крокодил Эдик.

У меня также есть личный убийца готовый убить меня в любую минуту.

Личная зубная щетка и личная столовая салфетка с инициалами Е.С.

Я рассеянна, люблю нюхать воздух. Мой любимый актер Елена Шапова де Карли.

И тут же цирковой марш!

Бам Бам-Бам-Ба... и я лечу над миллионами зрителей. Я никого не расстреливаю, никого не убиваю, никого не осуждаю. Я просто летаю и смотрю.

Смотрю как мой папа расплачивается по счету в полуоткрытом ресторане в городе Анапа во время землетрясения. Я вижу как слоновое копыто колонны медленно поползло в мою сторону.

Я вижу папину руку, которая удивительно просто, как бы отодвигает колонну на-зад, я слышу истеричные вопли женщин и детей и я вижу глаза официанта. Нельзя понять, что больше пересиливает ужас или изумление. Его рука с подсвечником и по-лусгоревшей свечей дрожит, он хочет бежать, но мой отец хочет заплатить по счету. Анапенский официант может быть был солдатом, а мой отец полковником. Я огля-дываю пустынное помещение ресторана, я вижу вздрагивающие столы и непанику-ющую дорожку лунного света. Мне четырнадцать лет, я выпила слишком много вина и мне хочется спать.

Сто лет спустя я доказала, что жизнь на марсе существует.

Я слетала туда обратно, выпила лунной воды и стала светиться изнутри.

Я жила в Москве и писала стихи, как странно все это звучит о самой себе будто я умерла. У меня были друзья с которыми я совсем не переписываюсь. У меня были мама и папа иногда я слышу их странные голоса.

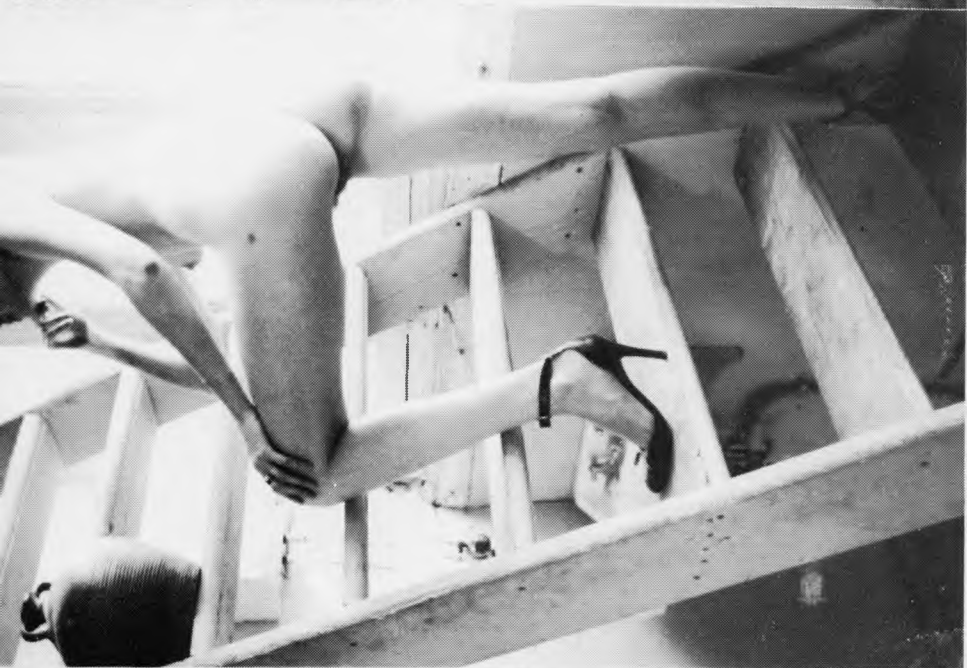
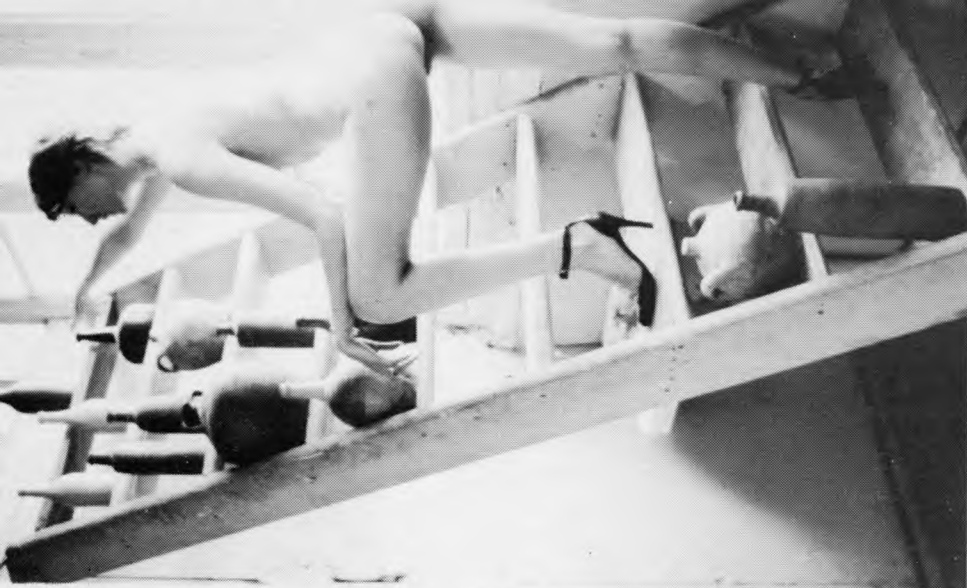

Перед самым моим отъездом у меня появился крестный сын Кирил. Когда после крещения мы его вынесли из церкви, то вдруг подлетел голубь и сел на голову крестного отца (он в это время держал на руках Кирила). Все согласилось, что это знамение. А когда в церкви я спросила мать моей подруги отчего ее внук так плачет То она ответила: — Да как же не плакать милая за грехи родителей и плачет. Посмотри, кто отец-то! Жид! А мать?! Она махнула рукой и пальцами нарисовала себе усы из слез.

Иногда по ночам я гоняю призраков своего прошлого и все они говорят одно и то же. — А помнишь? А помнишь?...

”Прощай немытая Россия”. Я ничего не хочу помнить прощайте, прощайте!

По приезде в Нью-Йорк я узнала что у нас в Америке было тридцать восемь президентов.

Безотносительно к истории я сделала секс ченч. То есть я превратилась в привлекательного мальчика одетого в женское платье.

Пока мой бывший муж писал серьезные статьи в ”Новое русское слово” я пробовала устроить наспех состряпанную, сексуальную революцию. Но это всегда заканчивалось провалом, так как в любой революции находился провокатор, а времени на его уничтожение не было.

Наконец я сняла огромную студию внутри ”Статуи свободы”.

Мне никто не мешал жить кроме иногда подъезжающего на длинной пироге Эдуарда Лимонова, с неграми, пуэрториканцами, лозунгами и плакатами: ”Мир и дружба между высоко развитыми и слабо развитыми народами”.

”Гомосексуалисты всех стран соединяйтесь!

Елена Щапова враг любого народа”!

Я отстреливалась голубями, пайперсами и наконец пускаю в ход тяжелое оружие свои фотографии враг отступает.

Помню в Нью-Йорке на парти ко мне подошел Эдик Гуд и спросил:

— А вы Лена могли бы поцеловать таракана? Я честно ответила, что не смогла бы. — Вот видите вы недостаточно свободны.

— А я вам нравлюсь, как мужчина?

Это был удар ниже пояса, я задохнулась и спугнув рукой легкое головокружение ответила: Эдик вы очень хороший человек!

Однажды случилось несчастье. Я увидела, что одна из знакомых девиц переделала себе лицо. Ну переделала и переделала в Нью-Йорке все переделывают себе носы и зубы. Но она так переделала, что стала похожа на меня, как сиамский близнец. Ну ладно одна, но через несколько месяцев появилась вторая, третья, четвертая, пятая...

Что бы вы сделали в моем положении?

Оригинал по праву принадлежит мне, поэтому остальные копии должны быть уничтожены. Дорогие мои я убила их всех.

Знаете ли вы, что усы мертвого гепарда это смертельный яд. Вы кладете одну десятую уса на стакан вина (из сексуальных рецептов тети Рафальского). И мерзкий подражатель умирает от разрыва печени.

Одну из них я пригласила совершить путешествие по Амазонке. В последний момент я себя плохо почувствовала и пообещала приехать через несколько дней.

Там ее уже ждали мои люди-каннибалы. На Рождество я получила открытку с пожеланиями и благодарностями от самого вождя!

Третья умерла от укуса Вампира. Это жестоко. "Лучше быть съеденным чем выпитым" (Виктор Гюго).

Четвертая попала под автомобиль. Очень глупая смерть.

Пятую зарезал мой муж думая, что это я.

Часто я совершала поездки в Париж и работала там как модель. Сколько бы денег я ни зарабатывала, мне все равно никогда не хватало. По всему Парижу была распродажа весенних туалетов.

Я дала объявление в газету: "Весенний сейл" "Шпионские сведения по сходной цене". На объявление сразу же отозвался английский режиссер-садист. Я ему сообщила, что Моцарт был копрофаг, Гоголь — некрофил, Сталин — параноик, Ленин — большевик, настоящая фамилия Чайковского была Прыгин. Мазох — садист. Маркиз де Сад — мазохист. Испорченный, чудесный ребенок! Я буду тебя обожать! и он впился зубами в мою шею.

Вообще писать автобиографию очень скучно особенно когда за окном холодно и идет дождь. Я живу в провинциальном городе Риме и мой муж итальянец. Я уже не раз разговаривала с папой Римским, но ничего утешительного он мне не сказал. У меня есть друзья хвостатый мальчик, профессор древнегреческого языка, пачка сигарет и коньяк. Я больше не пишу стихов о смерти, последнее, которое я написала вчера, начиналось так:

Мне было интересно посмотреть,

Как далеко заходит слово смерть

И я спросила старого жильца

Что был рожден под знаменем стрельца...

Начали за здоровье а кончили за упокой, — перебил меня хвостатый мальчик. — Да определенно многого не хватает, хаос, хаос, как всегда, — подтвердил профессор древнегреческого языка.

— Разве это биография вот у Сократа была биография.

Я соглашалась медленно потягивая свой коньяк и легко затягивалась кокетливой сигаретой из просто черного мундштука.

* * *

Неизвестное совершенно не пугает меня, я страшусь только дряхлой больной старости. Ужасно представить себя в каком-нибудь доме для престарелых или у себя дома, где племянники думают, только о том кому достанется мой дом или мои драгоцен-

ности. Посовещавшись они решили оставить мне вставную челюсть, а часы которые у меня на руке и браслет с моим именем снять. Зачем мертвому часы, если он отошел в безвременность? Мое имя? Там оно будет не нужно, а здесь и так все кому надо знают. Непременно нужно умереть молодым, а все добро завещать нищим поэтам. Так думала я поглядывая на часы.

Ходя по улицам Нью-Йорка я не боялась, мне было совершенно все равно убьют меня или нет. Наверное это было настолько явно что на меня никто никогда не нападал. Встречались иногда смельчаки, которые вдруг пробовали задираться и в знак проверки с вызовом предлагали мне раскурить с ними джойнт. К их изумлению я никогда не отказывалась и потянув пару раз всегда прощалась очень вежливо и внимательно к их персоне. Расставались мы как правило со словами *take care*. Полпервого ночью может случиться всякое...

В эти дни за мной тянулась долгая, лакированная зима, местами лак стал тускнеть и на его месте возникали темные, холодные пятна, покрывавшие до изнеможения тонкой ледяной коркой внутренности длинного, худого тела.

Далекий голос старого родственника из книги пытался заглушить ветер холодных пустых улиц и напоминал об английском жарком камине, о стакане бренди и даже жасмине доставленном вчера. Колючий, мокрый снег, несущийся от океана повизгивал и завывал над всей этой книжной, домашней чушью, бросался в плотно сжатое, накрашенное лицо все больше и больше походившее на стену.

Чтобы отвлечь себя, я стала считать таких же несчастных, которые попадались мне на пути. Их оказалось девять, потом одиннадцать и наконец вообще ни одного.

Длинная, белая машина с ленивой небрежностью тянулась за мной. Она останавливалась давала задний ход, рука в черной толстой перчатке распахивала дверь и все это беззвучно с тупым судейским законом, справедливостью и порядком канцелярского стола установленным на этой земле.

Я же шла засунув руки в карманы и про себя была уверена, что вот в правом, спокойно лежит маленький *вольтер* и бояться мне нечего, только нужно идти с таким видом, чтобы незнакомец понял что у меня в кармане *вольтер*.

Наверное он понял, так как постояв еще с минуту, нажал на газ и исчез, оставив жаркий пот выступивший у меня на лбу.

* * *

Что такое любовь?

Любовь это ящерица, поймав ее, только хвост останется в твоей руке. Настоящие охотники на ящериц это знают — поймав ящерицу, они отпускают ее через довольно короткое время; и правда на кой черт жителю города нужна маленькая ящерица, а?

Надев на себя шляпу, раннее нью-йоркское утро и приподнятое настроение, я иду к моему другу и фотографу Биллу на съемку. Ему заказали отснять шубы, Билл доволен: по телефону он мне признался, что с ужасом думал, чем будет платить месячную ренту — и вдруг такой подарок. Пожалуйста, не опоздай, дело неотложное, не подводи, приди вовремя...

Я вышла на улицу и поразилась весеннему утреннему городу. Обычно природа мало затрагивает мои сентиментальные чувства, меня всегда интересовали и интересуют только люди, но сегодня погода приготовила мне сюрприз. Поразила непривычная тишина, чистота, но самое удивительное было в том, что на улице не было ни души. Странно, очень странно, думала я, время должно быть восемь часов утра и — ни души. Впервые город был один, таким красивым и свежим я его не видела никогда. Теперь всегда буду вставать в это время, и даже если не будет работы, то просто буду гулять. Постояв с минуту около Плаза-отель и с удовольствием посмотрев на поливальную машину, я потянулась и, перевесив сумку с одного плеча на другое, поблагодарила провидение, что живу в самом красивом районе мира, и что, благодаря Биллу, встала так рано, да еще за весь этот восторг жизни я получу замечательный беленький чек с не менее очаровательной суммой.

Билл жил в даунтауне. Ходить по улицам Манхетана очень удобно — авеню пересекаются с легкостью, никаких названий улиц — только номера, просто до идиотизма.

Я не вхожу, я почти вбегаю в подъезд Билла, поднимаюсь на один этаж вверх и в сотый раз смотрю на фотографию Энди Уорхола, которая на двери, и легко дотрагиваюсь до кнопки звонка.

Билл — друг Энди Уорхола и очень этим горд, его разговор начинается Энди Уорхолом и заканчивается им же. Совершенно не важно, о чем вы стали говорить с Биллом, но можете быть уверены, что имя Энди так или иначе будет в разговоре присутствовать. Из рта Энди вытягивается пузырь, в котором голубая надпись: "Я — здесь. Билл Макензи". Неужели я опоздала, почему Билл не открывает так долго дверь? В конце концов, даже если и опоздала, то мог бы позвонить и сказать, что уходит. Все же надежда на то, что он дома, не покидает меня — поэтому я продолжаю стоять, и теперь уже не спускаю пальца со звонка... Молчание и тишина; я мнусь у двери и не знаю, что мне делать. День, начавшийся так восторженно, насмеялся над моим оптимизмом, альтруизмом и вообще над всем измом, какой когда-либо существовал.

Поняв, что дверь мне никто не откроет и Билла нет, сколько бы я ни звонила, я стала уходить, как неожиданно, с обратной стороны железного занавеса, я слышу осторожные шаги и глухой голос спрашивает: — Кто там?

Билли, да ты с ума сошел — это я. За дверью думающее молчание.

— Элена?

Вопрос задан с подозрительной интонацией.

— Ну да, Билли, да что с тобой — открой дверь. — Подожди минутку, мне нужно на себя что-нибудь одеть. — И я опять слышу удаляющиеся шаги. Ну и работнички: конечно, если он так будет спать, то ренту будет платить нечем. То ли дело я: назначено в восемь — прихожу с пунктуальностью королей. Наконец, дверь открывается и на пороге стоит еще не совсем проснувшийся, взлохмаченный Билли. — Элена, сколько сейчас времени? — Ты спрашиваешь меня о времени? Да уже девятый час, а ты все дрыхнешь — сейчас придет заказчик и парикмахер, давай быстро прими душ и одевайся. — Билли смотрит недоуменно на часы. На них полшестого утра. Он подносит руку с часами к уху и прислушивается. Неужели отстают? — Да какое полшестого утра — выбрось свои часы на помойку, так мы с тобой много поработаем. — Ты уверена? — Я? На сто процентов. — Мы проходим в студию и Билли, извиняясь, набирает номер телефона, где ему отточенным голосом диктуют время.

Широкая улыбка ползет по его мальчишеской физиономии. — Элена, сейчас полшестого утра, выбрось свои часы на помойку. — Теперь уже я смотрю на него с бараньей любезностью. — Не может быть? Серьезно? Хм, ну, значит, я ошиблась — у меня часов нет вообще, я обычно назначаю себе время в голове, по-видимому, мои часы сегодня очень спешат. — Билли хохочет. — Знаешь, когда я последний раз видел Энди, то он сказал...

Съемка прошла легко и быстро, на ланч — я, как всегда, заказала сэндвич с креветочным салатом и американский кофе.

Парикмахер менял мне прически в зависимости от шубы.

Билли при каждом моем повороте говорил "фантастик". Клиент, довольный такой быстрой профессиональной работой, справлялся, не хотим ли мы еще чего-нибудь съесть или выпить? Ни есть, ни пить мы не хотели, но все же иногда гоняли его за кофе в соседний бар, скорее больше для того, чтобы отделаться отсутствием от его присутствия, так как почти нетронутые пластиковые стаканы с холодным кофе стояли повсюду.

Съемка закончилась. Клиент оставил Билли чек и ушел, погрузив все шубы в машину. Рабочий день кончился в два часа дня. Возвращаться домой не хотелось, поэтому я позвонила своему другу-художнику, который жил в Сохо и спросила его, как насчет того, чтобы пойти в "Шекспир" и чего-нибудь выпить?

Он согласился быстро, хотя что-то и было сказано о начатой работе. Поцеловав Билла где-то в районе уха и поблагодарив за шестьсот долларов, я весело помчалась в сабвей...

Выйдя на Спринг стрит, я уже не удивлялась, что не вижу людей на улице. Спринг стрит принимала туристов только в субботу и воскресенье, местные же жители, как правило, сидели в своих мастерских или "Спринг стрит бар".

Где-то на половине улицы я вдруг различила шаги человека, шедшего сзади. Я оглянулась, это был невысокий пуэрториканец, который при моем обороте посмотрел скорее через меня, чем на меня, но не обогнал, а все так же методично следовал сзади. Я остановилась у двери и, найдя имя Хесли, нажала на щиток. Дверь открылась, и огромный лифт стал медленно спускаться вниз. Молоденький пуэрториканец зашел со мной и так же стал дожидаться тяжелого лифта. В момент, когда я положила свою руку на круглую ручку двери, он вдруг загородил мне проход и, задохнувшись, начал стал что-то лепетать о пятидесяти долларах. В моей сумке лежал жетон на сабвей и чек, выданный Биллом. Я четко увидела свое тело, пронзенное пуэрториканским ножом и никому не нужный слишком долго замороженный труп в ожидании каких-нибудь дальних родственников в нью-йоркском крематории. Оттолкнув его, мне удалось влететь в лифт, но чтобы закрыть железную решетку и дверь — нет... такая фортуна может быть только в фильмах Джеймс Бонда.

Бледный, трясущийся, как принято писать в газетах, с глазами маньяка грабитель встал напротив меня и опять заговорил о пятидесяти долларах.

— У меня нет, нет пятидесяти долларов — ответила я и в знак доказательства стала открывать сумку.

— Но, но, пятьдесят долларов я дам — тебе, я хочу тебя, я очень хочу сейчас, сейчас со мной нет, но мы пойдем ко мне и я тебе дам *ни за что*, дам так, ты только возьми

мой (он дотронулся рукой ниже живота), только дотронься своей рукой, дотронься — слышишь? Ну?

Я была парализована страхом, я даже не могла крикнуть — ужас задвинул меня в угол лифта и превратил в дерево. Он что-то продолжал говорить, о чем-то молить, и в этом наборе слов я разбирала только одно, что такой красивой он никогда не видел и что он меня хочет. Не дождавшись от меня ничего, кроме, как — пустите, как вы смеете, я русский поэт, убирайтесь вон...

Он вынул свой кок, прик — дайте еще пять русских и английских синонимов — и, глядя на меня уже совсем мутными безумными глазами, стал мастурбировать. На это у него ушло секунд шесть, он кончил, залил весь лифт белой липкой жидкостью, и, не говоря ни слова, выскочил вон.

Я поднялась на четвертый этаж — у лифта явно была одышка; За его медленную ползучесть хотелось ударить его ногой.

Сердце все еще билось ужасно, в голове с шумом скакала одна и та же мысль, моя жизнь — вне опасности. Как говорят, я отделалась легким испугом. Непростительная глупость произошла со мной, но в общем-то, по сравнению с тем, что я ожидала — это лишь эпизод мерзости и страха.

Мой друг стоял у открытой двери и сексуально усмехался.

Тут уж я не выдержала и попробовала разрыдаться — в какой-то степени мне это даже удалось. Я сбивчиво стала рассказывать, что со мной только что произошло, он бросился вниз, но, конечно, никого не нашел. Как знак доказательства того, что я не вру, было высохшее мутное пятно на полу лифта...

Идти в "Шекспир" у меня не было сил...

Лежа на голубых простынях и смотря то на потолок, то в окна, через которые были видны другие окна чей-то брошенной старой фабрики, я все еще пыталась вспомнить об обиде и бесчестии, нанесенными мне, но в глубине души я смеялась над собой, вспоминая весь мой глупый лепет в лифте, и даже подергивала себя за несуществующий ус, злясь на то, что пуэрториканец не заплатил.

**ПОЗМА В БЕЛОМ
ПЛАТЬЕ**

Поэма в белом платье переведена на все языки мира

APPENDIX:

ЭДУАРД ЛИМОНОВ

Елене от ее бывшего мужа и неизменного друга.

Зеленые лужайки и квадраты Рима
Судьба моя неповторима
Ты помнишь мы ходили виллы посещали
На лавочках сидели и молчали
Я помню тень. Передвиженье тени
Хотелось стать пред Вами на колени
Мы там молчали русские ударенные
Глаза твои большие и распаренные
Ты плакала — я прутиком чертил
Из нас двоих лишь я тебя любил
Заботился. Существовал с тобою вместе
В Италии мы были так на месте
(Ленивых облаков романская красивость
И даже в пальмах-пиниях игривость) .
Лимонов шел в пол-оборота в профиль-полу
И солнце освещало щеку голу.
Его Елена нынче неверна
Как Боже легкомысленна она!
Все шляпки грудки
Все мельканье ручек. ног. гребенки...
Шальная как все младшие ребенки
Безумная как все Наташи. Тани!
Вы взрослая. Но что у вас в кармане?
Не гвоздь ли. Не орехи ли. Не спички?
Ох у нее опасные привычки!
Не доведут затеи до добра
Она меня оставила. Вчера.

Эти пары ликующих дней!
Эти звонкого солнца угрозы!
Я люблю не машины — коней
По старинке люблю еще розы!

Молодой человек с козырьком
С отлетающей тенью лопаты
Мы стояли с тобою вдвоем
Там на фото. И мы виноваты

Жизни бешенный вьющийся дым
Мало пили. Некрепко вдыхали
Хорошо умереть молодым
Чтобы женщины плакать бы стали

Хорошо чтоб меня застрелил
Полицейский у края ограды
И апрель понимаете был
Или май — понимаете гады!

За что скажи далось нам это
Тоска и голод по утрам
Судьба российского поэта
Разрубленная пополам

Как будто я их ниже ростом
Как будто хуже и глупей
О качества мои — короста
И ты — любовь души моей!

Любила ли ты да — поэта?
Иль пустая чепуха
И пыль и крошка — горсть песка?

Любила ли ты да — меня?
На родине его любила?
Над ним смеялась и дразнила
Кусок травы ногою моя

Перед сосною в доме бабок
Да было ль то. А было ль это?
Томился я с тобою робок
В то незапамятное лето

Воняет солнцем и картошкой
Листвой от зноя поределой
Я был крестьянскою гаврошкой
Мальчишкой. А ты леди белой...

Мне поддержку утром дать готов
Так любивший бабу Гумилев

От него Ахматова ушла
И моя Елена так же зла

В муках проявляется порой
Национальный подлинный герой.

Вся в винных пятнах скатерть
И щами пахнет ветер
И я как старый патер
Живу теперь на свете

Как страшно одиноко!
Разъехались все дети
Печально. Неглубоко.
Живу теперь на свете

Вы сочинили мне беду
В том сквернопамятном году
Беду приставили как бритву
Вы к горлу певшему молитву
И я всегда Вас обожавший
Был потрясенный смятый павший
На мои тонкие колени
Молился я Великой Лене

А Вы — беспутная чужая
Неумная но дорогая
Ребенок. Кукла из фарфора
Безумная богиня Флора
Париж! Духи! Кафе-шантан
Шикарный шлейф был даме дан...

Мадам ушла. Она сбежала
Лимонова с дерьмом смешала
И с миром певшим колесом
Ну хорошо. А мы живем!

.
Как в просторечьи говорится
"Безумно он ее любил"
Горят дворцы и пели птицы
И под окошком зверь ходил

Я наблюдал ее все ночи
Я глаз ее не отпускал
Дурак-француз за бары-скачи
Мою голубушку держал

Я думал умные. большие
За мной мужчины. Ну дала
А оказались половые
Весьма несложные дела

Вы с мордочкой как на параде
Уже стареющая с рук
Вы — злая спереди и сзади
Бросая под ноги подруг

С пустым нелепым чемоданом
В Милан летели налегке
А я остался атаманом
Пусть чуть не умер вдалеке

Я претворю мои заветы
А дни Еленушка — чирик!
Шумит вода зловещей Леты
Здесь девочек не слышен крик

Ваш любовник! Боже мой — кошмар!
Да с ума сошли Вы что ли?
Ну любовник! Он же рыж и стар
Глупый. Может с ним Вы поневоле?

Дерганный нелепый шут
И за эти скверные объятья
Эдичку Лимонова ведут
На такие муки и распятья

Женщина! Вы видимо с ума!
Бедная ползучая Елена

Неужели ты к нему сама
Вот взяла и села на колена?

Пахнет жуткой тихой медициной
Это лето что идет навстречу
Я набью себя песком и глиной
Или я Елену изувечу

Не дает покоя по утрам
Мне золотокудрая мадам
Как ужасно! Не дает покоя
Ведьма! Сука! Что ж это такое!

Леночка! Ведь были Вы поэт
Русского огромного размера
А теперь блатная Вы гетера
Уж преклонных извините лет

Я люблю стареющие ручки ваши
Образумить Вас я не пытаюсь
Я люблю Вас даже задыхаюсь
(Вы простите мне ту ночь у Саши)

Знаю я одно на этом свете
Где теперь все просто и легко
Любят только я — да еще дети
И над нами небо глубоко

Люди. Деньги. Числа. Рестораны.
И размеры секса и места
Все только мираж в луче Урана
Но планета желтая пуста

В этой жизни только и осталось
Жест красивый. Рана на груди
Расползающейся крови алость
И смешная слава впереди

В смерть войдут народные дружины
Так невероятно молодых
Где-нибудь в районе Каролины
Или в Иллинойсе. Где-то в них

А другие если не герои
Проходите что же — стороной
Я не знаю — Что Вы есть такое
Я увы — герой

Солнце. Страшные его квадраты
И его глубокие места
Я не знаю чем Вы виноваты
Где планета желтая пуста

Как легко и как нетерпеливо
Умереть на свете за народ
И встречает в том миру олива
Потрясенный недозревший плод

Я люблю гадательные звуки
В древне-римских золотых лесах
И авгуров скрещенные руки
И ножей молитвенных размах

Кажутся пурпурными знамена
В Централ-Парке ноги богачей
Сожжены. Так будет непреклонно
А квартира в дебрях Лексингтона
О еще Вы вспомните о ней!

Блатная моя красавица
Больное твое лицо
В любом мне часу понравится
Как было в краю отцов

Пусть вы ничего не заметили
Живя со мною вдвоем
Считаясь женой моей третьейю
Поэтом еще притом...

Однако стихий союзница
Я признаю теперь
Вы были красивая узница
А я — негодяй и зверь

Я вам не давал развития
Вам яхты не покупал
Работал в чаду наития
Дурные статьи писал

Я Вас не водил в китайские
Чтоб есть плавники акул
Местечки все эти райские
Я за руку Вас не тянул

Я утром давал два доллара
Чтоб были бы Вы модель
Писал вам записки голые
Стелил вам всегда постель

Являясь с работы вечером
Вас дома не заставлял
"Снимается! Делать нечего!"
Садился за стол. Вздыхал.

Но только все это внешнее
Я был убежден без слов
Жена у меня не здешняя
И родственница Богов.

Моя дорогая девочка
С испорченной стопой
Ушла от меня как белочка
Теперь не прошу "Постой"!

Гуляй со стихией с хаосом
Води с ними дружбу води
И рыжих французов с фаллосом
К малюсенькой жми груди

Но только все это внешнее
Себе ты самой не верь
Моя ты всегда нездешняя
Ведь я негодяй и зверь...

Лена ты Елена — офицерская дочь
Что ты натворила — мне устроила ночь!

Лена ты Елена — за какие грехи
Богу изменила и убила стихи

Помнишь совершался в храме брачный обряд
Целовать иконы нам обоим велят
Мы их и целуем горячо и в лицо
Богу изменила. Потеряла кольцо.

Думаю что дьявол это нами играл
Свечка догорела. Шумно занавес пал
Тени наши вечно в этой церкви стоят
Сладко-бесконечно происходит обряд

Все концы у мира к Вам под юбку сошлись
Жарко да и сыро выделяется слизь

Что же вместо Бога этой дырочки жуть
Если ее трогать нажимая чуть-чуть?
Лена ты Елена в красной шляпке своей
Сладкая сирена для проезжих людей

.....
Эдичка убитый на траве возлежит
Красная рубашка безобразно дрожит
Плачет и не плачет и в восторг приведен
Лена ты Елена — азиатский мой сон

Девочка другая нас не сможет развлечь
Эту лишь желаю. Пусть хоть голову с плеч
Ленку! Дайте Ленку! Самой страшной ценой
Вот что заявляет национальный герой

За раскрытой Господом страницей
Как всегда не уследишь
Если бы была ты просто птицей
То посадишь в клетку и глядишь

Знал же я — ты не простая птица
Золотого тонкого пера
Надо было Господу молиться
За сегодня завтра и вчера

Надо было лоб разбить колени
Надо было к дьяволу идти

Чтобы кожу на моей Елене
Гладить трогать видеть и блюсти

За раскрытой Господом страницей
Как всегда не уследишь
Ох была ты белой тонколицей
Или ты Лимонов все же спишь?

Мы уплываем в блаженный край
Блаженный край называется "Рай"
Там тучные нивы. смешные стада
И только счастливым есть доступ туда

Мы уплываем сквозь желтый снег
Мы поселяемся там навек
Но жалкой улыбкой через два дня
Растерянный друг мой ты даришь меня

И мы вспоминаем сквозь праздную вечность
Былые страдания. былую беспечность
Часть бедного мира на бедной земле
Бывало что лира лежит на столе

Бывало играешь бывало поешь
И правды не знаешь и ложью живешь
Но мы уплываем в блаженный край
И это есть благо. Запомни и знай.

Я крикну радостное "Лена"!
Она мне кинется в объятия
И плакали мы постепенно
И я кусал кусочек платья

И было нежно и безумно
Так как росли сады в апреле
Молниеносно и бесшумно
Но вовсе безо всякой цели

.....
Теперь о подоконник утром
Тоскливо бьет нью-йоркский дождь

Я просыпаюсь рано — смутно
На полумертвеца похож

В аллею рук ее не вхож
Я бледный шут из старой сказки
Она косматых тыщу рож
Рукою гладит без опаски

Она себя им отдает
И потому что те косматы
Звериный требует народ
Моей души — бесценной платы

Я крикну “Лена — я же тот!”
Она мне кинется в объятья
Брось печальный идиот
Ты не кусал кусочек платья

Собственно я конечно не знаю
Может она или не может
Судьба эта может или не может
Меня схватить за белые руки
И повести в тонкосложные муки

Я-то конечно имею цели
Только помешан на этом теле
На этой ватке на слабой грудке
Цели мои откровенно гадки
Мысли мои откровенно жутки

И сочиняя тебя из влаги
И покрывая тобой бумаги
Я-то конечно и верно знаю
Что и кого я в тебе открываю
Ты есть мохнатый и острый дьявол
Только что спим под одним одеялом

Кажется город американский
Ветер и дождь. Океан гигантский
Рядом лежит укрупненно влажный

Только она не рассказ бумажный
Страшная явь на моей подушке
Бледного дьявола бледны ушки

Дьявол скитается вечерами
Пудрой покрыт. Облечен чулками
Шерстку скрывают тонкие ткани
В мире мужчин собирает дани
Но после полуночи входит дьявол
И заползает под одеяло.

APPENDIX:

Когда самые глубокие мысли приходят к вам?

В сортире. Я иду в сортир и запираюсь там часа на два.

Мне двенадцать лет и сортир мой храм познаний, я вхожу в него с тетрадками и с учебниками. Только в нем я могу разрешиться математическими проблемами, только в нем я могу решать алгебраические формулы и выучить весь учебник по истории и только в нем психологические опыты *Мишеля Мантенья* по настоящему усваиваются и перевариваются не только в моей голове, но и в моем желудке. Если вы спросите меня, кто ваш идеал? То я не задумываясь отвечу сортир. Я никогда не бегу в сортир я вхожу в него медленно с достоинством и уважением к его белой, чистой персоне. О сортирах не принято писать поэм, точно так же как и о говне. В этом отношении человек — ханжа, а ведь именно там приходят к нам самые глубокие, самые чистые мысли. Их анальные отношения, их либидо происходят там. Вот отчего многие люди имеют в сортирах книги. Редко найдешь там книги по искусству, но книги по эротике, философии, новеллы, поэзия, рассказы и *приключеньческие* романы всегда имеют там почетное место. Иногда у человека совершенно нет времени, чтобы прочитать ту или другую книгу. В сортире же всегда найдется минутка на то, чтобы прочитать две или три страницы самого скучного, но модного автора. Отчего же культура и говно так неразрывно связаны между собой? Да от того, что культура, как говно, которое позади тебя упадет, выйдет, предварительно впитавшись перед этим в твой организм, переварится и освободит место для новой пищи и для нового удивительно приятного и желательного процесса. Сортир — это настоящий продукт реализма и фантазии. Это привилегированное онанистическое место. Это блаженный оргазм, который получают люди два или три раза в день. Минутные понятия свободы и счастья происходят именно здесь.

Говно — это процесс пищеварения. Так, например, мы принимаем пищу, от которой нам нужно избавиться, точно так же, как пища, которая, получив достаточный оргазм, хочет освободиться.

Получив удовольствие друг от друга, нам необходимо побыть в своем первоначальном состоянии. Состояние это может быть сравнимо только с женским сексуальным оргазмом, который получил достаточный оргазм и хочет освободиться от уже мешающего *фалуса*. Начинается процесс боли. Влагалище становится распухшим садомазохистский процесс вступает в свои права.

Что такое говно? Это природа. Навоз, *эксскрименты*, поддерживает и питает то, чем мы питаемся сами. Образы говна во всем, весь шоколад — это символ говна. Эклер — говно. Кофе — говно. Какао — говно. Не говоря уже о человеческой расе, которая называется негр. Каждый день миллиарды, тонны людей смотрят, как они по-срали, ни один из них не выходит, чтобы подсознательно не обернуться, не взглянуть на практически оставленную часть себя.

Представьте себе ваше изумление, ваш испуг, если вдруг оглянувшись вы не увидите ничего, а ведь вы точно знали, что дело было сделано, такую шутку над ближним проделать практически невозможно, но если бы это случилось, то, уверяю вас, вы были бы в панике и в размышлениях не только сегодня, но и на следующий день.

А думали ли вы над тем, что когда вы пукаете сами, — это приятно, но когда это делают другие, — это отвратительно, вот вам чистый пример эгоизма.

Большинство людей лицемерны, но никто не в силах лицемерить перед своим говном. Если, посмотрев на выходца вашего организма, вы заметите отхождение от нормы, у вас портится настроение, день становится не таким, каким был минуту тому назад, у вас начинается комплекс вины и на улице вы легко даете себя толкнуть нахальному невеже и при этом даже не пытаетесь послать ему вдогонку какое-нибудь остроумное, но резкое слово.

Говно, говно, говно... Это слово считается грубым, вульгарным и оскорбительным, между тем, будь у вас три дня запор и вы бежите в аптеку и покупаете какие-то коричневые таблетки, которые благословят вас на следующее утро и сделают вашу жизнь легкой и веселой.

.....
Как часто приходится слышать от человека, который смотрит на картину, не понравившегося ему художника и говорит, что это говно. Опять неуважительное и презрительное отношение к говну.

Вспомните, вспомните свое детство — ведь большинство детей опускают палец в говно и делают рисунок на двери или стене. Высохшее говно становится нормальным объектом. Представьте себе открытие новой галереи, которая называется Галерея—Говно. Тысячи людей мастерски исполняют свои картины на открытом воздухе, они рисуют только своими неповторимыми красками, в прямом смысле они пишут кишками.

Это настоящий экспрессионизм, это искусство и творение. Что же касается до религиозного чувства, то туалеты — это несомненная продукция Рая и Ада. Я совсем не удивлюсь, если узнаю, что какой-нибудь новый современный монах живет отшельником в сортире. Через окно ему передают пищу, вся его жизнь и философия полна по настоящему глубоким и осознанным понятием этой жизни. Понятием обратимого процесса.

На этом я закругляюсь, я не хочу утомлять вас моим говном, у вас, несомненно, есть свое собственное, о котором вы думаете и заботитесь так же, как и я.

P.S. Это маленькое размышление о говне можно дополнять и расширять по своему вкусу и по своей неумной фантазии. Здесь ничего не написано о розовом и голубом говне ангелов, нет ничего также о блестящем говне фей и изумрудном испражнении русалок. Черный ведьминский помет и желтоватая хлипкость Золушки еще найдут свое место в литературе и музыке. Недаром последняя стадия мазохизма завершается копрофагством. Я уверена, что существуют редчайшие коллекции говна гениальных людей. Если бы завтра открылся музей *эксрименты*, то люди смогли бы увидеть гениальное говно Данте и единовластное каменное Гая Юлия Цезаря, легкое очищение Моцарта и результат многодневного запора Канта. Слепое говно Гомера привело бы в экстаз не одного современного поэта, а гомосексуальный балетный критик наверняка попытался бы украсть балетное *Нежинского*.

Прощайте, на сей раз я навсегда покидаю этот листок бумаги, и если вдруг так окажется, что у вас в самую лучшую минуту вашей жизни ничего не окажется под руками, то я не обижусь...

